

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
АКАДЕМИЯ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

№ 4 (95)
2016

Научный журнал
Издается с июля 1993 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель – Рязанская высшая школа МВД РФ
(федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Главный редактор А. Я. Гришко

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Распространяется на территории Российской Федерации. Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 73800;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.aprk.org) – 73800.

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (www.elibrary.ru).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. *Тел. (факс):* (4912) 93-82-42; 93-46-40.

<i>Редакторы</i>	О. А. Кейзина, А. Ю. Пертли
<i>Перевод</i>	С. В. Буробина, О. Ф. Варламова, Г. В. Кулакова, М. В. Петрова, Л. М. Урубкова, Н. В. Шилина
<i>Компьютерная верстка</i>	С. В. Ануфриев
<i>Ответственный за выпуск</i>	П. Н. Нестеров

Дата выхода в свет 28.12.2016. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 22,38. Усл. печ. л. 20,81.
Тираж 1500 экз. Заказ № _____. Цена свободная.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации СМИ № 01891 от 14.12.1992.

© Академия ФСИН России, 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

КРЫМОВ Александр Александрович, председатель, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АНТОНЯН Юрий Миранович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Москва);

ЗАРИПОВ Зарип Саидович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛЕБЕДЕВ Семен Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Москва);

МУЗЮКИН Анатолий Павлович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, Рязань);

НАУМОВ Анатолий Валентинович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПЛЕШАКОВ Владимир Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОБЕГАЙЛО Эдуард Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, Рязань);

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ШАТАЛОВ Александр Семенович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГРИШКО Александр Яковлевич, главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

РЫЖОВ Роман Сергеевич, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

АКСЕНОВА Галина Ивановна, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

БАРАБАНОВ Николай Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

БЛИНКОВ Олег Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ГАВРИЛОВ Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ИГНАТЕНКО Виктор Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

КАШУБА Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ЛИТВИШКОВ Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань);

МАКАРОВА Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОЗДНЯКОВ Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва);

ПОЛИЩУК Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ПОНИКАРОВ Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань);

СУХОВ Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань);

СЫЧ Константин Антонович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ТЮГАЕВА Нина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Россия, Рязань);

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва);

ЮНУСОВ Абдулжабар Агабалаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань);

НЕСТЕРОВ Павел Николаевич, ответственный секретарь (Россия, Рязань).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 7 **СЫЧ К. А.** Относительные теории наказания классической школы уголовного права и их востребованность современной доктриной
- 12 **ТЮГАЕВА Н. А.** Реализация физического воспитания осужденных через физкультурно-спортивную работу с ними

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 16 **ЛЕВЧЕНКО В. Б., СТАРОСТИН С. А.** Закрепление презумпции невиновности в системе принципов законодательства об административных правонарушениях

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 21 **АНТОНЯН Е. А.** Привлечение осужденных к труду за рубежом
- 25 **БАЙРАМОВ О. Т.** Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в Азербайджанской Республике
- 28 **НАЗАРОВ Д. А.** Условия содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, в Азербайджане

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 31 **БАДАЛЬЯНЦ Э. Ю., БАДАЛЬЯНЦ Ю. С.** Уголовно-правовая охрана жизни сотрудника полиции: историко-правовой аспект
- 36 **МАЛИКОВ Б. З.** О становлении советского уголовного права в России
- 41 **ФУММ А. М., ЯКОВЛЕВА О. Н.** Первая кодификация в сфере исполнения наказаний как фактор развития отечественного уголовно-исполнительного законодательства

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 46 **АКСЕНОВ А. А., ПОДЪЯБЛОНСКИЙ П. А., СУББОТИНА О. М.** Правовые и организационные аспекты функционирования организационных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в современных условиях

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 50 **АРТЕМЬЕВ Н. С., ПАНКРАТОВ В. А.** Прогнозирование индивидуального преступного поведения рецидивиста
- 55 **КАШУБА Ю. А.** Иные основания, предусмотренные законом для освобождения от отбывания наказания
- 60 **СКИБА А. П., АРТЕМЕНКО Н. В.** Замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания: проблемы уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования
- 65 **АВЕРКИН С. Д.** Организационно-тактические аспекты использования результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска) в расследовании преступлений
- 70 **БАКЛАНОВА К. Ю.** Правовой нигилизм в уголовно-правовой сфере
- 76 **ГАРТФЕЛЬД А. А.** Животный мир под охраной уголовного закона
- 82 **ЗВОНОВ А. В.** Содержание кары уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: краткий обзор
- 89 **ФОМИН В. В.** Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений
- 93 **ХАРЛАМОВА А. А.** Проблемные вопросы исчисления срока погашения судимости при условно-досрочном освобождении
- 99 **ЗВОНОВА А. В.** Роль антинаркотической политики государства в системе мер противодействия преступности
- 104 **МАРТЫНОВА Е. В.** Факторы, влияющие на состояние личной безопасности осужденных к лишению свободы, в процессе оперативно-розыскной деятельности

- 110 **ОНИЩЕНКО И. С.** Условно-досрочное освобождение осужденных женщин, имеющих малолетних детей: проблемы и практика применения
- 117 **БЕЛИК В. Н.** Теоретико-прикладные аспекты обеспечения правовой защиты осужденных к лишению свободы: анализ материалов судебной практики

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 124 **БЫКОВ Б. А.** Национальная экономическая безопасность: научные подходы, определение понятия, структурный анализ
- 130 **МАЛЕНКОВА Л. А.** Формирование и развитие управленческой отчетности федеральных государственных унитарных предприятий Федеральной службы исполнения наказаний

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 134 **КРЫМОВ А. А.** Формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности у курсантов вузов ФСИН России (на примере Академии ФСИН России)
- 138 **ВАСИЛЬЕВА И. В.** Критериально-диагностический инструментарий оценивания уровня развития инвариантных социально-личностных компетенций курсантов вузов ФСИН России
- 143 **МАЛЫШЕВ А. Г., МИЩУК А. М.** Значимость огневой подготовки в формировании морально-психологических качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы
- 146 **МИНИНА И. Н.** Ценностно-мотивационные особенности профессионального становления курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний
- 152 **МИХАЛЕВА И. В., КАЛАШНИКОВА Т. В., КАЛАШНИКОВА М. М.** Концепция направленности личности осужденных в отечественных пенитенциарно-психологических исследованиях
- 158 **ЕМЕЛЬЯНОВА А. Г.** Учет личностных особенностей осужденных в реформировании уголовно-исполнительной системы
- 162 **ОВСЯННИКОВА М. В.** Теоретико-методологические подходы к изучению эмоционального интеллекта у осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях
- 167 **РАХМАЕВ Э. С.** Международная научно-практическая конференция «Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний»
- 172 **Требования к статьям, представляемым для опубликования в научном журнале «Человек: преступление и наказание»**

CONTENTS

SCIENCE FORUM

- 7 *SYCH K. A.* Relative theories of punishment of classical school of criminal law and their demand modern doctrine
12 *TJUGAEVA N. A.* Realization of physical training of convicts through sports work with them

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 16 *LEVCHENKO V. B., STAROSTIN S. A.* Fixing the presumption of innocence in the system of principles of the legislation administrative offences

ABROAD

- 21 *ANTONJAN E. A.* Involvement of convicts to work in penal institutions abroad
25 *BAJRAMOV O. T.* Release from criminal liability due to active repentance in the Azerbaijan Republic
28 *NAZAROV J. A.* Conditions of keeping the persons condemned to punishment in the form of lifelong imprisonment in Azerbaijan

TIME LENS

- 31 *BADALYANTS E. Yu., BADALYANTS Yu. S.* Criminal law protection of a police officer's life: historical and legal aspects
36 *MALIKOV B. Z.* About formation of the soviet criminal law in Russia
41 *FUMM A. M., YAKOVLEVA O. N.* The first codification in the sphere of execution of punishments as the factor of development of the domestic criminal and executive legislation

MANAGEMENT VECTOR

- 46 *AKSYONOV A. A., PODYYABLONSKY P. A., SUBBOTINA O. M.* Legal and organizational aspects of administrative divisions activities of the fps of Russia in the current context

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 50 *ARTEMYEV N. S., PANKRATOV V. A.* Forecasting of individual criminal behaviour of the recidivist
55 *KASHUBA Yu. A.* Other bases provided by the law for release from serving a sentence
60 *SKIBA A. P., ARTEMENKO N. V.* Replacement of the unserved part of incarceration with a less restrictive punishment: problems of criminal law and penal law enforcement
65 *AVERKIN S. D.* Organizational and tactical aspects of use of results of security procedures (inspection and search) in investigation of crimes
70 *BAKLANOVA K. Yu.* Legal nihilism in the criminal law field
76 *GARTFEL'D A. A.* Fauna under protection of the penal statute
82 *ZVONOV A. V.* The content of the criminal penalty in the form of deprivation of right to hold specific posts or to be engaged in a certain activity: a short review
89 *FOMIN V. V.* Interaction of investigative and operational search divisions in case of disclosure and investigation of crimes
93 *HARLAMOVA A. A.* Issues of calculation the date of cancelation of conviction in case of parole
99 *ZVONOVA A. V.* The role of anti-narcotics policy of the state in system of measures of counteraction of crime
104 *MARTYNOVA E. V.* The factors influencing the state of personal security of prisoners in the course of detective activities
110 *ONISHCHENKO I. S.* Discharge on probation ahead of time of convicted women with infant children: problems and application practice
117 *BELIK V. N.* Theoretical and applied aspects of the legal protection of convicted persons to imprisonment: analysis of materials of judiciary practice

THE COMPETITIVENESS ANALYSIS

- 124 *BYKOV B. A.* Homeland economic safety: scientific approaches, determination of the concept, structural analysis

- 130 **MALENKOVA L. A.** The formation and development of management reporting in the federal state unitary enterprises of the federal service of execution of punishments of the Russian Federation

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 134 **KRYMOV A. A.** Formation of interethnic and interreligious tolerance at cadets of higher educational institutions of the fps of Russia (by the example of the academy of the FPS of Russia)
- 138 **VASIL'EVA I. V.** Criteria and diagnostic tools of estimation of the level of development of invariant social and personal competences of cadets of higher education institutions of FSIN of Russia
- 143 **MALYSHEV A. G., MISHHUK A. M.** The importance of fire training in forming of moral and psychological qualities of penal system officers
- 146 **MININA I. N.** Value-motivational peculiarities of professional development of military students of the federal penal service of Russia
- 152 **MIHALEVA I. V., KALASHNIKOVA T. V., KALASHNIKOVA M. M.** The concept of prisoner personality orientation in Russian penological and psychological research
- 158 **EMEL'JANOVA A. G.** Accounting of personal features of convicted persons in the reforming of the penal system
- 162 **OVSJANNIKOVA M. V.** Theoretical and methodological approaches to the study of emotional intelligence in female convicts serving sentences in correctional colonies
- 167 **RAKHMAEV E. S.** International scientific and practical conference «Penal policy and issues of execution of criminal punishments»
- 172 **Requirements to articles presented for publication in the scientific magazine «The Person: crime and punishment»**

КОНСТАНТИН АНТОНОВИЧ СЫЧ,
 доктор юридических наук, профессор,
 профессор кафедры уголовного права
 (Академия ФСИН России),
 e-mail: editor62@yandex.ru

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ИХ ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ДОКТРИНОЙ

Реферат: в статье раскрывается смысл относительных теорий наказания утилитарного течения в классической школе уголовного права. Среди обширного ряда концепций, выдвинутых этим течением, наибольшее развитие получили концепции, которые можно назвать концепциями устрашения, исправления общего и частного предупреждения, психологического принуждения. Данные теории стремились вывести необходимость наказания из его социально полезных свойств и целей, опираясь на позитивную цель, лежащую вне самого наказания. Таким образом, относительные теории наказания имеют то общее, что пытались предложить такую модель наказания, которая была бы пригодной для социально полезных целей.

Ключевые слова: утилитарное течение, относительные теории наказания, теория устрашения, теория исправления, теория предупреждения, теория психологического принуждения.

Утилитарное течение в классической школе уголовного права в отличие от абсолютных теорий стремилось, как известно, вывести необходимость наказания из его полезности, опираясь на позитивную цель, лежащую вне самого наказания [8, с. 10]. Среди обширного ряда концепций, выдвинутых этим течением, наибольшее развитие получили концепции, которые можно назвать концепциями устрашения, исправления общего и частного предупреждения, психологического принуждения.

Отмеченные теории наказания принято называть относительными теориями, поскольку они стремились вывести необходимость наказания из его социально полезных свойств и целей. Профессор И. Я. Фойницкий по этому вопросу писал: «Относительные теории не только требуют достижения посредством известных целей, но самое существование наказания оправдывают исключительно этими целями» [11, с. 53].

Теория устрашения является одной из самых древних, берущих свое начало с Уложения 1649 г., где указывалось, «чтобы иные, смотря на то, казнились бы и от того злого дела унялись». В основе рассматриваемой теории лежала идея о том, что страх перед уголовным наказанием должен удерживать всех тех, кто имеет склонность к преступному поведению, причем наказание должно быть настолько жестоким, чтобы внушить удерживающий страх, оно должно поражать сознание неустойчивых лиц своим видом и процедурой его исполнения.

Страх, чтобы иметь значение действенного мотива, способного изменить поведение человека,

удержать его от общественно опасного поступка, должен быть реальной категорией, оказывающей постоянное влияние на сознание лица. Профессор Гарвардского университета В. Кеннон в 1927 г., исследуя физиологию эмоций, пришел к выводу о том, что страх, ярость, боль и муки голода представляют собой элементарные чувства, которые с полным правом относятся к наиболее могучим факторам, определяющим поведение человека и животных» [6, с. 15].

Следует отметить, что теория устрашения, как ни одна из других теорий наказания, получила широкую поддержку на законодательном уровне и в правоприменительной практике, особенно в средневековый период. Профессор А. Ф. Кистяковский так характеризовал данный исторический период: «По городам, на площадях, возвышались прочно построенные виселицы, на которых постоянно висело несколько десятков казненных. В обществе всегда можно было встретить людей то заклеянных, то без ушей, то без носа, то без руки или ноги, которые отняты были в виде наказания» [7, с. 171].

Наказание, рассматриваемое как социально-правовая категория, несомненно, включает в свое содержание страх как психологическое переживание человека. Однако страх как мотив удержания представлен в наказании в довольно абстрактной форме, поскольку против него действуют контрмотивы, например, не узнают, не найдут, не докажут, поэтому трудно рассчитывать, что посредством только страха, заключенного в наказании, даже в форме жестоких его видов, можно эффективно бороться с преступностью. Прав в этом слу-

чае И. Анденес, когда утверждает, что «для законодателя более важно добиться не просто устрашения, а формирования запрета и привычки, так как они действуют независимо от запугивания разоблачением и наказанием и могут иметь значение, даже если тому или иному лицу неизвестен правовой запрет» [1, с. 31].

Теория устрашения, получившая свое развитие в рамках классической школы, в основу своего учения кладет принцип страха как мотива удержания неустойчивых лиц от совершения дальнейших преступлений.

Теория исправления является одной из самых распространенных теорий наказания, которая практически остается приоритетной в национальных доктринах права многих стран по сей день. Главный тезис этой теории наказания заключается в том, что последнее рассматривается как фактор, способный удержать от преступления не только третьих лиц, но и самого преступника от дальнейшей преступной деятельности.

В общем виде основная суть теории исправления заключается в том, что наказание, оказывая влияние на личность преступника путем ущемления его юридических благ, тем не менее видит в нем человеческую личность, которой стремится помочь в преодолении ее собственных недостатков. Изначально рассматриваемая теория включала в себя как моральное, так и юридическое исправление. Однако теоретически обоснованного положения о том, что следует понимать под моральным или юридическим исправлением, в литературе нет. В большей степени теория исправления представлена в юридической литературе так называемым юридическим исправлением, которое весьма существенно отличается от морального. Н. С. Таганцев отмечал: «Конечно, государство может иметь в виду только юридическое исправление преступника, то есть развитие в лице настроения, соответствующего требованиям права, чувства правоподчиненности» [9, с. 60].

Моральный аспект исправления более обстоятельно представлен в религиозно-философской литературе XVII–XVIII веков.

Именно в эпоху Средневековья берет свое начало концепция «исправления» личности преступника. Это связано прежде всего с тем, что идея наказания в религиозно-философской литературе всецело была подчинена идее исцеления, покаяния, исправления. Например, «Книга покаяний» Б. Вермского начинается такими словами: «Эта книга называется «исправитель» и «врач», потому что она содержит довольно средств для исправления тел и лечения душ и учит всякого священника, даже необразованного, как ему помочь каждому человеку» [3, с. 81].

Общая теория наказания, по словам Г. Д. Бермана, основывалась на методике, заимствованной из медицинских понятий той эпохи, где признавалось, что «противное надо лечить противным» по типу «охладить горячее», «согреть холодное» [3, с. 82]. Отмеченные положения нашли свое отражение в «Книге покаяний» Колумбана: «Болтливому человека следует приговорить к молчанию, нарушителя спокойствия – к тишине, греховодного – к посту...» [3, с. 82]. К этой идее наказания человечество возвращалось не раз, но всякий раз убеждалось в том, что изменить (исправить) сознание личности преступника, его внутренний духовный мир и систему социальных мотиваций посредством причинения страдания – недостижимая цель.

Теория предупреждения, получившая свое становление и развитие в рамках относительных теорий наказания, известна в юридической литературе еще как теория частного предупреждения. Соответственно теория устрашения с полным основанием относится к учению об общем предупреждении.

Согласно определению профессора А. Ф. Кистяковского «правовая жизнь требует не только того, чтобы не совершалось ничего противозаконного, но также, чтобы не было преступно настроенных волей» [7, с. 9]. Приведенный тезис указывает, что наказание рассматривается в данном контексте как такой способ воздействия на сознание преступника, который должен устранить преступную волю последнего. «Таким образом, – замечал по этому поводу Н. С. Таганцев, – наказание направляется не против преступного деяния, а против проявившейся в нем преступности учинившего» [9, с. 60]. В этом смысле на первый план выдвигается преступная воля человека, его сознание, побудительный мотив. Иными словами, объектом репрессивного воздействия избирается в данном случае сознание и воля преступника. Основной тезис теории принуждения заключен в известных словах профессора Ф. Листа: «Наказанию подлежит не преступление, а преступник».

Теория предупреждения, понимаемая в таком аспекте, очень близка по своей природе к позитивистским теориям наказания, с той лишь разницей, что она, находясь в русле классической школы уголовного права, все же признавала виновного, соразмерность и другие важнейшие положения. Не случайным в связи с этим является обоснование целей наказания сторонниками рассматриваемой теории, которое имеет ряд сходных черт с позитивистскими теориями: уничтожение посредством наказания в преступнике общественно опасного состояния, обнаруженного в результате совершенного преступления, причем это принудительное предупреждение зла может быть достигнуто путем угрозы, заставляющей преступника отказаться от

своих намерений, или уничтожением для преступника физической возможности делать зло, например, в результате применения смертной казни, пожизненного заключения [9, с. 61].

Следует отметить, что теория частного предупреждения остается по-прежнему одной из приоритетных теорий наказания в науке уголовного права. Профессор И. Анденес, основываясь на результатах своего исследования, посвященного проблеме предупреждения преступлению, приходит к выводу о том, что частное предупреждение как результат воздействия наказания на наказуемого имеет своей целью моральное совершенствование или приобретение социальных привычек лицом, подвергшимся его воздействию. Частное предупреждение имеет место и тогда, полагает И. Анденес, когда наказание делает наказанного безвредным либо навсегда – путем применения смертной казни или изгнания, либо временно – посредством вынесения приговора к тюремному заключению на определенный срок [1, с. 31]. С приведенным тезисом И. Анденеса не соглашается полностью профессор И. И. Карпец: «Нельзя говорить о частном предупреждении при назначении высшей меры наказания. Общепредупредительное значение такой меры бесспорно. О частном предупреждении говорить не приходится, ибо обращенное к конкретному преступнику такое наказание необратимо и поэтому никакого частнопредупредительного значения не имеет» [5, с. 157].

Такое широкое толкование понятия «частное предупреждение», которое приводит И. Анденес, не совсем оправданно. Все дело в том, что данным определением охватываются такие идеи, как устрашение, исправление, удержание и др. Наверное, частное предупреждение следует толковать в более узком понятии: когда в результате применения наказания преступник лишается физической возможности совершать преступления. В противном случае теряют свое самостоятельное значение теории исправления, устрашения и удержания.

Идеи теории частного предупреждения, как известно, нашли свое отражение в действующем УК РФ. В частности, ст. 43 УК РФ закрепляет: наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

В современной юридической литературе концепция предупреждения представлена в форме учения о частном и общем предупреждении. Не вдаваясь в более глубокое рассмотрение этой теории, отметим лишь, что идея о предупредительном значении наказания, будь то на индивидуальном либо на общесоциальном уровне, заслуживает внимания исследователей.

Теория психологического принуждения, родоначальником которой в юридической литературе принято считать А. Фейербаха, включает в себе идею, согласно которой наказание как уголовно-правовая санкция на стадии его законодательного закрепления угрожает всем, кто намеревается посягнуть на установленный запрет. Теория психологического принуждения, по мнению А. Ф. Бернера, стремится устрашать не видом казни, но удерживать от преступления самой угрозой наказания, заключающейся в законе. Угроза уголовного закона должна быть приспособлена таким образом, полагал А. Ф. Бернер, чтобы лишение, которое вытекает для преступника из наказания, было бы несравненно чувствительнее тех выгод и наслаждений, которые он может получить в результате совершенного преступления [4, с. 12].

В общем смысле теория психологического принуждения вполне может быть выражена в ее главном тезисе: риск разоблачения и наказания превышает соблазн совершить преступление. Иными словами, уголовное наказание, по мнению сторонников этой теории, имеет механизм социально-психологического действия еще до того, когда его конкретный вид будет назначен судом, то есть до момента его реального применения. Исполнение уголовного наказания лишь придает угрозе закона реальный характер.

А. Фейербах так определял значение теории психологического принуждения: «Сила желаний совершить поступок прекращается тем, что после дела его неминуемо последует зло, гораздо большее той неприятности, какая от неудовлетворенного побуждения произойти может» [10, с. 14]. Отсюда, по Фейербаху, наказания разделяются на две группы: наказания угрожаемые и наказания причиняемые. Цель первых – отвращение страхом от преступления, вторых – демонстрация действительности закона [10, с. 16].

Ранее сходное суждение было высказано еще И. Бентамом, согласно которому наказание должно превосходить выгоду преступления, чем менее неминуемость наказания, тем более должна быть его строгость [2, с. 546–548]. Эту позицию разделял в советской науке уголовного права профессор И. И. Карпец: «Суровое наказание как средство общего предупреждения более эффективно не тогда, когда оно назначается конкретному преступнику, а тогда, когда оно само по себе существует в законе, и люди знают, что за такое-то тяжкое преступление следует такое-то суровое наказание» [5, с. 156].

Однако следует признать, что идеи концепции психологического принуждения воспринимались в юридической литературе неоднозначно. Профессор Н. С. Таганцев еще в конце XIX в. отмечал:

«Но, присматриваясь к основам этой теории, нельзя не сказать, что она является не только односторонней, но и неверной. Угрозой злом не исчерпывается вся правоохранительная деятельность государства; устрашение нельзя признать единственным мотивом, удерживающим преступную волю» [9, с. 49].

Очень близок к позиции Н. С. Таганцева норвежский ученый И. Анденес, полагающий, что психологически поверхностные объяснения факторов человеческой мотивации, основанные на той точке зрения, что преступление порождается сознательными рациональными соображениями о наибольшем выигрыше, ведут к формуле психологического принуждения Фейербаха: правонарушитель должен знать, что риск, на который он идет, столь велик, а наказание столь сурово, что он может больше потерять, чем выиграть от совершения преступления [1, с. 29].

Как нам представляется, теорию психологического принуждения нельзя рассматривать под углом зрения единственно верной, способной разрешить проблему уголовного наказания в целом. Вместе с тем нельзя не признать, что идеи этой теории имеют рациональное зерно. Угрозу наказанием, вытекающую из требований уголовного закона, видимо, следует рассматривать как эффективное воздействие, направленное на предупреждение совершения преступления лишь применительно к определенной социальной группе людей, которые воспринимают строгость наказаний в качестве действенного мотива поведения. Само собой разумеется, что определить на социологическом уровне данную группу достаточно сложно, но и однозначно отвергать ее наличие, наверное, не совсем правильно.

Теория вознаграждения в науке уголовного права не получила широкого распространения. Ее основная идея, на наш взгляд, состоит в том, что наказание рассматривается в качестве эффективного средства заглаживания вреда, причиненного преступлением. Один из родоначальников теории вознаграждения профессор Г. Велькер так определял ее главный тезис: «Вред, который причиняет преступник, может быть материальный или идеальный: материальный вред заглаживается в порядке гражданского правосудия; заглаживание идеального вреда всегда дает содержание карательной деятельности государства» [9, с. 63].

Список литературы

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений / пер. с англ. В. М. Кована. М., 1979. 264 с.
2. Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении (сочинения английского юрисконсульта). СПб., 1806.
3. Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. 624 с.

Идеальный вред, по мнению А. Ф. Бернера, заключается в соблазнительности дурного примера, в проявлении неуважения к закону, в нарушении общественного спокойствия. Этот идеальный вред и должен быть заглажен посредством уголовного наказания [4, с. 14].

Более обстоятельно определяет понятие идеального вреда, который должен быть возмещен, по мнению сторонников теории возмещения наказания, профессор Н. С. Таганцев. Во-первых, преступник доказывает в преступлении очевидный недостаток правомерной воли, уважение к правам и достоинствам, как своему, так и других, уважение к закону. Во-вторых, преступник возбуждает презрение и самому себе, становясь непригодным для гражданского общества. В-третьих, преступление нарушает правосудие потерпевшего, унижает личностные достоинства человека, колеблет уважение к первому, побуждает к неправомерным действиям, к мести [9, с. 63–64]. Следовательно, по мнению авторов рассматриваемой теории, наказание, причиняющее страдание преступнику, способно возместить причиненный преступлением идеальный вред. В связи с этим заслуживает должного внимания теория «искупительной жертвы» Аксельма, которая была господствующей в католической юриспруденции на протяжении XII–XV веков: «Если бы Бог прощал людям грехи без всяких условий, отмечается в этой теории, то остался бы неустранным беспорядок, внесенный грехом в устройство вселенной, а этот неустранный беспорядок был бы нарушением справедливости» [3, с. 176–177].

Теория вознаграждения, или заглаживания вреда, имеет все основания получить дальнейшее развитие в современной юридической науке в смысле возмещения не только идеального вреда, но и материального средствами уголовной юстиции. Само собой разумеется, существующая модель наказания, основанная на репрессивном воздействии на преступника, не включает, да и не может включать в свое содержание механизм возмещения материального вреда. Нам представляется, что проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, нуждается в более фундаментальном исследовании.

Таким образом, рассмотренные нами так называемые относительные теории наказания имеют то общее, что пытались предложить такую модель наказания, которая была бы пригодной для социально полезных целей.

4. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. По истории уголовного права и законодательству положительному. Часть Общая. СПб., 1865. Т. 1. 940 с.
5. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. 287 с.
6. Кеннон В. Физиология эмоций: телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. М., 1927. 175 с.
7. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Общая часть. Киев, 1875. Т. 2. 413 с.
8. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предназначение. М., 1902. С. 1–157.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая : лекции. М., 1994. Т. 2. 358 с.
10. Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. 142 с.
11. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 514 с.

KONSTANTIN ANTONOVICH SYCH,
dsc in law, professor,
professor criminal law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: editor62@yandex.ru

RELATIVE THEORIES OF PUNISHMENT OF CLASSICAL SCHOOL OF CRIMINAL LAW AND THEIR DEMAND MODERN DOCTRINE

Abstract: article reveals sense of relative theories of punishment of the utilitarian current at a classical school of criminal law. Among a broad range of the concepts which are put forward by this current, the greatest development was gained by concepts which possible to call concepts of intimidation, correction of the general and private prevention, psychological coercion. These theories sought to bring need of punishment out of its socially useful properties and the purposes, leaning on the positive purpose lying out of the punishment. Thus, relative theories of punishment, have that general that tried to offer such model of punishment which would be suitable for socially useful purposes.

Key words: utilitarian current, relative theories of punishment, theory of intimidation, theory of correction, theory of the prevention, theory of psychological coercion.

References

1. Andenes I. Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenij [Punishment and prevention of crimes]. Translated from English of V. M. Kovana. M., 1979. 264 p.
2. Bentam I. Rassuzhdenija o grazhdanskom i ugovnom zakonopolozhenii (sochinenija anglijskogo juriskon-sul'ta) [Reasonings on a civil and criminal statute (composition of the English legal adviser)]. St. Petersburg, 1806.
3. Berman G. D. Zapadnaja tradicija prava: jepoha formirovanija [The western tradition is right: formation era]. Moscow, 1994. 624 p.
4. Berner A. F. Uchebnik ugovnogo prava. Po istorii ugovnogo prava i zakonodatel'stvu polozhitel'nomu. Chast' obshhaja [Textbook of criminal law. On history of criminal law and the legislation positive. General part]. St. Petersburg, 1865. Vol. 1. 940 p.
5. Karpec I. I. Nakazanie. Social'nye, pravovye i kriminologicheskie problem [Punishment. Social, legal and criminological problems]. Moscow, 1973. 287 p.
6. Kennon V. Fiziologija jemocij: telesnye izmenenija pri boli, golode, strahe i jarosti [Physiology of emotions: corporal changes at pain, hunger, fear and rage]. Moscow, 1927. 175 p.
7. Kistjakovskij A. F. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugovnogo prava. Obshhaja chast' [Elementary textbook of the general criminal law. General part]. Kiev, 1875. Vol. 2. 413 p.
8. Mokrinskij S. P. Nakazanie, ego celi i prednaznachenie [Punishment, his purposes and mission]. Moscow, 1902, pp. 1–157.
9. Tagancev N. S. Russkoe ugovnoe pravo. Chast' obshhaja [Russian criminal law. General part]. Moscow, 1994. Vol. 2. 358 p.
10. Fejerbah A. Ugovnoe pravo [Criminal law]. St. Petersburg, 1810. 142 p.
11. Fojnickij I. Ja. Uchenie o nakazanii v svjazi s tjur'movedeniem [The doctrine about punishment in connection with a tyurmovedeniye]. St. Petersburg, 1889. 514 p.

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА,
 доктор педагогических наук, профессор,
 заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
 профессор кафедры юридической психологии и педагогики
 (Академия ФСИН России),
 e-mail: upip2009@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЧЕРЕЗ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНУЮ РАБОТУ С НИМИ

Реферат: важной составляющей исправления осужденных в условиях ограниченного пространства и движений является их физическое воспитание, под которым следует понимать процесс формирования и развития физических способностей, морально-волевых качеств осужденных, укрепления и сбережения их физического и психического здоровья. Этот процесс выполняет три взаимосвязанные функции: оздоровительную, воспитательную (исправительную), сублимирующую (переключающую активность (энергию) субъекта на более высокий уровень).

Историко-педагогическое исследование проблемы свидетельствует о том, что некоторые направления, методы и средства реализации физического воспитания возникли еще в первобытном обществе, но они не носили целенаправленный характер. Как организованная деятельность физическое воспитание впервые появилось в Древней Греции. Античная система физического воспитания была в дальнейшем усвоена Средневековьем, а педагогическая мысль эпохи Возрождения оказала влияние на европейскую систему воспитания теоретическими положениями, подтвержденными практикой.

Изучение научной литературы и анализ использования результатов исследования применительно к лицам, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, позволяют отметить: наказывая человека за совершенное им преступление, государство исходит из того, что после отбывания наказания он должен быть возвращен в общество здоровым и жизнедеятельным. Решению этой задачи способствует включение осужденного в специально организованный процесс физического воспитания и участие его в различных физкультурно-спортивных мероприятиях.

В местах лишения свободы особенно активно физкультурно-спортивная работа проводилась в 70–80-е годы XX века. В комплексных планах политико-воспитательной работы с осужденными наряду с другими был раздел «Физкультурно-спортивная работа». В 90-е годы XX века новые общественно-экономические условия затруднили проведение физкультурно-спортивной работы с осужденными. В настоящее время ситуация изменилась – указ Президента РФ В. В. Путина вернул к жизни физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду и обороне». Пришло время поднять уровень физической подготовки населения страны, а также интенсифицировать физическое воспитание осужденных, приобщая их к физкультуре и спорту.

Ключевые слова: физическое воспитание, физкультурно-спортивная работа, формы и методика физкультурно-спортивной работы, физкультура, спорт.

Значимость и необходимость физического воспитания осужденных очевидны, ибо, как показывает практика, физкультура и спорт оказывают настолько сильное воздействие на личность, что трудно представить, чем их можно заменить или компенсировать в исправительном процессе [1, с. 189–193]. Однако, для того чтобы осужденные начали или продолжили заниматься массовым спортом и физкультурой, им необходимо объяснить, как это делать, и создать соответствующие условия.

Физическое воспитание осужденных реализуется через различные формы физкультурно-спортивной

работы с ними. Рассмотрим методику подготовки и проведения основных из них, апробированных многолетней практикой, руководствуясь следующим принципом: новизна – это не то, что отрицает, а то, что продолжает предыдущее.

1. Ежедневная утренняя физическая зарядка имеет гигиеническое и оздоровительное значение [2, с. 143–146], содействует переходу организма к бодрствованию и рабочему состоянию. Систематическое занятие зарядкой способствует воспитанию организованности, собранности и дисциплинированности. Утренняя зарядка включена в распорядок дня, проводится физорганами (из числа

осужденных) отрядов в течение 15–20 мин на закрепленных за отрядами открытых площадках в хорошую погоду, а в плохую – в общежитии. Спортивно-оздоровительные упражнения выполняются под музыку по команде, передаваемой по местному радио.

2. Физическая зарядка в рабочее время (производственная гимнастика) служит одним из средств преодоления чувства усталости, утомления, укрепления здоровья работающего и повышения производительности труда. Занятия производственной гимнастикой организуются в зависимости от характера работы, технологических процессов. Чтобы реализовать производственную гимнастику, необходимо выяснить возможности ее организации на отдельных производственных участках; определить наличие мест для непосредственного проведения занятий. Окончательное заключение по этому вопросу дает специальная комиссия, в состав которой входят инженер по технике безопасности, врач медчасти, руководитель физкультурно-спортивной секции колонии. Члены комиссии составляют акт, который служит своеобразным документом на право организации производственной гимнастики. Обязанность ежедневно проводить производственную гимнастику возлагается на общественных инструкторов из числа осужденных бригады, цеха, участка. Они ведут разъяснительную работу среди осужденных о пользе гимнастики и режима труда, заботятся о благоприятной санитарно-гигиенической обстановке. Гимнастические упражнения исполняются осужденными у своих рабочих мест в процессе производства в виде физкультурных пауз или физкультминут, проводимых в специально установленные перерывы в течение рабочего дня.

3. Занятия в спортивных секциях (командах) способствуют вовлечению осужденных в активную физкультурно-спортивную работу. В исправительных учреждениях, как правило, создаются следующие секции: шахматно-шашечная, легкой атлетики, акробатики, художественной гимнастики, хореографии, настольного тенниса, спортивных игр. Руководство секциями поручается осужденным из числа спортсменов. Спортивные команды создаются в каждом отряде. Их главная задача заключается не столько в достижении спортивных результатов, сколько в формировании и сплочении коллективов. Обычно вовлекают осужденных в физкультурно-спортивную работу по желанию, но иногда можно предложить, поручить, настоять на участии в той или иной спортивной секции.

4. Участие осужденных в соревнованиях имеет для них большое воспитательное значение, суть которого заключается в наличии правил соревнований и обязательности их выполнения всеми участника-

ми. В результате систематического участия в соревнованиях у осужденных вырабатываются самообладание и выдержка, сдержанность и критическая оценка обстановки, правильная реакция на возникающие трудности.

К соревнованию необходимо тщательно подготовить спортивные площадки, инвентарь, оборудование, положение о соревновании, в котором указываются цель, задачи, время и срок проведения, состав участников, порядок определения победителей и другие организационные вопросы.

Чаще всего соревнования проводятся по спортивным играм. Кроме того, важно предусмотреть, чтобы две враждующие группы не играли друг с другом, иначе спортивные соревнования могут превратиться в дальнейшее выяснение отношений и привести к нежелательным последствиям. Особенно эмоционально проходят соревнования по волейболу, баскетболу, мини-футболу, хоккею. Следует особое внимание уделять судейству, ибо даже небольшой, незначительной ошибкой или неточностью при судействе могут воспользоваться отрицательно настроенные осужденные. В ходе соревнований необходимо внимательно следить за игрой и игроками, чтобы не создавалась конфликтная ситуация.

Особый интерес у осужденных вызывают соревнования по поднятию гири. Для их проведения не требуется времени на подготовку. Проводятся они на открытой площадке, могут проходить самостоятельно, отдельно, а могут быть включены одним из туров спортивного конкурса.

5. Спортивные конкурсы – это непродолжительные по времени, не требующие специальной подготовки состязания. Могут проводиться в любое свободное от работы и учебы время, потому что условия конкурса просты. Они в основном проводятся с целью закрепления ранее полученных умений. Например, конкурс «силачей» включает в себя упражнения комплекса ГТО – подтягивание и отжимание в упоре лежа. Особенно эмоционально проходит конкурс по перетягиванию каната.

Легкоатлетические конкурсы могут проводиться на дистанции от 20 до 60 м в зависимости от возраста участников. Аналогично можно проводить конкурсы исполнителей комплекса утренней физической зарядки.

6. Спортивные викторины – интересная конкурсная форма спортивно-массовой работы. Для их проведения создаются команды из осужденных разных отрядов, разрабатываются вопросы по спортивной тематике.

7. Физкультурные вечера являются активной формой пропаганды спорта. Основную часть их программы составляют показательные выступления лучших спортсменов и спортивных команд отделений, отрядов, колонии или специально приглашен-

ных мастеров и разрядников из местных добровольных спортивных обществ и шефских организаций, учреждений и предприятий. Кроме того, в программу включаются спортивные игры, аттракционы и соревнования в силе, выносливости и ловкости.

8. Шахматно-шашечный турнир на первенство отряда (колонии) очень популярен среди осужденных. Он проводится с целью содействия развитию физической культуры и спорта в отряде; широкого вовлечения осужденных в регулярные занятия физкультурой и спортом; выявления лучших спортсменов для пополнения сборной команды отряда; обеспечения успешного выступления спортсменов отряда в спартакиаде колонии; пропаганды физической культуры и спорта как важного средства укрепления здоровья, исправления и подготовки к честному труду на свободе.

9. Встречи со спортсменами вызывают большой интерес у осужденных. По возможности приглашаются знаменитые спортсмены, которые рассказывают о своих спортивных достижениях, выступлениях на соревнованиях различных рангов, делятся впечатлениями об увиденном, призывают осужденных заниматься спортом, чтобы здоровыми вернуться к родным, семьям.

10. Спартакиада – комплекс соревнований, проводимых между бригадами и отрядами. Она является итогом всей физкультурно-спортивной работы и проводится, как правило, в летнее время. Организуется спартакиада в два этапа: первый внутри отряда, второй – среди отрядов. Отрядная спартакиада предшествует колонийской. По результатам отрядной спартакиады комплектуется команда отряда. В программу отрядной спартакиады включаются, например, соревнования по комплексу физической зарядки (на лучшее выполнение), волейболу, легкой атлетике, настольному теннису, шашкам, шахматам и т. д.

Итоги отрядной спартакиады целесообразно подвести на спортивном празднике, в программу которого, кроме подведения итогов, можно включить показательные выступления лучших спортсменов, различные игровые «комические эстафеты», а также награждение участников спартакиады.

Аналогично проводится колонийская спартакиада, причем организация спартакиады возможна в любой колонии, даже там, где отсутствуют специальные спортивные площадки. Обычно спартакиады проводятся в субботах, воскресные и праздничные дни.

Специфика деятельности исправительных учреждений обуславливает особенности организации и форм физкультурно-спортивной работы с осужденными: не все виды спорта могут культивироваться в местах лишения свободы. Как правило, исключаются все виды единоборства: борьба, бокс, фехтование, а также некоторые военно-прикладные виды спорта. В то же время комплекс ГТО остается нормативной и программной основой физического воспитания.

Формы физкультурно-спортивной работы многообразны, одни – для осужденных, другие – для сотрудников. Для последних, например, практикуются: смотры-конкурсы, фестиваль молодежи, чемпионат по плаванию, республиканский пробег, хоккейные турниры, День физкультурника, конкурсы на лучшую семейную пару [3, с. 28–31], спортивный фестиваль всех учреждений области [4, с. 27–30].

Выбор формы зависит от многих факторов: реальных возможностей учреждения; подбора и обучения физоргов из числа осужденных, а также инструкторов-общественников из числа сотрудников; знания и использования традиционных физкультурно-спортивных и физкультурно-оздоровительных методик, инновационных технологий, адаптированных к возрастным и психологическим особенностям личности осужденных, их физическим возможностям; личного примера сотрудников [5, с. 217–220].

Практика не стоит на месте, физкультурно-спортивная работа проводилась и проводится не только с осужденными, но и с сотрудниками, формы меняются, возникают новые, но суть их остается прежней: физическое воспитание. Показателем факта оценки его результатов как критерия исправленности одних и повышения уровня психолого-педагогического мастерства других.

Список литературы

1. Тюгаева Н. А. Физическое воспитание осужденных: актуализация проблемы // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 189–193.
2. Тюгаева Н. А. Санитарно-гигиеническое воспитание осужденных в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4. С. 143–146.
3. Топольник Е. И. Мудрость и опыт, помноженные на энергию молодости // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 12. С. 28–31.
4. Наша главная задача – достижение высоких показателей в деятельности уголовно-исполнительной системы // Преступление и наказание. 2014. № 9. С. 27–30.
5. Тюгаева Н. А. Физическое воспитание осужденных различных категорий как составляющая их исправления // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: тез. выступлений и докладов участников : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 2. С. 217–220.

NINA ALEKSEEVNA TJUGAEVA,

dsc in pedagogics, professor,
honored scientist of the higher school of the Russian Federation,
professor of the legal psychology and pedagogics department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: upip2009@yandex.ru

REALIZATION OF PHYSICAL TRAINING OF CONVICTS THROUGH SPORTS WORK WITH THEM

Abstract: an important component of correction of the condemned various categories in the conditions of limited space and movements is their physical training as which it is necessary to understand the process of forming and development of physical capabilities, moral and strong-willed qualities of convicts, strengthenings and savings of their physical and mental health. This process performs three interconnected functions: improving; educational (corrective); sublimating (the switching activity (energy) of the subject on higher level).

The historical and pedagogical research of the problem conducted by the author demonstrates that physical training arose at the beginning of a human civilization. Some directions, methods and implementers of physical training arose in primitive society, but they had no purposeful character. As organized activities physical training for the first time appeared in Ancient Greece. The antique system of physical training was acquired further by the Middle Ages, and the pedagogical thought of Renaissance exerted impact on the European educational system the theoretical provisions confirmed with practice.

Studying of scientific literature and the analysis of use of results of a research in relation to the persons serving sentence in organizations of a penal correction system allow to note: punishing the person for the crime committed by him, the state recognizes that after serving sentence it shall be returned in society healthy and active. The solution of this task is promoted by inclusion of the physical training condemned in specially organized process and its participation in various sports actions.

In places of detention sports work in the 70-80th years of the 20th century was especially actively carried out. In comprehensive plans of political-education work with convicts along with others there was a section «Sports Work». In the 90th years of the 20th century new socioeconomic conditions complicated carrying out sports work with convicts. Now the situation changed, the presidential decree of V. V. Putin returned the sports complex «It Is Ready to Work and Defense» to life. It is time to raise the level of physical training of the population of the country, and also to intensify physical training of convicts, acquainting them with physical culture and sport.

Key words: physical training, sports work, forms and techniques of sports work, physical culture, sport.

References

1. Tjugaeva N. A. Fizicheskoe vospitanie osuzhdennyh: aktualizacija problemy [Physical training of convicts: updating of a problem]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 3, pp. 189–193.
2. Tjugaeva N. A. Sanitarno-gigienicheskoe vospitanie osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [Sanitary and hygienic education of convicts in correctional facilities]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2015, no. 4, pp. 143–146.
3. Topol'nik E.I. Mudrost' i opyt, pomnozhenyye na jenergiju molodosti [Topolnik E. I. The wisdom and experience multiplied by energy of youth]. Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy – Sheets of a penal system, 2014, no. 12, pp. 28–31.
4. Nasha glavnaja zadacha – dostizhenie vysokih pokazatelej v dejatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy [Our main task – achievement of high rates in activity of a penal system]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2014, no. 9, pp. 27–30.
5. Tjugaeva N. A. Fizicheskoe vospitanie osuzhdennyh razlichnyh kategorij kak sostavljajushhaja ih ispravlenija [Physical training of the condemned various categories as making their corrections] Tezisy vystuplenij i dokladov uchastnikov II Mezhdunarodnogo penitenciar'nogo foruma «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» [Proc. the II International penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction»]. In 8 vol. Ryazan, 2015, vol. 2, pp. 217–220.

ВАЛЕРИЯ БОРИСОВНА ЛЕВЧЕНКО,
соискатель кафедры административного права и процесса,
e-mail: vblev4enko25@gmail.com;
СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СТАРОСТИН,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного права и процесса
(Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина),
e-mail: prof.starostin@gmail.com

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Реферат: в настоящее время необходимо усилить внимание к проблеме совершенствования административных правоотношений путем внедрения эффективных механизмов защиты прав лиц от возможных нарушений со стороны власти, одним из которых выступает принцип презумпции невиновности, позволяющий уравновесить юридическое неравенство сторон в разрешении дел об административных правонарушениях. Нельзя недооценивать роль принципа презумпции невиновности при формировании законодательной и правоприменительной практики в сфере законодательства об административных правонарушениях.

Абсолютно четкая проработка, однозначное, конкретное нормативное закрепление принципа презумпции невиновности в административном законодательстве является юридически необходимым, позволяющим обеспечить единство правовых норм и их применение. Только нормативное закрепление презумпции невиновности обеспечит неуклонное соблюдение правовых гарантий и позволит однозначно разрешать задачи, стоящие перед законодательством об административных правонарушениях Российской Федерации.

Ключевые слова: презумпция невиновности, принципы права, законодательство об административных правонарушениях, производство по делам об административных правонарушениях.

Законодательство об административных правонарушениях является частью правовой системы Российской Федерации и подпадает под действие всех отраслевых общепризнанных принципов права.

Большинство ученых едины во мнении, что «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [1, с. 79], они пронизывают правосознание, нормы, правоотношения, а также правоприменительную практику. Исходя из этого под принципами законодательства об административных правонарушениях понимают нормативно закрепленные, наиболее общие руководящие положения, определяющие его назначение и процессуальный порядок по делам об административных правонарушениях. Это всегда предельно широко выраженные нормативные положения, которые не содержат конкретных процессуальных правил, а дают лишь основание, из которого закономерно выводятся более частные нормы и критерии для их применения при различных обстоятельствах.

В современный период административное право является одной из самых динамичных отраслей российского права, в связи с чем в государственной политике налицо увеличивающийся разрыв между декларируемыми задачами, принципами и практическим результатом. Для придания постоянства действующему законодательству об административных правонарушениях вопрос о необходимости закрепления принципов активно обсуждается в юридической литературе.

Так, А. М. Васильев считает, что принципы, получившие закрепление в законодательстве, во-первых, сами приобретают регулирующее значение, воздействуя на правосознание людей, во-вторых, выступают в качестве отправных начал для дальнейшего развития законодательной и правоприменительной деятельности [2, с. 162].

Законодательное регулирование принципов права помогает нагляднее соотнести правовые предписания с регулируемыми общественными отношениями, что значительно повышает общее воспитательное и профилактическое воздействие права, тем самым позволяет сделать законодательство более устойчивым.

Изложенное дает возможность оценить значение нормативного закрепления принципов права, особенно в законодательстве об административных правонарушениях, так как граждане в ряде случаев самостоятельно защищают свои права, не обращаясь за квалифицированной помощью. С точки зрения правоприменителя, строгая необходимость руководствоваться ими является значимым и важным элементом функционирования государственного аппарата.

В законодательстве об административных правонарушениях принципы права занимают одно из центральных мест. Так, действующим Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) закреплены принцип равенства перед законом, (ст. 1.4), презумпция невиновности (ст. 1.5), обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением (ст. 1.6). Указанная группа принципов и составляет общую систему принципов действующего законодательства об административной ответственности.

Обеспечение соблюдения защиты прав лица, привлекаемого к административной ответственности, является общей правовой концепцией, которая оказывает влияние на принципы, образующие систему законодательства об административных правонарушениях, а также находит свое отражение в установлении гарантий (общих требований) реализации, раскрывающих содержание каждого из принципов.

Как показывает история развития законодательства об административных правонарушениях, содержание прав и свобод человека не только подвергалось значительным ограничениям, но и воспроизводилось в соответствии с государственным режимом, установленным действующей политической силой. Наличие соответствующих официальных полномочий субъектов, осуществлявших привлечение лица к административной ответственности, позволяло, не желая этого, ограничивать права и свободы указанных лиц. Этот факт обусловил необходимость закрепления системы принципов законодательства об административных правонарушениях с соответствующим набором общих положений (гарантий) осуществления реализации указанных принципов.

Законодатель не может предусмотреть исчерпывающий перечень гарантий осуществления каждого из принципов, поэтому представляется, что одно из общих правовых требований может входить в содержание другого принципа системы законодательства об административных правонарушениях. В связи с этим представляется справедливым суждение Ю. И. Стецовского о том, что «содержание одного принципа не означает полное сведение к содержанию другого, но взаимосвязь и

взаимообусловленность – это необходимое условие действия всей системы» [3, с. 316].

Таким образом, критерии отнесения принципа к системе общих принципов, на которых строится законодательство об административных правонарушениях, следующие: принцип должен иметь нормативное закрепление, содержать в себе общую идеологическую концепцию государства, иметь общеправовой характер, определять общую направленность всех стадий производства по делам об административных правонарушениях.

Рассматривая принцип презумпции невиновности в системе принципов законодательства об административных правонарушениях, можно определить его как самостоятельный отраслевой принцип, который полностью отвечает указанным критериям.

Сопоставляя принцип рассматриваемого законодательства и презумпцию невиновности, важно отметить, что данный принцип и презумпция в своей основе тесно взаимосвязаны, дополняют и конкретизируют друг друга, образуя систему, при которой содержание презумпции рассматривается в контексте содержания общего принципа права. Таким образом, презумпция невиновности, положенная в основу одного из главных принципов законодательства об административных правонарушениях, предполагает, что административная ответственность наступает только за виновное противоправное поведение, при этом лицо признается невиновным до его официального опровержения соответствующим компетентным субъектом.

Законодательное отражение презумпции невиновности в нормах КоАП РФ является основанием для ряда общих выводов, связанных с раскрытием его правильного толкования и надлежащего применения, что в итоге должно будет привести к предоставлению гарантий в реализации данного принципа на практике.

О существовании и использовании презумпции невиновности в качестве общего самостоятельного принципа законодательства об административных правонарушениях свидетельствует ст. 1.5 КоАП РФ, которая воспроизводит и развивает конституционные положения о презумпции невиновности с учетом особенностей, присущих рассматриваемому законодательству.

Первоначально текст ст. 1.5 КоАП РФ содержал следующие концептуальные позиции: «1. Лицо подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. 2. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном КоАП РФ, и установлена всту-

пившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. 3. Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. 4. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица».

В трактовку презумпции невиновности в административном праве добавлен принцип вины; вместо обвиняемого в совершении преступления говорится о лице, привлекаемом к административной ответственности (которым может оказаться не только физическое, но и юридическое лицо), и лице, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; в число субъектов, которые уполномочены признавать вину, включен не только суд (как в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ), но и другие органы, должностные лица, рассматривающие дело.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснил, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленного в ст. 1.5 КоАП РФ принципа административной ответственности – презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу. Реализация этого принципа заключается в том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица.

Рамки действия положения о презумпции невиновности, предусмотренные ст. 1.5 КоАП РФ, расширяются, конкретизируя понятие лиц, привлекаемых к административной ответственности, среди которых теперь могут быть не только физические, но и юридические лица.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно рассматривал вопросы, касающиеся административной ответственности юридических лиц. При этом сама возможность привлечения юридических лиц к административной ответственности не ставилась под сомнение и признавалась допустимым средством борьбы с административными правонарушениями.

На обеспечение действия презумпции невиновности при привлечении к административной ответственности юридических лиц направлены положе-

ния ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, предусматривающей основания, при наличии которых юридическое лицо может быть признано виновным в совершении административного правонарушения. Как указал Конституционный Суд РФ, данная норма имеет целью исключить возможность привлечения юридических лиц к административной ответственности при отсутствии их вины.

С момента включения в КоАП РФ ст. 2.6.1 Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями) ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ была дополнена изъятием из принципа презумпции невиновности и стала звучать следующим образом: «Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье». Из новой редакции ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ видно, что конституционный принцип презумпции невиновности отменяется в ряде случаев, когда лицо обязано доказывать свою невиновность при привлечении его к административной ответственности. К ним относятся ситуации, касающиеся фиксации правонарушений, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ, работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи.

В ст. 14 УПК РФ тот же принцип изложен иначе. Согласно ч. 2 ст. 14 УПК РФ «подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения», «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». В этом случае законодатель явно расширяет содержание принципа презумпции невиновности, закрепленного в Конституции РФ. Как видно из указанной статьи, речь идет не только об обвиняемом, но и о подозреваемом, уточняется правило распределения бремени доказывания, а также запрещается основывать обвинительный приговор на предположениях.

КоАП РФ не содержит правила о распределении бремени доказывания при установлении вины привлекаемого к административной ответственности лица, что, по нашему мнению, напрямую сказывается на эффективности механизма реализации презумпции невиновности. Данная проблема была затронута судьей Конституционного Суда РФ С. М. Казанцевым, который в особом мнении к постановлению Конституционного Суда РФ от 24 июня 2009 г. № 11-П отметил, что «неуказание в законе субъекта доказывания виновности не согла-

суется с конституционными принципами верховенства права и правового государства, а также с общеправовыми принципами правовой определенности, справедливости и равенства, не отвечает требованиям ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ».

Подобная неопределенность на уровне законодательного урегулирования порождает многочисленные проблемы в сфере правоприменения, на остроту которых указывают многие современные исследователи, обозначая, в частности, розыскной характер административного судопроизводства в России [4].

Важнейшей особенностью производства по делам об административных правонарушениях является юридическое неравенство сторон в правоотношениях, при которых привлекаемое к административной ответственности лицо противостоит органам государственной власти (местного самоуправления). В законодательстве об административных правонарушениях, где действуют отношения власти и подчинения между государством в лице его органа, уполномоченного к привлечению нарушителя к ответственности, и субъектом ответственности, неравенство сторон предполагается. Ю. М. Козловым отмечено, что «убедительные примеры, доказывающие возможность равенства сторон в общественном отношении, складывающемся в сфере государственного управления, подобно равенству в имущественных отношениях, регулируемых советским гражданским правом, в практике административного управления отсутствуют» [5, с. 36].

С. В. Левчук, указывая, что доказывание вины является профессиональной задачей следствия, отмечает, что «подобная парадигма всегда усиливает акцент обвинения на обоснование виновности лица и возможность использования дополнительных служебных и административных ресурсов вопреки презумпции невиновности». Автор предостерегает, что «при ослаблении контроля со стороны государства за механизмом презумпции невиновности возникает регрессивная тенденция с акцентом на презумпцию вины», ссылаясь на рассуждения Дж. Лестера (Фолкнерский университет, США) о том, что «презумпция невиновности должна быть обязательно обеспечена и ее следует отстаивать самым решительным образом, иначе ей на смену быстро придет презумпция вины» [6].

При взгляде на ситуацию, сложившуюся в сфере правоприменения, приходится признать, что отрицание принципа презумпции невиновности наряду с иными законодательно закрепленными принципами при применении государственного принуждения в сфере публичной ответственности приводит к негативным последствиям.

Так, согласно данным доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за

2014 г. Э. Памфиловой, затрагивающего проблемы законодательного закрепления и правоприменения принципов состязательности, равенства сторон, презумпции невиновности, «пробелы в законодательстве становятся причиной необъективного рассмотрения дел об административных правонарушениях мировыми судьями и судьями районных судов, а также отсутствия у граждан возможности восстановить нарушенные права в вышестоящих судах». Как указывается в докладе, «содержание поступающих к Уполномоченному жалоб подтверждает наличие системной проблемы, требующей дополнительного правового регулирования».

Значимость затронутых проблем представляется очевидной с учетом статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым только за первую половину 2015 г. количество лиц, подвергнутых административному наказанию за правонарушения, предусмотренные КоАП РФ, составляет 2 759 217 человек.

Приведенные факты свидетельствуют о необходимости усиления внимания к проблеме совершенствования административных правоотношений путем внедрения эффективных механизмов защиты прав таких лиц от возможных нарушений со стороны власти, одним из которых является принцип презумпции невиновности, позволяющий уравновесить юридическое неравенство сторон в разрешении дел об административных правонарушениях.

Таким образом, на данном этапе развития нельзя недооценивать роль принципа презумпции невиновности при формировании законодательной и правоприменительной практики в сфере законодательства об административных правонарушениях.

Четкая проработка, однозначное, конкретное нормативное закрепление принципа презумпции невиновности в административном законодательстве позволят обеспечить единство правовых норм и их применение. Для этого в принципе презумпции следует четко определить субъекты, их права и обязанности, санкции, применяемые вследствие нарушения принципа, порядок урегулирования всех вопросов, возникающих в ходе реализации принципа [7, с. 421]. Соответственно должна быть исключена возможность вольной трактовки и, как следствие, появления пробелов, которые влекут за собой его неправильное применение, поэтому только нормативное закрепление презумпции невиновности обеспечит неуклонное соблюдение правовых гарантий и позволит однозначно разрешать задачи, стоящие перед законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

Список литературы

1. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. 184 с.
2. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
3. Стецовский Ю. И., Ларин А. М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. 320 с.
4. Ожегова Г. А. Ужесточение административной ответственности в России // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 44–46.
5. Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М., 1967. 160 с.
6. Lester Joseph L. Presumed innocent, feared dangerous: the eight amendment's right to bail // Northern Kentucky law review, 2005, no. 32 (1), p. 9.
7. Пронина М. П. Правотворческие ошибки при создании презумпций в российском праве // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 421–425.

VALERIA BORISOVNA LEVCHEKO,
 applicant, administrative law and process department,
 e-mail: vblev4enko25@gmail.com;
SERGEY ALEKSEEVICH STAROSTIN,
 dsc in law, professor,
 professor administrative law and process department
 (Kutafin Moscow state law university),
 e-mail: prof.starostin@gmail.com

**FIXING THE PRESUMPTION OF INNOCENCE IN THE SYSTEM
 OF PRINCIPLES OF THE LEGISLATION ADMINISTRATIVE OFFENCES**

Abstract: now it is necessary to strengthen attention to a problem of improvement of administrative legal relationship by implementation of effective mechanisms of protection persons' rights against possible violations from the power, one of which the principle of a presumption of innocence allowing to counterbalance legal inequality of the parties in permission of cases of administrative offenses acts. It is impossible to underestimate a role of the principle of a presumption of innocence when forming legislative and law-enforcement practice in the sphere of the legislation on administrative offenses.

Absolutely accurate study, unambiguous, specific standard fixing the principle of presumption of innocence in the administrative legislation is legally necessary, allowing to provide unity of precepts of law and their application. Only accurate standard fixing presumption of innocence will provide steady observance of legal guarantees and will allow to resolve unambiguously the tasks facing the legislation concerning administrative offenses of the Russian Federation.

Key words: presumption of innocence, principles of the right, legislation concerning administrative offenses, administering cases concerning administrative offenses.

References

1. Lazarev V. V. Probely v prave i puti ih ustraneniya [Gaps in law and ways of their elimination]. Moscow, 1974. 184 p.
2. Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava [Legal categories. Methodological aspects of development of the system of categories of the theory of the law]. Moscow, 1976. 264 p.
3. Stecovskij Ju. I., Larin A. M. Konstitucionnyj princip obespechenija obvinjaemomu prava na zashhitu [Constitutional principle of providing to the defendant of a right of defense]. Moscow, 1988. 320 p.
4. Ozhegova G. A. Uzhestochenie administrativnoj otvetstvennosti v Rossii [Toughening of the administrative responsibility in Russia]. Administrativnoe pravo i process – Administrative right and process, 2014, no. 11, pp. 44–46.
5. Kozlov Ju. M. Predmet sovetskogo administrativnogo prava [Subject of the Soviet administrative law]. Moscow, 1967. 160 p.
6. Lester Joseph L. Presumed Innocent, Feared Dangerous: The Eight Amendment's Right To Bail. Northern Kentucky Law Review, 2005, no. 32 (1), p. 9.
7. Pronina M. P. Pravotvorcheskie oshibki pri sozdanii prezumpcij v rossijskom prave [Law-making mistakes during creation of presumptions in Russian law]. Juridicheskaja tehnika – Legal equipment, 2012, no. 6, p. 421–425.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АНТОНЯН,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права

(Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина),
e-mail: antonyaa@yandex.ru

ПРИВЛЕЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ ЗА РУБЕЖОМ

Реферат: значение труда важно для социальной адаптации осужденных. Труд предполагает создание благоприятных условий и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих приспособление (приобщение) осужденных в период отбывания наказания вплоть до освобождения к жизни на свободе. Однако при всем положительном значении труда в отрыве от других средств исправительного воздействия он малоэффективен и не способен поднять на должную высоту уровень общественного сознания осужденного. Этого можно добиться при сочетании все средства исправительного воздействия на осужденного с учетом особенности его личности и характера совершенного преступления, его поведения в местах лишения свободы, а также при справедливости труда: отвечающая современным условиям модернизированная производственная база, равноценные условия труда, его оплата, страховые гарантии. Изучение опыта привлечения осужденных к труду за рубежом позволяет убедиться в том, что сегодня единственная реальная возможность получить современное эффективное производство и увеличить рабочие места для осужденных – это сотрудничество с коммерческими структурами.

Ключевые слова: труд осужденных, организация производства в исправительных учреждениях, средства исправления осужденных.

Труд в процессе исправления осужденных играет важнейшую роль, невзирая на ту или иную модель пенитенциарной системы. К сожалению, в современных пенитенциарных системах сложно решить проблемы, связанные с привлечением осужденных к трудовой деятельности, прежде всего из-за отсутствия должного количества рабочих мест, льготного налогообложения в большинстве случаев, современного производства, что делает возможность трудиться отчасти привилегией. Вместе с тем труд для осужденных – это возможность не только улучшить свои условия пребывания в местах лишения свободы (возможность расходовать заработанные денежные средства), возместить ущерб, причиненный преступлением, но и поддержать физическое и психическое здоровье, пообщаться в большом коллективе (бригада, смена), что, несомненно, окажет влияние на их ресоциализацию. В связи с этим представляет интерес зарубежный опыт привлечения осужденных к труду, который дает представления о том, какие производственные объекты там представлены, как организуется работа на них, об особенностях, которые связаны с воспитательной функцией труда. При этом следует отметить, что физический труд в зарубежных пенитенциарных системах также занимает важное место в процессе исправления осужденных.

В Швеции труд входит в программу реабилитации осужденных и организуется в соответствии с предоставляемыми заказами по изготовлению самых разных видов работ. Организуют процесс привлечения осужденных к труду инженеры управления исправительных учреждений, которые и принимают заказы.

В Японии осужденные привлекаются к труду и тем самым восполняют тюремные затраты в большем объеме, чем в любой другой стране, частично получая денежное вознаграждение при освобождении.

Особенностью привлечения осужденных к труду в Китае является то, что основная часть прибыли от реализуемой готовой продукции идет на учебный процесс, организуемый для осужденных, на развитие колонии, на погашение покупок. Дело в том, что в Китае осужденным не начисляется заработная плата. Считается, что они всем необходимым обеспечены (одежда, питание, необходимые услуги) и обязаны возместить потраченные на них государством средства. При этом работают они по 12 часов в день. Основная часть готовой продукции (до 80 %) в китайских колониях идет на экспорт. В обеих странах осужденные не могут быть привлечены к работам на транспорте и по ремонту системы безопасности по понятным причинам.

В Сирии, например, осужденные привлечены к работам в автомобильных мастерских, причем как

в составе бригады, так и индивидуально. При этом рабочий день не должен превышать 8 часов.

Не во всех странах привлечение осужденных к труду регулируется нормами права. Так, во Франции с 1983 г. отменен принудительный труд. Осужденных не могут заставить трудиться, но они сами изъявляют желание, поскольку это дает им возможность больше времени быть вне камеры и заработать денежные средства, которые они могут потратить в магазине. В 2009 г. был принят Пенитенциарный закон, который, в частности, разъяснил условия и порядок начисления денежного вознаграждения заключенным. В ст. 32 Закона говорится о том, что оплата труда заключенных должна соответствовать установленной норме в трудовом законодательстве, не должна быть ниже, чем почасовая ставка, установленная законом. Таким образом, начисление заработной платы у заключенных во Франции выглядит следующим образом: около 45 % начисляется от минимального размера оплаты труда, если заключенный работает на производстве; около 30 % – если он занят на работах по хозяйственному обслуживанию (в зависимости от вида работ и от квалификации заключенного). При этом отдельно устанавливается минимальное денежное вознаграждение для заключенных, работающих в производственных мастерских, и оно составляет около 4 евро в час.

Кроме работ по хозяйственному обслуживанию на предоставляемых производственных объектах в тюрьмах работают многочисленные частные предприятия, которые главной задачей считают социальный характер своей деятельности в тюрьмах. Однако большинство частных предприятий в этом не заинтересованы из-за отсутствия системы льготного налогообложения в большинстве случаев. Многие частные предприятия, не желая, чтобы общественность знала, что они используют малооплачиваемый труд заключенных, предпочитают действовать через подрядчиков. Так, большое промышленное предприятие «Вис» в конце концов признало, что в период с 1970 по 2007 год оно использовало в тюрьмах «Флери-Мерожи» и «Осни» труд заключенных по сборке ручек и бритвенных станков, но заработную плату этим заключенным выплачивала пенитенциарная администрация, с которой у «Вис» был заключен соответствующий договор. Руководство тюрем, в свою очередь, нередко идет на уступки частным компаниям.

С 1977 г. работающие заключенные приобрели право на пенсию, выплачивая взносы на социальное обеспечение по пенсионному страхованию. Однако, учитывая низкую заработную плату, пенсионные выплаты мизерные. Для того чтобы заключенный получал базовую пенсию в соответствии с общей схемой пенсионного обеспечения, ему необходимо в год получать не менее 200 ми-

нимальных размеров труда, что в современных условиях совершенно нереально. Соответственно выплаты заключенных в пенсионный фонд позволят им в будущем получать пенсию лишь в течение трех месяцев в году.

В Германии осужденных привлекают к уборке камер в обязательном порядке, а на производственный объект только при его добровольном согласии. При этом труд осужденных рассматривается как самостоятельная социально-педагогическая работа с осужденными, а не как составная часть наказания. При организации труда осужденных администрация тюрем учитывает имеющуюся квалификацию осужденных, чтобы и после освобождения они смогли устроиться на рынке труда. Проблему трудоустройства разрешают с помощью привлечения предпринимателей, которые помогают создать предприятие на территории пенитенциарного учреждения или вне. Отбор осужденных для выполнения работ вне тюрьмы осуществляется администрацией тюрьмы. Как правило, такая возможность предоставляется тем осужденным, которые положительно характеризуются и отбыли половину срока наказания. Часть начисляемой суммы в качестве заработной платы «консервируется» и выдается при освобождении. Вопросами создания рабочих мест в тюрьмах Германии занимаются федеральные ведомства по труду, а администрация тюрем взаимодействует непосредственно с местными управлениями этих ведомств.

Международным сообществом уже давно высказано отношение к труду осужденных как к принудительному. В Международном пакте о гражданских и политических правах говорится о том, что никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду (ст. 8), с оговоркой: в случаях, когда в качестве наказания назначается лишение свободы, сопряженное с каторжными работами, запрет на принудительный труд не является препятствием для выполнения таких работ по приговору суда. В 1930 г. была принята Конвенция о принудительном или обязательном труде Генеральной конференцией Международной организации труда, которая вывела за рамки принудительный или обязательный труд, в том числе при исполнении наказания в виде лишения свободы. В соответствии с Минимальными стандартными правилами обращения с осужденными 1955 г. заключенные обязаны трудиться, но труд не должен причинять им страдания, он должен быть организован в соответствии с их физическими и психическими способностями, которые удостоверяет врач. Европейские пенитенциарные правила 1987 г. считают возможным обязать осужденных трудиться на основании заключения врача о его физиче-

ском и психическом здоровье. Правила рассматривают труд как позитивный элемент исправления осужденных, а также профессиональной подготовки, поэтому Правила настоятельно рекомендуют предусмотреть создание необходимых условий, при которых осужденные могли бы заниматься полезным оплачиваемым трудом, что позволит им оказывать материальную помощь семьям, возмещать ущерб и после освобождения адаптироваться на рынке труда.

Особый интерес представляет организация труда заключенных в США, где существуют так называемые частные тюрьмы, которые, казалось бы, должны решить проблему трудовой занятости заключенных, однако и там до 40 % заключенных не обеспечены работой. Труд в частных тюрьмах организуется на основании заключенных контрактов между властями штата и частными фирмами, компаниями. При этом оплата труда заключенного определяется самой фирмой, компанией. Именно развитие частных тюрем позволило развиваться целому промышленному комплексу по производству одежды, ее отдельных элементов для армии, норма прибыли от производства которой большая. Предоставляемая фирмами, компаниями работа чаще всего не требует специальной подготовки и наличия специальности.

Можно выделить следующие общие черты организации труда осужденных в отечественных и зарубежных пенитенциарных учреждениях:

- труд в исправительных учреждениях служит средством достижения специфических целей уголовного наказания и, главным образом, цели исправления осужденных, наряду с целями экономическими, социальными;
- трудовой процесс протекает в условиях лишения свободы участников трудовой деятельно-

сти, то есть в условиях изоляции работника от общества и в среде себе подобных;

- в области трудовой деятельности в условиях лишения свободы имеются определенные ограничения в отличие от трудовой деятельности лиц, находящихся на свободе. Так, осужденные не имеют права выбора рода занятий, не могут пользоваться на некоторых работах и т. д.;

- осужденные получают вознаграждение: им начисляют заработную плату или обеспечивают всем необходимым в счет заработанных денежных средств;

- труд осужденных организуется как коллективно, так и индивидуально.

Значение труда важно при социальной адаптации осужденных. Труд предполагает создание благоприятных условий и проведение комплекса мероприятий, обеспечивающих приспособление (приобщение) осужденных в период отбывания наказания вплоть до освобождения к жизни на свободе, но при всем положительном значении труда сам по себе в отрыве от других средств исправительного воздействия труд малоэффективен и не способен поднять на должную высоту уровень общественного сознания осужденного. Этого можно добиться только сочетая все средства исправительного воздействия на осужденного с учетом особенности его личности и характера совершенного преступления, его поведения в местах лишения свободы, а также при справедливости труда: налаженная и отвечающая современным условиям модернизированная производственная база, равноценные условия труда, его оплата, страховые гарантии. Изучение опыта привлечения осужденных к труду за рубежом позволяет убедиться в том, что сегодня единственная реальная возможность получить современное эффективное производство и увеличить рабочие места для осужденных – это сотрудничество с коммерческими структурами.

ELENA ALEKSANDROVNA ANTONJAN,
dsc in law, associate professor,
professor, criminology and penal law department
(Kutafin Moscow state law university),
e-mail: antonyaa@yandex.ru

INVOLVEMENT OF CONVICTS TO WORK IN PENAL INSTITUTIONS ABROAD

Abstract: value of work is important for convicts' social adjustment. Work assumes creating favorable conditions and carrying out a complex of activities during serving a sentence up to release which help convicts in their adaptation (familiarizing) to life in the community. But in spite of various positive effects, work in a separation from other corrective means is ineffective and cannot influence the level of the convict's social consciousness. It can be achieved only by combining all corrective activities taking into account his personality make-up and peculiarities of crime committed, as well as his behavior in places of detention. Besides, it is necessary to ensure justice of work which means modernized production base corresponding to modern situation, equivalent working conditions, work payment, insurance guarantees. Stud-

ying practice of convicts's involvement to work abroad allows to be convinced that now in order to receive modern effective production and to increase the number of workplaces for convicts it is necessary to cooperate with commercial structures.

Key words: work of convicts, production organization in correctional facilities, corrective means.

References

1. Antonjan E. A. Privlechenie osuzhdennyh k trudu v penitenciarnyh uchrezhdenija zarubezhnyh stran [Involvement of convicts to work in penal institutions of foreign countries]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2004, no. 3, pp. 91–94.
2. Antonjan E. A. Povyshenie ekonomicheskoy effektivnosti privlechenija osuzhdennyh k trudu v uslovijah ispravitel'nogo uchrezhdenija [Increase in cost efficiency of involvement of convicts to work in the conditions of correctional facility]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Jurisprudencija – Bulletin of the Moscow state regional university. Law series*, 2015, no. 2, pp. 80–86.
3. Shamsunov S. H. Trud osuzhdennyh k lisheniju svobody v Rossii (organizacionno-pravovye problemy) [Work of prisoners in Russia (organization and legal problems)]. Ryazan, 2003.

ОРХАН ТЕЛЬМАН-ОГЛЫ БАЙРАМОВ,
инспектор оперативного отдела УОН № 15
(Пенитенциарная служба Министерства юстиции
Азербайджанской Республики),
e-mail:lemka160@mail.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Реферат: освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от своего права привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а также применения в отношении его наказания. Одной из форм освобождения от уголовной ответственности, предусмотренной уголовным законодательством, является освобождение в связи с деятельным раскаянием.

Институт освобождения от уголовной ответственности и термин «деятельное раскаяние» встречаются только в уголовном законодательстве бывших союзных республик. Уголовное законодательство этих стран, не определяя и не раскрывая сущности термина «деятельное раскаяние», не решило основных практических и теоретических проблем в сфере понимания и применения данного института. Проведенный анализ уголовного законодательства государств – бывших союзных республик показывает, что содержание института освобождения от уголовной ответственности практически совпадает, однако имеется ряд различий. Отсутствие законодательного определения деятельного раскаяния является проблемой для правильного восприятия сущности этого института, создает трудности для практических работников.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, уголовное законодательство, уголовное право, уголовная ответственность, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, преступление, лишение свободы.

Освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от своего права, то есть от права привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, а также применения в отношении его наказания. Одной из форм освобождения от уголовной ответственности, предусмотренной уголовным законодательством, является освобождение в связи с деятельным раскаянием.

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием исследовался неоднократно на протяжении всего существования кодифицированных источников уголовного права. В различное время данная проблема разрабатывалась в трудах А. Г. Антонова [1], П. В. Алюшкина [2], Ю. В. Матвеевой [3], Л. В. Головки [4], А. Г. Калугина, А. М. Крепышева, М. Б. Черновой [5] и др. Несмотря на наличие большого количества работ по вышеуказанной теме, проблемы, связанные с деятельным раскаянием, в том числе в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики, еще не до конца разработаны и решены. Остались вопросы, кото-

рые требуют своего ответа, а некоторые аспекты данного института вообще не подвергались тщательному исследованию. В связи с этим изучение данного института остается актуальным.

Ученые, давая различные определения понятию «деятельное раскаяние», по-разному отнеслись к нему. По нашему мнению, самое удачное определение было дано А. М. Крепышевым. По мнению автора, деятельное раскаяние – это поощряемое государством смягчение ответственности или освобождение от нее, добровольное положительное поведение виновного после совершения преступления, направленное на снижение или полное устранение вредных последствий содеянного, а также на оказание содействия правоохранительным органам в раскрытии совершенного преступления [6].

Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в Азербайджанской Республике также обстоятельно не исследован.

Деятельное раскаяние предусматривает активное и добровольное поведение лица, совершив-

шего преступление, которое направлено на предотвращение или уменьшение вредных последствий преступления либо на оказание помощи правоохранительным органам в раскрытии преступления.

Согласно новому Уголовному кодексу Азербайджанской Республики (УК АР), который вступил в силу с 1 сентября 2000 г., уголовное дело может быть прекращено в связи с деятельным раскаянием только при совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, то есть при умышленных и неосторожных деяниях, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное в санкции соответствующей статьи УК АР, не превышает двух лет лишения свободы. Уголовный закон закрепляет и принципиальную возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лиц, совершивших менее тяжкое, тяжкое или даже особо тяжкое преступление. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 72 УК АР лицо, совершившее преступление иной категории и при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 72, может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, непосредственно предусмотренных соответствующими статьями Особой части УК АР. В настоящее время указанный вид освобождения закреплен в 24 составах УК АР. По родовому признаку это преступления против личности, общественной безопасности, государственной власти, военной службы, а также экономические преступления. Как показывает практика, в последнее время в структуре ежегодно регистрируемых в стране преступлений самый большой удельный вес составляют преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие. Последние годы этот показатель, согласно данным Главного управления статистической информации МВД Азербайджанской Республики, приближается к 84–85 %.

Институт освобождения от уголовной ответственности и термин «деятельное раскаяние»

встречаются только в уголовном законодательстве бывших союзных республик, которые ограниченно согласились с положениями уголовного законодательства Российской Федерации в этом вопросе. Практически ни один Уголовный кодекс этих стран, законодательно не определяя и не раскрывая сущности термина «деятельное раскаяние», не решил основных практических и теоретических проблем в сфере понимания и применения этого института. Исключением не является и УК АР. Считаем, что отсутствие законодательного определения деятельного раскаяния является проблемой для правильного восприятия сущности этого института, создает трудности для практических работников.

Проведенный анализ уголовного законодательства государств – бывших союзных республик показывает, что содержание института освобождения от уголовной ответственности практически совпадает. Однако имеются и отличия в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики от уголовного законодательства указанных республик, в том числе Российской Федерации. В УК РФ законодатель, проявляя гуманность, предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием не только лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, но и лиц, совершивших менее тяжкие преступления. УК АР такой возможности не предоставляет. Было бы целесообразно рассмотреть вопрос о расширении границ института в УК АР, применении его и к другим категориям лиц, совершивших преступления.

По нашему мнению, внесение указанных изменений в законодательство может создать благоприятные условия для уменьшения числа осужденных, а также облегчить деятельность практических работников при рассмотрении вопросов применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Список литературы

1. Антонов А. Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. 26 с.
2. Алюшкин П. В. Фактический состав освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 31 с.
3. Матвеева Ю. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 27 с.
4. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 24 с.
5. Чернова М. Б. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 22 с.
6. Крепышев А. М. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 26 с.

ORKHAN TELMAN-OGLY BAJRAMOV,

inspector of the operative section no. 15

(Penitentiary Service of the Ministry of Justice of the Azerbaijan Republic),

e-mail:lemka160@mail.ru

RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO ACTIVE REPENTANCE IN THE AZERBAIJAN REPUBLIC

Abstract: release from criminal liability is a refusal of the state of the right of involvement of the person which committed crimes to criminal liability and also applications in its relation of punishment. One of forms of release from the criminal liability provided by the penal legislation is release in connection with active repentance.

The institute of release from criminal liability and the term «active repentance» occurs only in the penal legislation of the former federal republics. Without determining the penal legislation of these countries and without disclosing essence of the term «active repentance» didn't solve the main practical and theoretical problems in the sphere of understanding and application of this institute. The carried-out analysis of the penal legislation of the states – the former federal republics shows that content of institute of release from criminal liability practically match. But at the same time there is a number of distinctions. At the same time lack of legislative determination of active repentance is a certain problem for the correct perception of essence of this institute, creates difficulties for practical workers in case of the solution of matters of substance.

Key words: Azerbaijan Republic, criminal code, criminal law, criminal liability, release from criminal liability, active repentance, crime, lisheni freedoms.

References

1. Antonov A. G. Deyatel'noe raskayanie kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Active repentance as the grounds for exemption from criminal responsibility. Cand. legal sci. diss. abstract]. Tomsk, 2000. 26 p.

2. Alyushkin P. V. Fakticheskiy sostav osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s deyatelnym raskayaniem. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [The actual composition of the exemption from criminal liability in connection with active repentance. Cand. legal sci. diss. abstract]. Volgograd, 2001. 31 p.

3. Matveeva Y. B. Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti v svyazi s deyatelnym raskayaniem. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Exemption from criminal liability in connection with active repentance. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2001. 27 p.

4. Golovko L. V. Al'ternativy ugolovnomu presledovaniyu kak forma protsessual'noy differentsiatsii. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Alternatives to criminal prosecution as a form of procedural differentiation. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 24 p.

5. Chernova M. B. Deyatel'noe raskayanie kak institut osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Active repentance as institute of release from criminal liability. Cand. legal sci. diss. abstract]. St. Petersburg, 2006. 22 p.

6. Krepishev A. M. Deyatel'noe raskayanie kak osnovanie osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Active repentance as basis release from criminal liability. Cand. legal sci. diss. abstract]. Nizhny Novgorod, 2000. 26 p.

ДЖАВИДАН АБУЛЬФАЗ-ОГЛЫ НАЗАРОВ,
инспектор организационно-контрольного управления
(Пенитенциарная служба Министерства юстиции
Азербайджанской Республики),
e-mail: javidan.nazarov@mail.ru

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Реферат: в статье рассматриваются условия содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, периоды его развития, а также предложения по его дальнейшему улучшению. Данное наказание является новой уголовно-правовой мерой в Азербайджанской Республике, включенной в уголовное законодательство в феврале 1998 г. после отмены смертной казни.

За прошедший период условия содержания лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, существенно изменились. Внесение изменений можно условно разделить на три периода. Первый период начинается с июня 1998 г., когда в Исправительно-трудовой кодекс Азербайджанской Республики была включена ст. 33.1 о порядке и условиях содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы. Период, в котором условия содержания осужденных, отбывающих это наказание, были строгими, продолжался до отмены Исправительно-трудового кодекса и принятия нового Кодекса по исполнению наказаний Азербайджанской Республики.

1 сентября 2000 г. с вступлением в силу нового Кодекса начался второй период, улучшились условия содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы. В ст. 122 данного законодательства, регулирующей условия содержания осужденных этой категории, предоставлена возможность для перевода их на улучшенные условия содержания и получения длительных свиданий.

Законом Азербайджанской Республики от 24 июня 2008 г. были внесены дополнения и изменения в Кодекс по исполнению наказаний, и начался третий период, в котором условия содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, значительно улучшились: расширился круг прав, увеличилась длительность телефонных переговоров, разрешен просмотр телепередач. В 2012 г. количество телефонных разговоров всех осужденных, в том числе осужденных к пожизненному лишению свободы, увеличилось еще в два раза.

Для дальнейшей гуманизации условий и порядка исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, приведения их в соответствие с международными нормами следует пересмотреть круг прав лиц, отбывающих это наказание, а именно: уменьшить срок для перевода в улучшенные условия содержания, увеличить длительность прогулки и создать возможность общения с другими осужденными.

Ключевые слова: Азербайджанская Республика, уголовно-исполнительное право, пожизненное лишение свободы, смертная казнь, уголовное наказание, условия содержания осужденных.

Пожизненное лишение свободы – вид уголовного наказания, заключающийся в лишении свободы на срок от момента вступления приговора суда в законную силу до биологической смерти осужденного [1]. В Азербайджанской Республике это наказание может быть назначено лишь мужчинам, совершившим особо тяжкие преступления в возрасте от 18 до 65 лет [2, с. 55]. Осужденные к пожизненному лишению свободы содержатся в тюрьмах и размещаются в камерах.

В современной истории уголовно-исполнительного законодательства развитие условий содержания осужденных этой категории проходило в три периода.

Первый период – с 25.06.1998 по 01.09.2000. 10 февраля 1998 г. после отмены смертной казни наказание в виде пожизненного лишения свободы было включено в уголовное законодательство Азербайджанской Республики. В связи с этим Законом от 25 июня 1998 г. в Исправительно-трудовой кодекс Азербайджанской Республики (ИТК АР) были внесены изменения и включена ст. 33.1, где предусматривались условия содержания лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы. Согласно новой статье осужденные имели право на два краткосрочных свидания, четыре телефонных разговора до десяти минут каждый, а также на получение двух передач и бандеролей в течение года. Они не имели права

на длительные свидания. Отсутствовала также возможность перевода осужденных в улучшенные условия содержания, а это противоречило стимулированию исправления.

Второй период – с 01.09.2000 по 24.06.2008. Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. ИТК АР утратил свою силу с 1 сентября, и был принят новый кодекс, регулирующий общественные отношения, связанные с исполнением наказаний, – Кодекс по исполнению наказаний Азербайджанской Республики (КИН). В новом Кодексе условия содержания осужденных улучшились с расширением их прав. Им предоставлено право на три краткосрочных и одно длительное свидание, шесть телефонных разговоров до десяти минут каждый, а также на получение четырех передач и бандеролей в течение года. В нем предусмотрена возможность перевода осужденных в улучшенные условия содержания. Для перевода требуется отбытие ими не менее 10 лет назначенного срока наказания при отсутствии взысканий и добросовестном отношении к труду. В этом случае осужденные получают несколько дополнительных привилегий. Им разрешается расходовать ежемесячно деньги на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, использовать право на свидания и телефонные разговоры, получать посылки, передачи или бандероли в течение года. При отмене улучшенного условия содержания данная мера поощрения может быть вновь применена по истечении не менее трех лет со времени принятия соответствующего решения. Срок первого перевода в улучшенные условия содержания, а также повторного перевода после его отмены является достаточно длительным.

Третий период – с 24.06.2008 по настоящее время. Законом Азербайджанской Республики от 24 июня 2008 г. были внесены дополнения и изменения в КИН, вследствие чего круг прав осужденных значительно расширился. Им было предоставлено новое право – просмотр телепередач. В этих целях во всех камерах были установлены телевизоры. Количество свиданий и получения передач и бандеролей увеличилось вдвое, а ежемесячные расходы на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости – более чем в 6 раз (в улучшенном условии содержания – в 7 раз). Число телефонных разговоров увеличилось в 4 раза (24 разговора в год), а длительность разговоров – на 5 минут (15 минут каждый разговор). Разрешены также телефонные разговоры между осужденными, которые являются родственниками и содержатся в разных пенитенциарных учреждениях. Законом Азербайджанской Республики от 16 октября 2012 г. число телефонных разговоров всех осужденных, включая лиц, осужден-

ных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, увеличилось еще вдвое. Было снято положение о прослушивании телефонных разговоров осужденных. Согласно ст. 84.5 указанного Закона контроль за телефонными разговорами осужденных производится по обоснованному решению администрации пенитенциарных учреждений с целью обеспечения общественного порядка, безопасности и соблюдения режимных требований при уголовном преследовании и в ходе процесса исполнения наказания. На данный момент осужденные этой категории имеют право на телефонные разговоры один раз в неделю до пятнадцати минут каждый плюс 4 раза в год в улучшенных условиях содержания.

Осужденные в обоих условиях содержания имеют право на ежедневную прогулку длительностью один час, но это право может быть досрочно прекращено в случае нарушения осужденными правил или по их личной просьбе. Большинство осужденных жалуются на краткость прогулочного времени и невозможность общения с другими осужденными. Длительность прогулки ни разу не была увеличена во время внесенных изменений в КИН.

При внесении дополнений и изменений в уголовно-исполнительное законодательство Азербайджанской Республики всегда учитывались рекомендации Европейского комитета против пыток (СРТ), а также Рекомендация Совета Европы Rec (2003) 23, касающаяся осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы. В целях улучшения условий и порядка исполнения данного наказания и дальнейшей гуманизации уголовно-исполнительного законодательства предлагаем внести в КИН следующие изменения.

1. Статью 85.1 дополнить вторым предложением следующего содержания:

«Во время прогулки для лиц, осужденных к наказанию в виде пожизненного лишения свободы, создается возможность общения с другими осужденными с соблюдением требований ст. 72.1–72.3 и 72.5 настоящего Кодекса».

2. В статье 122.1.4 слова «один час» заменить словами «два часа».

3. В статье 122.2 слова «десяти лет» заменить словами «пяти лет».

4. В статье 122.3 слова «трех лет» заменить словами «одного года».

После внесения изменений, указанных в первых двух пунктах, осужденным будет предоставлена возможность проводить много времени вне камеры, что в какой-то степени разнообразит их образ жизни. Изменения, содержащиеся в третьем и четвертом пунктах, будут умеренно гуманизировать условия отбывания наказания в виде пожизненно-го лишения свободы.

Список литературы

1. URL : <https://www.wikipedia.org/>.
2. Гумбатов М. Г., Назаров Д. А. Пожизненное лишение свободы в Азербайджанской Республике // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 55–58.

JAVIDAN ABULFAZ OGLY NAZAROV,
inspector, organization and supervision department
(Penitentiary service of the Ministry of justice of the Azerbaijan Republic),
e-mail: javidan.nazarov@mail.ru

**CONDITIONS OF KEEPING THE PERSONS CONDEMNED TO PUNISHMENT
IN THE FORM OF LIFELONG IMPRISONMENT IN AZERBAIJAN**

Abstract: in the article conditions of the persons sentenced to punishment in the form of lifelong imprisonment, the periods of its development, and also suggestions for its further improving are considered. This punishment is a new criminal and legal measure in the Azerbaijan Republic included in the criminal legislation in February, 1998 after the abolishment of the death penalty.

Lately conditions in prisons for persons who are having lifelong imprisonment significantly changed. These changes can be divided into three periods. The first period begins in June, 1998 when article 33-1 about orders and conditions of keeping of the persons condemned to punishment in the form of lifelong imprisonment was included in the Corrective-labor code of the Azerbaijan Republic. The period in which conditions of detention of prisoners serving this sentence were harsh went on until canceling the Corrective-labor code and passing the new Code on execution of punishments of the Azerbaijan Republic.

On September 1, 2000 when the new Code came into force the second period began, conditions of keeping of the persons condemned to punishment in the form of lifelong imprisonment improved. In article 122 of the new Code which regulates conditions of detention of prisoners of this category, an opportunity for their transfer to the improved conditions of keeping and receiving long appointments is provided.

The law of the Azerbaijan Republic of June 24, 2008 made additions and changes to the Code on execution of punishments and the third period began, in which conditions of keeping of the persons condemned to punishment in the form of lifelong imprisonment were considerably improved. The rights and duration of telephone conversations increased, watching TV programs was allowed. In 2012 the number of telephone talks of all convicts, including convicts to lifelong imprisonment, increased twice as many.

To make conditions of being in prison and of an order of execution of the punishment in the form of lifelong imprisonment more human, to make conditions and an order meet the international standards, it is necessary to revise the rights of the persons serving the sentence: to reduce period of transfer to the improved conditions of keeping, to increase the period of walk and to create an opportunity of communication with other convicts.

Key words: Azerbaijan Republic, criminal and executive right, lifelong imprisonment, death penalty, criminal penalty, conditions of detention of prisoners.

References

1. Available at : <https://www.wikipedia.org/>.
2. Gumbatov M. G., Nazarov J. A. Pozhiznennoe lishenie svobody v Azerbaydzhanskoy Respublike [Lifelong imprisonment in the Azerbaijan Republic]. Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy zhurnal– International penitentiary journal, 2015, no. 1, pp. 55–58.

ЭЛЕОНОРА ЮРЬЕВНА БАДАЛЬЯНЦ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
(Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя),
e-mail: kafupikr2011@mail.ru;

ЮРИЙ СЕТРАКОВИЧ БАДАЛЬЯНЦ,

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права
(Академия ФСИН России)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Реферат: в статье предпринята попытка исследовать вопрос эволюции норм уголовного закона, обеспечивающих повышенную охрану полицейских.

Целью исследования является ретроспективный анализ становления института уголовной ответственности за посягательства на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, в отечественном законодательстве.

Излагаются положения исторических памятников российского права об уголовно-правовой защите представителей власти; действующих нормативных предписаний, регламентирующих институт уголовной ответственности за посягательства на личность сотрудников правоохранительных органов; рассматривается законодательный подход к криминализации посягательств на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, дифференциации ответственности за соответствующие преступления, а также общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовно-правовой охраны неприкосновенности жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников правоохранительных органов при осуществлении ими функций по обеспечению установленного порядка управления.

Исследование истории формирования уголовно-правовых норм о защите сотрудников правоохранительных органов проводится в историко-правовом и сравнительно-правовом аспектах.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовная ответственность, преступление, наказание, полиция, представитель власти, должностное лицо.

Вопросы уголовно-правовой охраны жизни сотрудника полиции в России являются весьма актуальными в связи с участвовавшими в последнее время случаями нападения на сотрудников органов внутренних дел. Рассмотрим историко-правовой аспект охраны жизни полицейского со времен становления российской государственности.

А. Ф. Кистяковский указывал, что только история может дать объяснение современному состоянию уголовного права и его состоянию в предшествующие годы [1].

Прежде чем перейти непосредственно к анализу законодательных памятников, следует отметить, что формирование органов прокуратуры в России произошло в XVII в., а становление полиции пришлось на начало XVIII в. [2]. До создания органов

полиции функции по обеспечению общественного порядка возлагались на приказы: Разбойный, Земский и др. Древнерусское законодательство содержало нормы, направленные на охрану представителей княжеской власти (дружинников, представителей судебной власти) [3].

С развитием государственности и судебной системы совершенствовалось уголовное законодательство, была предусмотрена строгая ответственность за преступления против порядка управления и правосудия. При этом ни Судебник 1450 г. [4], ни Судебник 1497 г. [5] не содержали норм, посвященных охране жизни и здоровья лиц, выполнявших функции по охране общественного порядка.

Соборное уложение 1649 г. выделяло стрельцов как военную и полицейскую силу государства, закрепив их правовое положение в ряде статей, а

также отдельно в гл. 23. Вместе с тем в Уложении отсутствовали нормы, обеспечивающие уголовно-правовую охрану указанных лиц [5].

Важнейшим звеном в развитии уголовного законодательства стал Артикул воинский 1715 г. Здесь особый интерес представляют гл. 22, 23, нормы которых содержали признаки преступлений против порядка управления [6]. В гл. 23 были закреплены основания ответственности лиц, оказавших сопротивление судейским служителям, палачам и профосам при исполнении ими служебных обязанностей. Сопротивление рассматривалось как преступление против порядка управления (арт. 204, 205) [6].

В XVIII в. завершается формирование органов полиции. Издание в 1733 г. законодательного акта «Об учреждении полиции в городах» ознаменовало завершение первого этапа создания регулярной полиции в городах.

В русском праве начинает использоваться термин «полиция», имеющий двойное значение. Во-первых, функция государства по обеспечению безопасности в стране; во-вторых, орган государства, в компетенцию которого входит реализация данной функции. Основным документом в деятельности полиции становится Устав Благочиния [7].

К середине XVIII в. полномочия полицейских органов значительно расширяются. Полиция осуществляет охрану общественного порядка и безопасности, а также законотворческие, общеадминистративные, судебные и финансовые функции [7]. Соответственно у государства возникла обязанность обеспечить надлежащее выполнение полицией возложенных на нее функций.

Вступившее в силу в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [8], установило ответственность за незаконные действия в отношении полицейских. Например, ст. 299 Уложения предусматривала наказание в виде денежного взыскания от 50 копеек до 10 рублей или арест от одного до трех дней за ослушание или неповиновение полицейским. Статья 315 Уложения закрепляла ответственность за посягательство на честь и достоинство работников полицейских органов [8].

Нормы, направленные на охрану представителей правоохранительных органов, содержались и в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1885 г.) [9]. Лица, виновные в неисполнении законных распоряжений, требований или постановлений органов государственной власти или органов полиции, подвергались денежному штрафу до 50 рублей. Ослушание, оказанное жандармам или другим полицейским, наказывалось арестом до 7 дней или денежным взысканием до 25 рублей.

Таким образом, уголовно-правовая охрана сотрудников русской полиции в значительной степе-

ни возросла по сравнению с предшествующим законодательством.

Тенденция уголовно-правовой охраны полицейских сохранилась и в последнем документе до-революционного русского законодательства – Уголовном уложении, принятом в 1903 г. Оно предусматривало уголовную ответственность за посягательство на жизнь должностного лица при исполнении им своих служебных обязанностей (ст. 455 Уложения). Совершение указанного преступления влекло за собой строгое наказание в виде пожизненной каторги либо каторжных работ на срок не менее 10 лет.

К должностным лицам законодатель отнес полицейского (при производстве обыска или ареста), следователя, начальника тюрьмы и, обосновывая усиление уголовно-правовой охраны, отметил, что, совершая убийство полицейского, следователя, лицо совершает преступление против власти, что может повлечь за собой негативные последствия для общественного порядка.

Таким образом, к началу XX в. в российском уголовном законодательстве сформировалась система норм, обеспечивающих охрану сотрудников полиции.

В период 1917–1991 гг. произошло формирование уголовно-правовой охраны личности сотрудников правоохранительных органов. Однако три УК РСФСР (1922, 1926, 1960 гг.) не решили этот вопрос с достаточной полнотой.

УК РСФСР 1922 и 1926 гг. уделяли внимание охране сотрудников органов внутренних дел, однако рассматривали их не как специальных потерпевших, а в рамках более широкого понятия представителей власти. Основное внимание уголовного законодательства 1917–1926 гг. было сконцентрировано на проблеме защищенности государственного строя. При этом жизнь и здоровье сотрудников органов внутренних дел не входили в круг объектов, охраняемых уголовным законом.

Статья 86 УК РСФСР 1922 г. устанавливала уголовную ответственность за сопротивление представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей или принуждение к выполнению явно незаконных действий, сопряженных с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти. УК РСФСР 1926 г. расширил круг преступлений против представителей власти, установив уголовную ответственность за сопротивление власти, не сопряженное с насилием (ст. 73 УК РСФСР). Позднее УК РСФСР был дополнен ст. 73.1. Законодатель расширил признаки посягательства, дополнив специальной целью – прекращение служебной деятельности должностного лица или изменение ее характера в интересах угрожающего. При этом

уголовное законодательство не содержало обстоятельства, исключающего преступность деяния при задержании лица, совершившего преступление. В этих случаях суд руководствовался нормами о необходимой обороне и крайней необходимости (ст. 19, 20 УК РСФСР 1922 г. и ст. 13 УК РСФСР 1926 г.) [10].

Усиление уголовно-правовой защиты лиц, находящихся на переднем крае борьбы с преступностью, было объективно необходимо.

УК РСФСР 1960 г. провел систематизацию преступлений против порядка управления, существенно расширив границы уголовно-правовой охраны представителей власти. Законодатель установил уголовную ответственность за насильственное сопротивление представителю власти, выполняющему обязанности по охране общественного порядка (ст. 191 УК РСФСР), за угрозу или насилие в отношении должностного лица или общественного работника (ст. 193 УК РСФСР), за умышленное убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга с целью воспрепятствования законной деятельности соответствующего должностного лица (п. «в» ст. 102 УК РСФСР), за сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (ст. 191.1 УК РСФСР), за оскорбление работника милиции или народного дружинника (ст. 192.1 УК РСФСР), за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их деятельностью по охране общественного порядка (ст. 191.2 УК РФ).

Убийство сотрудника правоохранительного органа квалифицировалось как преступление против личности (п. «в» ст. 102 УК РСФСР), что не отражало действительной юридической природы рассматриваемого преступления, затушевывало его общественную опасность, образовывало определенный пробел в законодательстве.

Уголовная ответственность за посягательство на сотрудника милиции или народного дружинника и оскорбление указанных лиц была установлена в 1962 г. Указом «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников», что было обусловлено необходимостью обеспечить нормальную деятельность правоохранительных органов по охране общественного порядка, поднять престиж и авторитет лиц, призванных охранять общественный порядок.

Действующий Уголовный кодекс РФ в главе «Преступления против порядка управления» содержит нормы, устанавливающие повышенную уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких в связи с осуществлением данным лицом законной дея-

тельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Правовая регламентация защищенности должностного лица правоохранительного органа в связи с осуществлением данным лицом законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности детально представлена в действующем национальном законодательстве Российской Федерации и отвечает концептуальному подходу исследователей к решению данной проблемы. Несмотря на то что на международном уровне подобная проблема не выделяется, основные права и свободы указанных лиц подлежат защите наравне с другими лицами, не обладающими статусом должностного лица правоохранительного органа, что соответствует международной концепции по охране прав личности.

Вопросы уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, чести и достоинства лиц, осуществляющих порядок управления, имеют глубокие исторические корни. Тенденция закрепления этих норм в отечественном законодательстве началась с XVI–XVIII вв. При этом ответственность за данные преступления имела место в случае, когда устанавливалась связь виновного с деятельностью потерпевшего.

В ходе исторического развития и на современном этапе государство пыталось и пытается гарантировать охрану общественных отношений, обеспечивающих порядок управления посредством закрепления уголовной ответственности за посягательства на жизнь представителей власти различных ведомств, в том числе сотрудников правоохранительных органов. В истории уголовного законодательства термин «сотрудник правоохранительных органов» появился недавно, и можно отметить, что охрана жизни сотрудника правоохранительного органа имела место и в раннем законодательстве, хотя на современном этапе с учетом всех политических преобразований в России этот термин требует переосмысления [11].

Состояние и динамика преступности в России характеризуются ростом общего количества насильственных преступлений. Одним из проявлений насильственной преступности являются насильственные деяния в отношении сотрудников полиции, наибольшую общественную опасность среди которых представляют посягательства на их жизнь. Ответственность за эти деяния предусмотрена ст. 317 УК РФ. Эти преступления угрожают нормальному функционированию институтов государственной власти, являются демонстрацией вседозволенности, формируют в общественном сознании представление о бессилии государства в борьбе с преступностью, значительно снижают эффективность выполнения органами полиции своих функций.

Список литературы

1. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. М., 2002. 652 с.
2. Развитие русского права во II половине XVII–XVIII вв. М., 2007. 312 с.
3. Хрестоматия по истории России / под ред. А. С. Орлова, В. А. Георгиева, Н. Г. Георгиева, Т. А. Си-
вохина. М., 2004. 592 р.
4. Судебники XV–XVI веков / под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. 640 с.
5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. А. Г. Маньков ; под общ. ред. О. И. Чистя-
кова. М., 1985. Т. 3. 512 с.
6. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. 880 с.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. Е. И. Индова ; под общ. ред. О. И. Чи-
стякова. М., 1987. Т. 5. 528 с.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. общ. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. Т. 6. 432 с.
9. Лякуб П. М. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 2011. 210 с.
10. Ларин В. Ю. Историческое развитие уголовно-правового статуса сотрудников органов внутрен-
них дел в советский период // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 32–35.
11. Музюкин А. П. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика посягательства на жизнь
сотрудника правоохранительного органа : монография. М., 2007. 112 с.

ELEONORA YURYEVNA BADALYANTS,

phd in law, associate professor,
criminal law and criminology department
(Ryazan branch of the Vladimir Kikot Moscow university of the Ministry of interior of Russia),
e-mail: kafupikr2011@mail.ru;

YURI SETRAKOVICH BADALYANTS,

doctor in history, professor,
honored worker of higher school of the Russian Federation,
theory and history of state and law, international and european law department
(Academy of the FPS of Russia)

**CRIMINAL LAW PROTECTION OF A POLICE OFFICER'S LIFE:
HISTORIKAL AND LEGAL ASPECTS**

Abstract: in the article the attempt is made to study an issue of evolution of the criminal law provisions providing the increased protection of police officers.

The purpose of the research is the retrospective analysis of formation of the institute of criminal liability for offences against the persons performing law-enforcement activities in the domestic legislation.

Regulations of historical legal documents of the Russian law relating to criminal legal protection of public agents are referred to, as well as the existing standard instructions regulating institute of criminal liability for offences against law enforcement officers. Legislative approach to criminalization of offences against persons performing law-enforcement activities and differentiations of responsibility for the corresponding crimes are considered. Public relations developing in the sphere of criminal law protection of immunity of life, health, honor and dignity of law enforcement officers during performing their functions of providing an established procedure of management are also examined.

The investigation of the history of formation of criminal law provisions relating to protection of law enforcement officers is conducted in terms of history of law and comparative analysis.

Key words: criminal legislation, criminal liability, crime, punishment, police, public agent, official.

References

1. Kistjakovskij A. F. Jelementarnyj uchebnik obshhego ugolovnego prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugolovnego zakonodatel'stva [The elementary textbook of the common criminal law with a detailed description of the beginnings of the Russian criminal legislation]. Moscow, 2002. 652 p.

2. Razvitie ruskogo prava vo II polovine XVII–XVIII v [Development of the Russian law in the II half of the XVII–XVIII centuries]. Moscow, 2007. 312 p.
3. Hrestomatija po istorii Rossii [Anthology of history of Russia]. Under the editorship of A. S. Orlov, V. A. Georgiev, N. G. Georgiev, T. A. Sivohin. Moscow, 2004. 592 p.
4. Sudebniki XV–XVI vekov [Codes of laws of the XV–XVI centuries]. Under the editorship of B. D. Grekov. Moscow, Leningrad, 1952. 640 p.
5. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. In 9 vol. Under the editorship of A. G. Man'kov, O. I. Chistjakov. Moscow, 1985. Vol. 3. 512 p.
6. Zakonodatel'stvo Petra I [Peter I's legislation]. Under the editorship of A. A. Preobrazhenskij, T. E. Novickaja. Moscow, 1997. 880 p.
7. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. In 9 vol. Under the editorship of E. I. Indova, O. I. Chistjakov. Moscow, 1987. Vol. 5. 528 p.
8. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. In 9 vol. Under the editorship of O. I. Chistjakov. Moscow, 1988. Vol. 6. 432 p.
9. Ljakub P. M. Ustav o nakazanijah, nalagaemyh mirovymi sud'jami [The statute on punishments imposed by justices of law]. Moscow, 2011. 210 p.
10. Larin V. Ju. Istoricheskoe razvitie ugovolno-pravovogo statusa sotrudnikov organov vnutrennih del v so-vetskij period [Historical development of criminal law status of law-enforcement staff during the Soviet period]. Juridicheskaja nauka – Jurisprudence, 2014, no. 2, pp. 32–35.
11. Muzjukin A. P. Ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja harakteristika posjagatel'stva na zhizn' sotrudnika pravoohranitel'nogo organa [Criminal law and criminological characteristic of infringement on law enforcement employee's life]. Moscow, 2007. 112 p.

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
(Уфимский юридический институт МВД России),
e-mail: malikov_bz@mail.ru

О СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В РОССИИ

Реферат: в статье отражаются основные тенденции и особенности становления советского уголовного права как одной из отраслей нового социалистического типа права. Формирование Советского государства не представляло собой эволюционный процесс социального развития. Великая Октябрьская революция в России – это вооруженное свержение монархической, буржуазной и помещичьей власти, кульминацией которого стала Гражданская война и формирование новых политических, экономических и правовых основ функционирования социалистического уклада жизни. Создание пролетарского государства – это был сложный и противоречивый выбор трудящихся страны, которые стали одновременно и победителями, и побежденными, вовлеченными в политико-социальные процессы, и заложниками новых преобразований. В силу этого и социалистическое уголовное право стало основным орудием противодействия контрреволюции, установления социалистических экономических отношений, а затем и усиления личной власти И. В. Сталина.

Современное уголовное право России несет в себе черты и романо-германской правовой семьи, и социалистического права, а также позитивные тенденции в развитии международного взаимодействия и опыта в противодействии преступности.

Ключевые слова: правовая семья, уголовное право, учение о наказании, социалистическая революция, итоги гражданской войны, уголовно-правовые меры противодействия контрреволюции, советское уголовное право, приоритеты уголовно-судебной защиты.

Современное уголовное право России отражает дух двух эпох социального развития: досоветского и советского периодов государственности и теоретического осмысления проблем противодействия преступности.

Российское уголовное право, как и право в целом, в самодержавной России имело черты романо-германской правовой семьи. На формирование права оказывалось влияние царствующих особ еще со времен отношений Древней Руси и Византии при Иване III. В более поздние времена в России на этой же основе складывалось придворное окружение из представителей иностранных государств – Германии, Франции, Италии, их прямое либо косвенное участие в управлении делами государства, процедурах законотворчества и функционировании первых университетов в России.

Ко второй половине XIX в. в России вузовская правовая наука обрела более-менее четкие очертания и стремилась унифицировать уголовный закон в части санкций, а в теории постичь смысл кары и ее цели. Один из первых кодифицированных законов самодержавной России, на наш взгляд, отражал эту тенденцию. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в своем наименовании уже несло посыл остроты проблемы

посткриминального принуждения и необходимости исправления осужденных.

Русские правоведа – специалисты в области уголовного права и криминалистики с мировыми именами, такие как А. Ф. Кистяковский, Н. Д. Сергиевский, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий и другие, во второй половине XIX в. сформировали учение о наказании, обобщили и развили ряд значимых положений уголовного права о преступлении и наказании, уголовной ответственности, праве наказывания, об уголовно-правовом принуждении, о «лестнице» наказаний, видах наказаний правовых основах противодействия криминалу. Тем самым они не только внесли существенный вклад в развитие теории уголовного права, но и заложили элементы определенного своеобразия для формирования уголовного законодательства.

Теоретические основы учения о наказании не могли не оказать влияния и на формирование советского уголовного права, которое впервые в мировой практике базировалось на принципах новой мировоззренческой социалистической основы. Это было начало возникновения новой правовой семьи – социалистической.

Перед уголовным законом советской власти в России и бывшем СССР в разные периоды станов-

ления государственности стояли неоднозначные первоочередные либо более злободневные и неотложные задачи, которые предопределяли остроту и направленность уголовной репрессии.

Для понимания постановки проблемы следует отметить, что с ноября 1917 г. на протяжении более 5 лет советская власть вынуждена была отстаивать на поле брани Гражданской войны завоевание трудящихся – стремление широких масс к новому и более справедливому жизнеустройству. Гражданская война стала кульминацией социалистической революции, а также прямого и жестокого террора противоборствующих сторон. Это были тяжелые годы взаимоистребления нации, уничтожения экономики России, раздела истории, культуры, политики страны на дореволюционную и советскую. За всем этим следовала полнейшая разруха в экономике, утрата части культурного наследия, «бегство» интеллекта и специалистов за рубеж и нищета населения страны, избравшей социалистический путь развития. Россия заплатила высокую цену за выход из тупикового политико-социального стояния самодержавной и буржуазной действительности страны начала XX в. Разрыв нации не одно десятилетие кровоточил различными проявлениями контрреволюции, политического, экономического и военного сдерживания советской власти. К сожалению, противоборство бывших соотечественников порождало контрмеры в форме репрессии.

Естественно, новые социально-экономические отношения, венцом которых должно было стать самодостаточное государство как основной собственник и гарант благосостояния человека, субъект производства и распределения материальных благ, система учреждений и органов, призванных удовлетворять насущные потребности и интересы граждан, в обществе без сословий и привилегий, требовали организации решительной защиты результатов экспроприации власти не только военными, но и уголовно-судебными мерами.

В Стране Советов все граждане провозглашались равными перед законом и между собой. Каждый признавался сособственником и совладельцем государственного и кооперативного имущества. За счет доходов от производства государственных предприятий и колхозов граждане получали жилье, создавались фонды потребления, развития здравоохранения, санаторно-курортного лечения, отдыха, физкультуры и спорта и др. Это были наиболее привлекательные стороны социалистического переустройства страны.

С учетом нового политико-социального формата в праве была выражена идея всеобщности и доминирования социалистической собственности как экономической основы пролетарского государства

во благо общества и каждого человека. Это требовало от каждого человека и общества в целом высочайшей самоотдачи, организованности и ответственности, рачительного отношения к социалистической собственности. В уголовном праве приоритет защиты социалистической собственности означал не умаление человека и гражданина как основной социальной ценности, а, наоборот, создание правовых условий непоколебимости экономической основы благосостояния народа и каждой личности, поэтому государство устанавливало монополию на производство товаров, услуг и ряда видов деятельности. Спекуляция товарами и продуктами, произведенными государственными и кооперативными предприятиями, признавалась непозволительной и преступной, поэтому советское правовое воспитание ориентировало своих граждан на недопустимость посягательства на общенародное достояние, которое уже являлось материальным либо духовным исходным началом жизни каждого члена общества.

Для решения масштабных экономико-социальных проблем в советской России одного энтузиазма было недостаточно. Примеров и опыта социалистического строительства, в ходе которого надо было на начальном этапе просто выжить и сохранить себя в новом качестве, как власть большинства, как зарождающийся пролетарский строй, как иные отношения и социальную культуру и просто психологию, в мире не было. Советская политика в целом, особенно в области права и правосудия, была процессом проб и ошибок, инициатив снизу и на местах, порой не всегда продуманных. Пережитки прошлого в сознании масс не встраивались в логику перемен, целей и задач. Власти приходилось широко применять принуждение в организации неотложных и первоочередных экономико-социальных задач, в решении экстренных проблем. Все это было сопряжено с чередой чрезвычайных мер всеобщего принуждения, подавления противодействия и репрессий по отношению к контрреволюционной части населения, что приводило к противостоянию власти и народа. На ходу приходилось менять неоднократно уголовное законодательство в части отказа от смертной казни и ее обратного возврата в УК РСФСР.

Хотя сталинская Конституция СССР 1936 г. откасалась от диктатуры пролетариата как политической основы государства и провозглашала в качестве таковой опору в политике государственного строительства на Советы депутатов трудящихся при руководящей роли КПСС, в реальности управления страной и обществом это мало что меняло. В последующем в течение 20 лет при наличии Конституции СССР 1936 г. и сформированного в основном социалистического законодательства,

судебной системы в стране действовал произвол и режим репрессий. Это свидетельствовало об узурпации власти аппаратом принуждения, превращении государства в инструмент жесточайшего подавления инакомыслия и широкого применения репрессий по отношению к народу как источнику власти. Советское государство при наличии социалистического права так и не обрело черт реальной демократии, подлинной законности и независимого правосудия в интересах всего общества. Вместо опоры на народ государство (аппарат принуждения) его использовало в годы социалистического строительства и войн, подавляло его, когда голос народа оказывался слишком резкий либо выражал свое мнение.

Процесс социалистической модернизации, как бы он труден ни был, все же открывал для широких масс новые значимые возможности и перспективы в жизни. Позитивные социальные перемены в стране имели место, и это порождало новый взгляд граждан на свою сопричастность к делу, в котором интересы государства и общества совпадали.

В отличие от других правовых систем социалистическое право не имело своей вековой истории и выверенных временем принципов и традиций, опыта своей судебной практики. О возможности рецепции норм и принципов англосаксонской правовой семьи не только по причине того, что она была буржуазной, но и по соображениям полезности и востребованности внедрения в уголовное право советской России не было и речи. Хотя для усовершенствования и единообразия судебной деятельности был выработан механизм обобщения ее практики и подготовки рекомендаций высших судебных инстанций для применения по различным категориям дел.

Следует отметить, что базой для формирования социалистического права, в том числе криминальных отраслей, являлись теоретические и законодательные основы романо-германской правовой семьи, нашедшие отражение в дореволюционных законах и теоретическом наследии в области права. Влияния церковно-догматических идей на формирование права в советской России практически не отмечается, так как церковь не признавалась социально значимой и прогрессивной формой воздействия на социум. Церковь как форма социальной организации (власти) и духовного влияния на массы официально была отделена от государства. Она существовала автономно, как часть истории и культуры, как форма удовлетворения духовных потребностей и обрядности религиозной части населения.

В первые годы советской власти наиважнейшей задачей государства было удержание и защита власти от контрреволюции, белогвардейского про-

тивостояния, интервенции стран Антанты, всякой подрывной деятельности мирового капитала, а также кардинальное изменение общего формата политико-социального, правового сознания, поведения и ответственности населения. Противодействии обычному криминалу было сопутствующей задачей новой власти, злободневной, но по характеру и степени угрозы проблемой непервостепенной и менее опасной. Скорее всего, этими причинами было обусловлено создание различных и параллельных механизмов репрессии: трибуналов и судов, а также мест изоляции осужденных, подведомственных ВЧК-ОГПУ или НКВД.

Необходимость формирования правовых основ противодействия преступности в советской России была также объективно обусловлена, как и для всякого другого социального устройства. Новый социалистический строй не устранял и не в состоянии был избежать действия объективных и субъективных причин преступности. Хотя долгое время в стране на уровне партийной установки господствовало положение о том, что с устранением пережитков прошлого и построением коммунизма преступность будет сведена к отдельным эксцессам, которые будут уделом не государственных, а преимущественно общественных форм реагирования. Имея в виду советский способ противодействия преступности, В. В. Лунеев очень емко показал его связь с результатами снижения динамики уголовной преступности в СССР: «Советский народ, жестко схваченный в ежовые рукавицы, посаженный в лагеря и беспощадно уничтожаемый, действительно все меньше и меньше совершал уголовных деяний» [1]. Следует иметь в виду и другие моменты. Ведь в период тотального репрессивного давления на население страны широкие массы населения все же приобщались к социалистической культуре, которая в своем содержании опиралась на общечеловеческие ценности. Школа и трудовой коллектив стали центрами организации образования, воспитания и формирования новой культуры. Советская власть решительно выступила против старого инертного уклада жизни общества [2, с. 47–53]. Население страны было принудительно подвергнуто всеобщей трудовой занятости. Пропаганда и воспитание осуществлялись через компартию, профсоюзные и молодежные организации (пионерия и комсомол), военное ведомство и иные учреждения. Молодежь массово вовлекалась в спорт, в работу кружков и самостоятельных творческих коллективов, формировалась сеть учебных заведений, учреждений науки и культуры. Все это происходило на волне патриотизма, социалистического созидания и энтузиазма, способствовало выстраиванию новых отношений людей на принципах равенства, интернационализ-

ма, коллективизма, патриотизма, поддержки идей социалистического строительства и не только присутствовало в общественном сознании людей, но и было значимой мотивацией для успешного встраивания себя в динамику жизни, ее культуру и правопорядок.

Советское уголовное право, как и право того периода в целом, представляло собой одну из социальных ценностей. Оно возникло и развивалось вместе с государством и не только отражало особенности уголовно-правовых средств противодействия государства преступности, но и впитывало в себя дух всемирной истории и культуры человечества. Оно было так или иначе пронизано влиянием международного взаимодействия в форме всеобщих представлений о преступлении, уголовной ответственности и наказании. Вместе с тем советская власть с первых лет своего существования начала практиковать регулярное применение амнистий [3], впервые был введен в уголовное законодательство институт условного осуждения. Одним из первых законов советской власти был декрет об отмене смертной казни. Система наказаний, отраженная в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., состояла из 15 их видов, некоторые из них представляли собой в своей сущности меры судебного реагирования без карательного содержания.

Другой вопрос, не менее важный для любого государства вне зависимости от политико-социального устройства: какие противоправные деяния определяются в качестве преступлений, а лица, их совершившие, подлежат наказанию? Уголовное право и правосудие могут оцениваться по характеру и степени репрессивности с учетом системы наказаний, строгости санкций, практики

применения наказаний, их исполнения, а также наличия и действия механизмов защиты прав и интересов осужденных. В советский период в силу объективных экономико-социальных и субъективных политико-организационных причин партийная бюрократия монополизировала власть в стране, а законность в сфере борьбы с преступностью обрела чисто формальное значение, правосудие из основной формы защиты прав и интересов всех и каждого гражданина в СССР в сталинский период было превращено в репрессивный аппарат «принуждения» к социализму.

Советское уголовное право, черты которого получили отражение в уголовных законах и кодексах, принятых в первые два десятилетия новой власти, в целом было сформировано как отрасль социалистического права, начиная с принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Оно уже не было орудием борьбы с контрреволюцией. Оно стало отраслью социалистического права, призванной обеспечивать социалистический правопорядок и противодействовать преступности (ст. 1 Основ). С этого момента оно уже начало впитывать в себя мировой опыт уголовно-правового противодействия криминалу, а также стало отражать свои особенности в обеспечении уголовно-правовой охраны социалистических завоеваний трудящихся, в правовых оценках криминальных проявлений и механизмах принудительно-наказательного реагирования на них.

Современное уголовное право России вобрало в свое содержание опыт советского законодательства и правосудия, а также богатый пласт наследия теории уголовного права.

Список литературы

1. Лунеев В. Была ли ликвидирована преступность при социализме? // Население и общество. 2006. № 239–240. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema02.php> (дата обращения: 12.09.2016).
2. Горький А. М. Избранное. М., 1977. 488 с.
3. Барков А. Действие законов об амнистии во времени // Законность и правопорядок. 2008. № 4. С. 10–14.

BORIS ZUFAROVICH MALIKOV,

dsc in law, professor,

professor criminal law department

(Ufa law institute of the Ministry of internal affairs of Russia),

e-mail: malikov_bz@mail.ru

ABOUT FORMATION OF THE SOVIET CRIMINAL LAW IN RUSSIA

Abstract: the material of this publication reflects the main tendencies and features of formation of the Soviet criminal law as one of branches of a new socialist type of right. Forming of the Soviet state didn't represent evolutionary process of social development. The Great October Revolution in Russia is the armed overthrow of the monarchic, bourgeois and landowner power which culmination was a civil war and forming of a new political,

economic and legal basis of functioning of socialist tenor of life. The creation of the proletarian state was the difficult and contradictory choice of workers of the country who became at the same time both the winners and won, involved in political and social processes and hostages of new transformations. Due to this fact the socialist criminal law became the main tool of counteraction of a counterrevolution, foundation of the socialist economic relations, and then the strengthening of I. V. Stalin personal authority.

The modern criminal law of Russia bears in itself both lines of the romano-German legal family, and the socialist right, and also the fluence of positive tendencies in development of the international interaction and experience in crime counteraction.

Key words: legal family, criminal law, the doctrine of punishment, socialist revolution, results of a civil war, criminal legal measures of counteraction of a counterrevolution, Soviet criminal law, priorities of criminal and judicial protection.

References

1. Luneev V. Byla li likvidirovana prestupnost' pri socializme? [Whether crime under socialism was purged?]. *Naselenie i obshhestvo – Population and society*, 2006, no. 239–240. Available at : <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema02.php> (Accessed 12 March 2016).
2. Gor'kij A. M. *Izbrannoe* [Selectas]. Moscow, 1977. 488 p.
3. Barkov A. Dejstvie zakonov ob amnistii vo vremeni [Operation of laws on amnesty in time]. *Zakonnost' i pravoporjadok – Legality and law and order*, 2008, no. 4, pp. 10–14.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ФУММ,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела,
e-mail: yanok83@mail.ru;
ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ЯКОВЛЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
ученый секретарь
(ФКУ НИИ ФСИН России),
e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

ПЕРВАЯ КОДИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Реферат: в статье рассматриваются основные вехи первой советской кодификации в сфере исполнения наказаний, анализируются наиболее значимые аспекты разработки первого отечественного пенитенциарного кодекса с акцентом на тех его положениях, которые могут быть восприняты современным законодателем в процессе совершенствования правового регулирования уголовно-исполнительной системы России; подчеркивается, что с принятием Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. впервые в истории России было закреплено наименование отрасли права – исправительно-трудовое право, которое регулировало общественные отношения в области исполнения уголовных наказаний, определяло основные задачи, принципы, общие положения порядка и условий исполнения наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Важно, что Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. ввел ряд новых дефиниций исправительно-трудового права: Исправительно-трудовой кодекс, меры исправительно-трудового воздействия, исправительно-трудовые учреждения; обобщаются знания о становлении и развитии советской исправительно-трудовой системы, предшествующие принятию Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г.; делается вывод о необходимости осмысления накопленного в период принятия и действия Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. значительного конструктивного опыта регулирования уголовно-исполнительных правоотношений для современной нормативной практики с точки зрения значимости данного отечественного исторического ресурса.

Ключевые слова: исправительно-трудовая политика, лишение свободы, места заключения, прогрессивная система исполнения уголовных наказаний, заключенный.

После Октябрьской революции 1917 г. Советское государство приступило к слоому тюремных учреждений и созданию новых видов мест лишения свободы. При попытке претворить в жизнь лозунг В. И. Ленина о необходимости перехода от тюрем к воспитательным учреждениям это делалось поспешно, без четкого политического и экономического обоснования. Многие тюремные учреждения порой бездумно перестраивались под школы, гостиницы, фабрики и т. п. Так, к началу 1920-х гг. 36 тюрем в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (РСФСР) было использовано для создания школ и других культурно-воспитательных объектов, 10 – переоборудовано в больницы, 56 – стали учреждениями, 16 – складами, 32 – жилыми помещениями, а 37 мест заключения были разрушены. В общей сложности в рассматриваемый период было упразднено 193 тюрьмы [5, с. 28].

В первые годы советской власти велась активная работа по созданию теоретических основ исправительно-трудовой политики, разработке организационно-правовой и методической базы мест заключения, формированию их организационно-управленческих структур. Нормативная основа этой политики была заложена уже к моменту окончания гражданской войны в виде двух крупных нормативных актов по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы – Временной инструкции о лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового от 1918 г. и Положения об общих местах заключения РСФСР от 1920 г. Данные документы, как следует из их анализа, отражают явную преемственность с особенностями исполнения наказаний в дореволюционной России.

Целый ряд новелл, не характерных для дореволюционных нормативных актов, постепенно исчез и

из советского исправительно-трудового законодательства (например, коллегиальность в управлении местами лишения свободы; возможность продления срока лишения свободы; содержание в месте лишения свободы до тех пор, пока сальдо лицевого счета не станет положительным).

Законченный характер исправительно-трудовое законодательство приобрело с принятием Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. (далее – ИТК РСФСР, ИТК РСФСР 1924 г. или Кодекс). Это событие подвело черту под процессами послереволюционного нормотворчества в рассматриваемой области. Итогом принятия ИТК РСФСР стало:

введение прогрессивной системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы;

уменьшение (по сравнению с Положением об общих местах заключения РСФСР) объема прав осужденных в различных разрядах в части свиданий, передач и расходования заработанных денег;

закрепление института распределительных и наблюдательных комиссий с передачей им полномочий по условно-досрочному освобождению;

введение классового начала при исполнении лишения свободы;

значительное ослабление (по сравнению с предыдущими нормативными документами) мер дисциплинарного воздействия на осужденных [1, с. 67–70].

Необходимость создания нового законодательного акта объяснялось, на наш взгляд, несколькими причинами.

Во-первых, с изменением государственного строя неизбежно менялась и политика властей в сфере исполнения наказаний, требовалось коренное преобразование пенитенциарных учреждений, основанное на новой нормативной базе. Первые изменения тюремной системы начались еще при Временном правительстве: были отменены телесные наказания и наказание карцером, свидания стали осуществляться без разделяющей сетки, камеры днем не запирались, заключенные получили право выбирать из своей среды старост и уполномоченных представителей.

Во-вторых, в рассматриваемый период была проведена кодификация уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Содержавшийся в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. раздел об исполнении наказаний регламентировал эти вопросы неполно и, что называется, по остаточному принципу, а действовавшее на тот момент Положение об общих местах заключения во многом устарело.

В-третьих, необходимо было навести порядок в местах заключения, что при отсутствии правовой базы было весьма затруднительно: участились случаи побегов, голодовок заключенных и оскорб-

лений представителей администрации. Тяжелые условия содержания заключенных усугублялись хозяйственной разрухой и затянувшейся Гражданской войной.

За год до принятия первого ИТК РСФСР 1924 г. на территории страны функционировало 393 учреждения для содержания лиц, осужденных к лишению свободы. Наметился рост числа трудовых сельскохозяйственных, ремесленных, фабричных колоний, количество которых за период с 1920 по 1923 год увеличилось более чем вдвое – с 15 до 33. К сентябрю 1923 г. в учреждениях Главного управления местами заключения (ГУМЗ) Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР отбывали наказания 79 947 заключенных, что составляло 0,08 % от численности населения России (137 600 тыс.). Более трети заключенных (38 %) отбывали наказание за простую кражу, 12,3 % – за квалифицированную кражу, грабеж и разбой, 8 – за должностные преступления, 7,1 – за воинские преступления, 6,4 – за убийство, 4,8 % – за государственные преступления [3, с. 97–98].

Принятый на второй сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) XI созыва 16 октября 1924 г. ИТК РСФСР стал первым кодифицированным актом Советского государства в сфере исполнения наказаний, который был призван заменить огромное количество ведомственных распоряжений, упорядочить процесс исполнения наказаний. Напомним, что в Российской империи действовало два основных регламентирующих порядок и условия отбывания различных видов наказания документа – Устав о содержащихся под стражей 1832 г. и Устав о ссыльных 1822 г.

К 1922 г. (моменту начала работы над Кодексом) деятельность мест лишения свободы регламентировалась многочисленными нормативными актами, часто противоречившими друг другу циркулярами и распоряжениями, к тому же не имевшими обязательной силы для иных ведомств. По данным Народного комиссариата юстиции (Наркомюста) РСФСР, только Центральным карательным отделом (ЦКО) во второй половине 1918 г. было издано 85 циркуляров, в 1919 г. – 90, за 10 месяцев 1920 г. – 56, притом что большинство из них имели нормативный характер [2].

Именно в этот период началась работа над проектом Кодекса, первоначально имевшего название Пенитенциарный устав. В декабре 1922 г. начальникам всех исправительных учреждений был разослан циркуляр ГУМЗ НКВД РСФСР от 8 декабря 1922 г. № 72, в котором предлагалось на основе изучения практической деятельности внести предложения по изменению действовавшего исправительно-трудового законодательства. С этой

же целью под председательством начальника ГУМЗ Е. Г. Ширвиндта была создана специальная комиссия, в состав которой вошли работники этого ведомства. Об интенсивности работы комиссии можно судить по следующему факту: в период с января по июнь 1923 г. было проведено 21 заседание, в ходе которых проект Кодекса обсуждался постатейно [2]. Комиссия в своей работе придерживалась такого порядка: на очередном заседании обсуждался план конкретного отдела Кодекса, определялось его основное содержание, назначались исполнители, с тем чтобы по мере готовности материала вновь вернуться к обсуждению на заседании комиссии предложенной новой редакции отдела или главы Кодекса.

Наряду с организационной работой в подготовке проекта принимали участие партийные органы и заинтересованные ведомства: Центральная контрольная комиссия (ЦКК) РКП (б), комиссия Малого Совнаркома с участием представителей Наркомюста, Наркомздрава, Наркомтруда, Рабоче-Крестьянской инспекции, Главного политуправления [6, с. 375–376].

Бесспорным достоинством работы над проектом ИТК РСФСР стало его широкое обсуждение: в течение 1923–1924 гг. он получил одобрение не только специалистов, но и практических работников пенитенциарной системы, в частности, в ходе проходившего в Москве с 18 по 24 октября 1924 г. I Всероссийского съезда работников пенитенциарного дела, в котором приняли участие делегаты практически от всех губерний, областей и автономных республик РСФСР, а также представители НКВД других союзных республик (Украины и Азербайджана). Всего на съезде присутствовало более 80 человек.

Вновь принятый законодательный акт, включавший в себя 231 статью и состоявший из раздела «Общие положения» и десяти отделов, регулировал исполнение наказаний в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Отметим, что деление на разделы, отделы и главы, а также последовательность изложения норм в исправительно-трудовых кодексах (1933 и 1970 гг.) в значительной мере схожи с ИТК РСФСР 1924 г.

В разделе «Общие положения» нашли отражение ленинские принципы советской исправительно-трудовой политики: единство общего и частного предупреждения преступлений, требование о необходимости соединения наказания в виде лишения свободы и принудительных работ с мерами исправительно-трудового воздействия – общественно полезным трудом и культурно-просветительной работой. Перед исправительно-трудовыми учреждениями ставилась задача адап-

тации лиц, преступивших закон, к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, соединенного с лишением свободы, и предотвращения возможности совершения ими новых преступлений.

В десяти отделах Кодекса последовательно рассматривались вопросы управления местами заключения, их виды, категории заключенных, порядок их прибытия в учреждения и выбытия из них, особенности режима содержания, порядок посещения мест заключения, организация помощи заключенным и лицам, освобождаемым из мест заключения. Анализ отделов Кодекса показывает, что в них подробно реализовались основные принципы, изложенные в общих положениях.

Многие положения ИТК РСФСР 1924 г., как показывает анализ его статей, были заимствованы из нормативных актов дореволюционной России и Временного правительства. Вместе с тем имелись некоторые новеллы, отражавшие особенности государственного строя и политического режима. В частности, согласно ст. 8 Кодекса в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) предусматривались меры по развитию самостоятельности заключенных, направленной на приобретение свойств и профессиональных навыков, необходимых для трудовой жизни в обществе. Это был принципиально новый аспект отечественной исправительно-трудовой политики: в дореволюционной России о необходимости развития у заключенных самостоятельности даже не упоминалось, за исключением случаев, когда арестанты сами выбирали старшего по камере. Следует признать данную норму весьма прогрессивной: свою эффективность она доказала на протяжении многих десятилетий и была отменена лишь в начале XXI века после ее извращенного применения на практике.

Таким образом, первая кодификация советского исправительно-трудового законодательства определила основные направления развития данной области, выявила проблемные вопросы и наметила пути их решения. ИТК РСФСР 1924 г. опередил свое время: его многие положения в связи со сложной ситуацией как в стране в целом, так и в местах лишения свободы в частности оказались нереализованными. К моменту принятия Кодекса в 355 местах заключения содержалось более 75 тыс. заключенных, что было значительным перелимитом. Рост числа заключенных значительно опережал строительство и оборудование новых исправительно-трудовых учреждений, поэтому уже через несколько лет ввиду переполнения мест лишения свободы и негативной оперативной обстановки государство вынуждено было законодательно закрепить отход от заложенных в ИТК РСФСР 1924 г. поло-

жений. Так, в 1928 г. вышло в свет Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения», в котором НКВД и НКЮ поручалось разработать предложения по изменению ИТК РСФСР 1924 г. [4, с. 305].

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г., законодательно оформивший прогрессивную систему отбывания наказания, стал итогом семилетнего периода развития советской исправительно-трудовой политики. Первый советский Исправительно-трудовой кодекс явился важным историческим документом, содержание которого имеет большое значение для правильного понимания сущности современной уголовно-исполнительной политики. Почти без изменений Кодекс действовал около девяти лет и был заменен ИТК РСФСР, принятым 1 августа 1933 г. Новый Кодекс воспроизвел основные принципиальные положения Кодекса 1924 г. и развил их применительно к новым условиям, сложившимся в стране. Некоторые принципиальные положения рассматриваемого документа

нашли отражение в уголовно-исполнительном законодательстве современной России. По мнению ряда исследователей, ИТК РСФСР 1924 г. явился одним из лучших пенитенциарных законов в истории нашего государства, поскольку «был нацелен на всемерное содействие тому, чтобы совершивший преступление человек не оказался выброшенным за борт общества, а вернулся в него полноценным гражданином» [6, с. 388–389]. Среди недостатков Кодекса отмечались классовый подход, несоответствие некоторых положений закона существовавшей пенитенциарной практике.

ИТК РСФСР 1924 г. явился нормативным документом, охватившим исполнение основных в то время наказаний – лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Его вступление в действие было первым шагом на пути кодификации исправительно-трудового законодательства в других советских союзных республиках, началом общей кодификации законодательства в СССР.

Список литературы

1. Гаранжа С. А. Из истории исправительно-трудовых учреждений Народного комиссариата юстиции РСФСР (1931–1934 гг.) // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 67–38.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Д. 318. Л. 58, 138; Ф. 4042. Оп. 2. Д. 316. Л. 1–5.
3. Исаев М. М. Основы пенитенциарной политики. М.; Л., 1927. 195 с.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). М., 1953. 464 с.
5. Ткачевский Ю. М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 28–30.
6. Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. 608 с.

ALEKSANDRA MIKHAILOVNA FUMM,

phd in law, associate professor, head of the department,
e-mail: yanok83@mail.ru;

OKSANA NIKOLAEVNA YAKOVLEVA,

phd in law, associate professor, scientific secretary
of research institute

(Research institute of the FPS of Russia),

e-mail: yakoksana.1977@mail.ru

THE FIRST CODIFICATION IN THE SPHERE OF EXECUTION OF PUNISHMENTS AS THE FACTOR OF DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC CRIMINAL AND EXECUTIVE LEGISLATION

Abstract: in this article the main milestones of the first Soviet codification in the sphere of execution of punishments are considered. A research purpose – the analysis of the most significant aspects of development of the first domestic penitentiary code with emphasis on those its provisions which can be apprehended by the modern legislator in the course of enhancement of legal regulation of a penal correction system of Russia. It is emphasized that with adoption of the Corrective labor code RSFSR of 1924 for the first time in the history of Russia the name of an industry of the right – the corrective-labor right which governed the public relations in the field

of execution of criminal sanctions was snugged, determined the main objectives, the principles, general provisions of an order and conditions of execution of custodial sanctions and forced labor without detention. It is important that the Corrective labor code RSFSR of 1924 entered a number of new definitions of the corrective-labor right: «corrective labor code», «measures of corrective-labor impact», «correctional institutions». Knowledge of formation and development of the Soviet corrective-labor system preceding adoption of the Corrective labor code RSFSR of 1924 is generalized. The conclusion about need of the judgment which is saved up during acceptance and action of the Corrective labor code RSFSR of 1924 of considerable constructive experience of regulation of criminal and executive legal relationship for modern standard practice from the point of view of the importance of this domestic historical resource is drawn.

Key words: corrective-labor policy, imprisonment, detention centers, progressive system of execution of criminal sanctions, prisoner.

References

1. Garanzha S. A. Iz istorii ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenij Narodnogo komissariata justicii RSFSR (1931–1934 gg.) [From history of correctional institutions of the National commissariat of justice of RSFSR (1931–1934)]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2011, no. 1, pp. 67–70.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State archive of the Russian Federation]. Found 353. Inventory 2. Case 318. Pages 58, 138; Found 4042. Inventory 2. Case 316. Pages 1–5. Unpublished.
3. Isaev M. M. Osnovy penitenciarnoj politiki [Fundamentals of penitentiary policy]. Moscow, Leningrad, 1927. 195 p.
4. Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1917–1952 gg.) [The collection of documents on history of the criminal legislation of the USSR and RSFSR (1917–1952)]. Moscow, 1953. 464 p.
5. Tkachevskij Ju. M. Progressivnaja sistema ispolnenija ugolovnyh nakazanij [Progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow, 1997, pp. 28–30.
6. Uporov I. V. Penitenciar'naja politika Rossii v XVIII–XX vv.: istoriko-pravovoj analiz tendencij razvitija [Penitentiary policy of Russia in XVIII–XX centuries: historical and legal analysis of tendencies of development]. St. Petersburg, 2004. 608 p.

АРКАДИЙ АРКАДЬЕВИЧ АКСЕНОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления и организации деятельности УИС;

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДЪЯБЛОНСКИЙ,

кандидат юридических наук,
советник отдела по профилактике коррупционных
и иных правонарушений департамента государственной службы,
кадров и противодействия коррупции
(Министерство сельского хозяйства Российской Федерации),
e-mail: pavel_ryazhsk@mail.ru;

ОКСАНА МИХАЙЛОВНА СУББОТИНА,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления и организации деятельности УИС
(Академия ФСИН России),
e-mail: oxsub@mail.ru

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Реферат: предмет статьи составляет рассмотрение комплекса правовых и организационных аспектов функционирования организационных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в современных условиях. Цель – исследовать правовые и организационные составляющие обеспечения деятельности организационных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний.

Проанализированы аспекты правового и организационного обеспечения функционирования организационных подразделений уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития; предложены пути совершенствования их деятельности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, организация, правовое регулирование, функции управления, управленческая деятельность, правовое регулирование, право, управление.

Последнее десятилетие стало периодом кардинальных изменений в Российском государстве и обществе [2, с. 151].

Проблема изучения управленческой деятельности в науке и практике управления в настоящий момент является чрезвычайно актуальной, поскольку политические, экономические и социально-психологические особенности современного общества предъявляют к руководителям новые требования по выбору ими профессиональных стилей руководства во всей социальной сфере, в том числе в уголовно-исполнительной системе (УИС).

Необходимость качественного улучшения теории и практики управления, потребность серьезного изучения проблем управления определяется тем, что оно составляет важную, объективно необходимую часть уголовно-исполнительной практики.

Деятельность организационных подразделений ФСИН России при ее эффективной организации вносит упорядоченность, организованность в ра-

боту исправительных учреждений, обеспечивает выполнение стоящих перед ней задач, устраняет стихийность и дезорганизацию, которую нередко сознательно создают отдельные категории осужденных.

В условиях постоянно усложняющейся деятельности сотрудников УИС качество управленческой деятельности в конечном итоге определяет эффективность или неэффективность функционирования данной социальной системы.

УИС претерпевает преобразования по всем направлениям деятельности. Современные условия развития института исполнения наказаний требуют совершенствования правового и организационного обеспечения управленческой деятельности, а именно функционирования организационных подразделений ФСИН России.

Совершенствование системы управления, на наш взгляд, является одним из наиболее важных направлений реформирования.

В настоящее время центральный аппарат ФСИН России проводит ряд мероприятий по совершенствованию организационной структуры УИС, затрагивающих коренную реорганизацию ее некоторых основных подразделений, призванных обеспечить нормальное и эффективное функционирование системы на всех уровнях управления, с учетом зарубежных рекомендаций и достижений отечественного передового опыта. В данном ключе можно согласиться с мнением Д. А. Панарина, предложившего некоторые мероприятия, нацеленные на совершенствование организационных основ функционирования органов и учреждений УИС, воплощение которых нацелено на оптимизацию и усиление эффективности правоприменительной деятельности [3, с. 35].

Актуальность рассмотрения аспекта организации управленческой деятельности организационных подразделений ФСИН России обусловлена стремительным ростом объема и сложностью данного направления работы, повышением роли и значения управленческих функций в УИС.

Правовую основу функционирования организационных подразделений ФСИН России составляют нормативные правовые и индивидуальные правовые акты федерального и ведомственного уровней. Систематизация данных правовых источников позволяет сделать вывод о том, что их регулирование охватывает рассматриваемое направление деятельности в большей степени в контексте реализации штабной или организационно-инспекторской функции.

Организационно-правовой аспект обеспечения деятельности организационных подразделений в УИС следует рассматривать сквозь призму правового поля ведомственной управленческой работы, с позиций обоснования целей, состава, содержания системы законодательства, регулирующего отношения в области организационной работы, установление места и роли этого законодательства в общей системе законодательства Российской Федерации, создание механизмов реализации нормативных правовых актов.

Уяснение сущности правового и организационного обеспечения различных процессов управления в УИС, в том числе в сфере организации управленческой деятельности, основывается на правильном понимании взаимосвязи права и управления во ФСИН России. Совокупность существующих знаний о данном процессе позволяет говорить о том, что он носит сложный, неоднозначный и многоаспектный характер. В деятельности органов и учреждений УИС доминирующее положение по отношению друг к другу в зависимости от ситуации может приобретать как право, так и управление. При этом определение заранее установленного превос-

ходства одного над другим влечет за собой или принижение роли правовой регламентации управления в УИС, или невозможность правовыми средствами регулировать новые, объективно складывающиеся управленческие отношения.

Разносторонний характер организации деятельности штабных подразделений УИС является причиной, обуславливающей необходимость комплексного описания их организационно-правового обеспечения. Это, по нашему мнению, возможно на основе применения общепризнанных положений, раскрывающих сущность управления в УИС, согласно которым оно подразделяется на внешнее и внутреннее. В связи с этим наиболее логичным и обоснованным является выделение групп правовых актов, регламентирующих управленческую деятельность в УИС в рамках внешнего и внутреннего управления уголовно-исполнительной системой.

В международных правовых актах, регламентирующих организационно-правовое обеспечение внешнего управления в УИС, как правило, содержатся правила, регулирующие процессы сбора, обработки, передачи и хранения информации, ее анализа, прогнозирования, планирования, организации, контроля необходимых для формирования управленческих воздействий, направленных по отношению к осужденным.

Все это свидетельствует о существовании острой необходимости совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в части регламентации процессов обработки персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в том числе специальной категории, и биометрических персональных данных.

На сегодняшний день организационно-правовое обеспечение деятельности организационных подразделений во ФСИН России на подзаконном уровне регламентирует значительное количество правовых актов. Таким образом, можно утверждать, что организация эффективной управленческой деятельности в УИС в русле организационно-правового обеспечения рассматривается в качестве первоочередной меры по качественному преобразованию государственного управления в целом. Разработанные с этой целью подзаконные правовые акты определяют основные направления и механизмы развития государственного управления в правоохранительной сфере.

Несмотря на большое количество концептуальных документов, определяющих основные направления совершенствования правового и организационного обеспечения государственного управления, вопросы организационно-правового обеспечения эффективной деятельности организационных подразделений ФСИН России ни ранее, ни

сейчас не рассматриваются в качестве актуальной проблемы, решение которой должно осуществляться на федеральном уровне. На это указывает то обстоятельство, что, к сожалению, во всем многообразии существовавших документов, в которых закладывались концептуальные долгосрочные задачи деятельности УИС, в том числе по ключевым направлениям, не только проблеме правового и организационного обеспечения управления, но и вопросам совершенствования управления во ФСИН России не уделено должного внимания.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Эффективная правовая регламентация организационной составляющей управления во ФСИН России способствует выработке и принятию объективных управленческих решений, их своевременному исполнению, контролю за соответствием исполненных действий предписаниям, содержащимся в ранее принятых управленческих решениях, а также позволяет произвести оценку результатов управленческого воздействия.

Правовые акты ФСИН России, Минюста России и иных ведомств, регламентирующие отдельные аспекты правового и организационного обеспечения деятельности организационных подразделений в УИС, в совокупности образуют единую систему, которая состоит из отдельных групп правовых актов, регулирующих схожие направления деятельности организационных аппаратов ФСИН России, а именно: регламентирующие организацию делопроизводства во ФСИН России, организацию процессов сбора, обработки и передачи статистической информации, проведение единой технической политики в УИС; устанавливающие категории сведений о деятельности ФСИН России, являющиеся секретной информацией или информацией ограниченного распространения; регламентирующие организацию эффективного межведомственного информационного взаимодействия, организацию информирования о деятельности ФСИН России, развитие и функционирование системы связи УИС, обеспечение информационной безопасности в УИС, создание автоматизированных информационных систем, подготовку пользователей данных систем и др.

Одной из причин неэффективной организации по обеспечению штабной функции является качественный состав, низкий уровень профессиональной подготовки персонала, что приводит к непониманию и незнанию теоретических и зако-

нотательных основ данного направления служебной деятельности, вследствие чего сотрудники сосредоточивают свое внимание только на решении узких задач, стоящих перед их подразделением.

Организация взаимодействия во многом зависит от качественной профессиональной подготовки сотрудников тех структурных подразделений, чья деятельность непосредственно связана с обеспечением правопорядка (оперативный, воспитательный отделы, отдел безопасности, дежурная служба, подразделение охраны).

Рассмотрим существующую организационную структуру построения организационных аппаратов УИС, являющихся субъектами реализации общих функций управления в УИС.

Управление планирования и организационно-аналитического обеспечения является структурным подразделением Федеральной службы исполнения наказаний, обеспечивающим организацию и координацию работы структурных подразделений ФСИН России.

Работа данного структурного подразделения осуществляется на основе текущего и перспективного планирования, сочетания принципов единоначалия и коллегиальности, персональной ответственности каждого сотрудника и федерального государственного гражданского служащего за состоянием дел на порученном участке.

Структура управления:

- информационно-аналитический отдел;
- отдел контроля и организационно-плановой работы;
- дежурная служба;
- главная инспекция уголовно-исполнительной системы;
- отдел организации мобилизационной подготовки и гражданской обороны.

Отделы и службы указанного управления выполняют основные задачи по реализации функций по направлениям деятельности.

Обобщая изложенное, можно заключить, что в управленческой деятельности во ФСИН России назрела острая необходимость правового регулирования множества проблемных вопросов, решение которых будет способствовать устранению серьезных препятствий правового характера, сдерживающих развитие технологий управления УИС и стимулирующих новые методики управленческой работы [2, с. 17].

Список литературы

1. Горкина С. А., Подъяблонский П. А. Организационно-правовой механизм регулирования исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних лиц женского пола в воспитательных колониях на современном этапе развития пенитенциарной системы России // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 5. С. 151–153.

2. Аксенов А. А., Подъяблонский П. А. К вопросу организационного и правового регулирования аналитического обеспечения управления в свете развития УИС // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 17.

3. Панарин Д. А. Некоторые аспекты оптимизации организационной сферы функционирования уголовно-исполнительной системы в условиях закрепления результатов ее реформирования : сб. науч. тр. Рязань, 2019.

ARKADY ARKADYEVICH AKSYONOV,

doctor in law, professor,
management and organization of activity
of penal system department,
e-mail: aks1940@yandex.ru;

PAVEL ALEXANDROVICH PODYYABLONSKY,

phd in law,
advisor of the division for prevention
of corruption and other violations,
department of public service, personnel and corruption
(Ministry of agriculture of the Russian Federation);

OKSANA MIKHAILOVNA SUBBOTINA,

phd in law,
associate professor,
management and organization of activity
of penal system department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: oxsub@mail.ru

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF ADMINISTRATIVE DIVISIONS ACTIVITIES OF THE FPS OF RUSSIA IN THE CURRENT CONTEXT

Abstract: in the article the author considers a complex of legal and organizational aspects of functioning of administrative divisions of the FPS of Russia in modern context. The purpose is to analyse legal and organizational components of ensuring activities of organizational divisions of the FPS of Russia.

Aspects of legal and organizational support of functioning of organizational divisions of a penal system at the present stage of its development are analysed. Ways of enhancement of activities of organizational divisions of the FPS of Russia are offered.

Key words: penal system, organization, legal regulation, management functions, management activity, law, management.

References

1. Gorkina S. A., Podjyablonsky P. A. Organizacionno-pravovoj mehanizm regulirovaniya ispolneniya nakazaniy v otnoshenii nesovershennoletnih lic zhenskogo pola v vospitatel'nyh kolonijah na sovremennom jetape razvitiya penitenciarnoj sistemy Rossii [The organization and legal mechanism of regulation of execution of punishments concerning female minors in educational colonies at the present stage of development of the penal system of Russia]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in the Russian legislation, 2014, no. 5, pp. 151–153.

2. Aksekov A. A., Podjyablonsky P. A. K voprosu organizacionnogo i pravovogo regulirovaniya analiticheskogo obespecheniya upravleniya v svete razvitiya UIS [Issues of organizational and legal regulation of analytical support for management in the light of development of penal system]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law, 2014, no. 2, p. 17.

3. Panarin D. A. Nekotorye aspekty optimizatsii organizatsionnoy sfery funktsionirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v usloviyah zakrepleniya rezultatov ee reformirovaniya [Some aspects of optimization of the organizational sphere of functioning of a penal system in the context of fixing the results of its reform]. 2009.

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии
и организации профилактики преступлений
(Академия ФСИН России),
e-mail: eo534@yandex.ru;

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНКРАТОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник института
(Кировский институт повышения квалификации
работников ФСИН России)

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ РЕЦИДИВИСТА

Реферат: в настоящее время важной задачей правоохранительных органов является повышение научного уровня планирования предупреждения рецидивной (пенитенциарной) преступности, которое в значительной степени зависит от всестороннего анализа ее причин и условий, а также прогноза ее состояния на определенный период, в том числе индивидуального прогнозирования преступного поведения рецидивистов. Индивидуальный прогноз всегда конкретен, он действителен в отношении данного лица, в определенных условиях, месте, времени и пр.

Распределение лиц, совершивших после освобождения новые преступления, по интенсивности рецидива (время от момента освобождения до момента совершения нового преступления) обнаруживает устойчивую зависимость от оценки вероятности рецидива. Следовательно, прогнозирование индивидуального преступного поведения может распространяться на оценку вероятности такого поведения вообще, а также по отношению к определенному отрезку времени после освобождения лица из исправительного учреждения.

На будущее поведение осужденного и судимого влияет множество различных факторов, поэтому все их необходимо иметь в виду при индивидуальном прогнозировании. В зависимости от их влияния они могут быть положительными или отрицательными. Чем больше будет первых, тем более положительным будет прогноз в отношении конкретного осужденного и судимого лица.

Ключевые слова: рецидивная (пенитенциарная) преступность, прогнозирование индивидуального преступного поведения, интуитивное прогнозирование, сроки прогнозирования, цели прогнозирования.

Учитывая, что рецидивная (пенитенциарная) преступность состоит из отдельных преступлений, совершенных преступниками-рецидивистами, возникает необходимость в индивидуальном прогнозировании, означающем предвидение будущего поведения отдельного человека (положительно либо отрицательно направленного) в течение определенного периода [1, с. 134–138].

В практической деятельности применяется так называемое интуитивное прогнозирование, которое основывается главным образом на убеждении, сложившемся у сотрудника исправительного учреждения, его оценке личности осужденного. В этих случаях опрашиваются начальники отрядов, поскольку они лучше других сотрудников исправительного учреждения знают осужденных.

В зависимости от степени вероятности рецидива преступлений в период отбывания наказания их предложения могут быть разделены на следующие группы:

- весьма благоприятные (полная уверенность в том, что новых преступлений соответствующее лицо не совершит);
- благоприятные (достаточная уверенность в том, что при отсутствии особо сильного влияния отрицательных социальных связей и среды осужденный не совершит новых преступлений);
- неблагоприятные (уверенность в том, что осужденный под влиянием отрицательных социальных связей и среды не совершит новых преступлений, отсутствует);
- весьма неблагоприятные (очевидно, что осужденный не отказался от преступных намере-

ний и может совершить преступления в исправительном учреждении).

Как показывает практика, интуитивные прогнозы начальников отрядов исправительных учреждений в большинстве случаев оправдываются [2, с. 80–81].

Этой же точки зрения придерживается Ю. М. Антонян, который несколько раз участвовал в научных исследованиях по индивидуальному прогнозированию в исправительных учреждениях. Основывались данные исследования, в частности, на изучении осужденных в местах лишения свободы: что они представляют собой как личности, какие преступления совершили и почему, как ведут себя во время отбывания наказания. В качестве экспертов выступали представители администрации и другие осужденные. Интересно отметить, что мнения осужденных оказались не менее весомы, чем мнения представителей администрации. Опрос других осужденных должен быть тактичным и продуманным, поскольку, когда одних осужденных спрашивают о других, возможны эксцессы различного рода. Затем в течение нескольких лет отслеживалось, совершают или нет обследованные новые преступления. Точность прогноза в описываемом случае достигла 55–60 %, то есть данная методика позволяет более или менее точно спрогнозировать поведение осужденного после выхода на свободу [3, с. 171–172].

В основе прогнозирования индивидуального преступного поведения лежит тщательный анализ личности человека, изучение закономерностей его поведения, особенностей реакции на определенные обстоятельства. Личность человека может измениться, и соответственно будут меняться реакции. Этот процесс обычно носит длительный характер, поэтому погрешность при кратковременном прогнозировании будет невелика. Долговременное прогнозирование индивидуального преступного поведения целесообразно в связи с низкой точностью. Наиболее эффективен при прогнозировании индивидуального преступного поведения метод экспертных оценок [4, с. 208–209].

Методика прогнозирования индивидуального преступного поведения, по мнению А. П. Закалюк, должна состоять из несколько частей:

- исследование настоящего и прошлого поведения личности, среды и ситуации, их признаков, закономерностей формирования, развития и проявления (осуществляется, как правило, путем применения обычных социологических методов; носит название «методика ретроспекции»);

- выявление признаков личности, среды и ситуации, которые имеют прогностическое значение; определение их качественной и количественной роли, в том числе в системе показателей, удобных для практического прогнозирования (чаще всего

проводится с использованием количественных методов и путем криминологической интерпретации результатов; называется методикой диагностики);

- создание прикладной модели прогноза преступного поведения (применяется метод моделирования указанных признаков и количественные методы; это и есть методика прогноза);

- практическое прогнозирование (проводится путем создания и применения методики, определяющей порядок, правила и способы пользования прогностической моделью) [5, с. 97–98].

Одним из перспективных путей определения индивидуального прогноза является разработка математических моделей зависимости уровня рецидива преступлений от характеристики лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Ее логической основой являются следующие исходные положения:

- характеристика освобожденных, совершивших новые преступления на «свободе», отличается от характеристики лиц, которые их не совершают;

- различия характеристик выявляются при статистическом наблюдении совокупности таких лиц и обладают относительной устойчивостью;

- путем измерения вариации соответствующих характеристик может быть вычислена вероятность рецидива преступлений конкретных лиц.

Распределение лиц, совершивших преступления после освобождения из исправительных учреждений, по интенсивности рецидива (время от момента освобождения до момента совершения нового преступления) обнаруживает устойчивую зависимость от оценки самой вероятности рецидива. Чем неблагоприятнее выраженный в соответствующих баллах прогноз, тем короче промежуток времени между моментом освобождения и новым преступлением. Следовательно, прогнозирование индивидуального преступного поведения может распространяться на оценку вероятности такого поведения вообще, а также по отношению к определенному отрезку времени после освобождения лица из исправительного учреждения.

Учитывая, что на будущее поведение ранее судимого лица влияет множество различных факторов, все их необходимо иметь в виду при индивидуальном прогнозировании. В зависимости от их влияния они могут быть положительными или отрицательными. Чем больше будет первых, тем более положительным будет прогноз в отношении конкретного ранее судимого лица.

Поведение человека определяется множеством различных обстоятельств. Чтобы их знать, предвидеть, необходимо глубокое и всестороннее изучение личности на протяжении более или менее длительного периода. Во время отбывания наказания изучением личности активно должен заниматься

весь коллектив сотрудников исправительного учреждения, и в первую очередь начальники отрядов, а также оперативные сотрудники, которые, располагая соответствующими силами, средствами и методами, предоставленными им в распоряжение в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», могут более глубоко изучить осужденных, склонных к совершению преступлений, как в исправительном учреждении, так и за его пределами после их освобождения. Прогностические выводы относительно вероятности рецидивного поведения освобожденного в условиях свободы должны основываться на оценке его поступков и действий до осуждения, а также в процессе отбывания наказания.

По нашему мнению, для учета основных факторов, влияющих на будущее поведение судимого, необходимо ведение специального информационно-профилактического дела, куда наряду с автобиографическими и другими сведениями должны вноситься данные, которые следует учитывать при индивидуальном прогнозировании:

- степень направления (доказал свое исправление; встал на путь исправления; не встал на путь исправления; является злостным нарушителем режима);

- отношение к ранее совершенному преступлению и отбытому наказанию (искренне раскаялся в совершенном; осуждает свои поступки лишь с целью получения снисхождения; не осуждает свои поступки; наказание признает справедливым; раскаялся, но не считает понесенное наказание справедливым; бравирует своим преступным прошлым; не признает себя виновным вообще);

- отношение к труду (трудовая дисциплина хорошая, удовлетворительная или неудовлетворительная; производственные задания выполнял, выполнял не всегда, не выполнял; инициативу в труде проявлял, проявлял не всегда, не проявлял; от выхода на работу не уклонялся, уклонялся иногда, уклонялся часто; к расходованию сырья и оборудованию относился бережливо, безразлично, небрежно; деловую и профессиональную квалификацию повышал, относился к ней пассивно, от повышения квалификации уклонялся);

- отношение к требованиям администрации и культура поведения (соблюдал нормы поведения, не соблюдал; выполнял режим и установленный распорядок дня, нарушал режим и распорядок дня; проявлял грубость и бестактность в обращении с администрацией; к проводимым воспитательным мероприятиям относился положительно, безразлично, уклонялся от лекций и бесед);

- положение в коллективе (пользовался авторитетом, авторитетом не пользовался, умело и правильно строил взаимоотношения с другими осуж-

денными; вел себя замкнуто; к заведению им круга связей не стремился; являлся участником самодеятельных организаций; к самодеятельным организациям относился безразлично; от выполнения общественных поручений уклонялся);

- привлечение к дисциплинарной ответственности (невыход на работу; пронос в исправительное учреждение запрещенных предметов и вещей; грубость по отношению к администрации учреждения; нанесение себе умышленных телесных повреждений; употребление спиртных напитков и наркотических средств; другие нарушения);

- поощрения (за примерную дисциплину и поведение; выполнение и перевыполнение норм выработки; предотвращение преступлений и других правонарушений; активное участие в самодеятельных организациях; другие поступки);

- отношение к семье (проявлял заботу об отце, матери, супруге, братьях, сестрах, детях; не проявлял никакой заботы о родственниках; писал письма редко, совсем не писал; допускал в адрес родственников грубые высказывания; грозил расправой родителям, жене, родственникам; к семье относился безразлично; старался больше зарабатывать, чтобы оказать семье материальную помощь; о семье не вспоминал);

- особые черты (находится под особым надзором как склонный к побегам, употреблению наркотиков, половым извращениям, к экстремистской, террористической деятельности; под надзором не находится);

- намерения после освобождения из исправительного учреждения (прекратить преступную деятельность; порвать связи с лицами, занимающимися совершением преступлений; вернуться к семье; создать семью; переселиться в другую местность; устроиться на работу; честно трудиться);

- намерения по поводу преступной деятельности (восстановить преступные связи с лицами, совершающими преступления, но оставшимися на свободе; совершать разбойные нападения, грабежи, кражи и иные преступления; мстить потерпевшим, свидетелям и другим лицам; заняться организацией преступных групп; намерения не установлены).

Намерения освобожденных осужденных совершать преступления после освобождения должны выявлять оперативные сотрудники исправительных учреждений, так как только они имеют право проводить оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», располагают необходимыми силами, средствами и методами и могут информировать о таких лицах оперативные аппараты правоохранительных органов.

Имея в информационно-профилактическом деле примерно такой перечень факторов, влияющих на поведение ранее судимого, можно прогноиро-

вать его поведение. В зависимости от прогноза на определенное лицо в исправительном учреждении составляются рекомендации предупредительного характера, а также делается один из выводов:

- требует усиленного контроля;
- требует систематического контроля и индивидуально-профилактической работы;
- целесообразна постановка на учет со справочными целями;
- можно ограничиться предупредительной беседой (о недопустимости аморального, паразитического об-

раза жизни, о необходимости трудоустройства, поддержания социально полезных связей и т. п.).

Имея рекомендации из полной характеристики конкретного лица и индивидуального прогноза полиции, участковые уполномоченные полиции на территорию обслуживания которых прибывают освобожденные из исправительных учреждений, могут планировать соответствующие индивидуально-профилактические мероприятия, что в значительной степени будет способствовать предупреждению рецидивной преступности.

Список литературы

1. Зелинский А. Ф. Рецидив преступлений (структура, связи, прогнозирование). Харьков, 1980. 152 с.
2. Горожанин А. В., Артемьев Н. С., Некрасов А. П. Роль исправительных учреждений в борьбе с рецидивной преступностью. Самара, 2005. 234 с.
3. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. 448 с.
4. Варчук Т. В. Прогнозирование индивидуального преступного поведения // Криминология. М., 2007.
5. Закалюк А. П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1986. 191 с.

NIKOLAY SEMYONOVICH ARTEMYEV,

doctor in law, professor,
honored worker of higher school of the Russian Federation,
criminology and crime prevention department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: eo534@yandex.ru;

VASILY ALEXANDROVICH PANKRATOV,

phd in law, associate professor,
head of the institute

(Kirov institute of professional development of employees of the FPS of Russia)

FORECASTING OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOUR OF THE RECIDIVIST

Abstract: now an important task of law enforcement agencies is improvement of scientific approach to crime prevention activities in penal institutions which substantially depends on the comprehensive analysis of those crimes, their causes and conditions, and also on predicting crime rate at a certain period of time, including forecasting criminal behavior of certain recidivists. The individual forecast is always specific; it is valid concerning only a certain person, in certain conditions, certain place, certain time and so forth.

Classification of persons who committed crimes after release according the intensiveness of crime committed (i.e. time from the release moment up to committing a further crime) corresponds the assessment of probability of recidivism. Therefore, forecasting of individual criminal behavior can be applied to assessment of probability of such behavior in general, as well as to a certain interval of time after release from correctional facility.

Future behavior of accused and sentenced offenders is influenced by a set of various factors. Therefore all of them should be considered while making individual forecasting. Depending on their influence they can be positive or negative. The more there will be the former, the more positive will be the forecast concerning the certain accused or sentenced person.

Key words: recidivism (crime in prison), forecasting of individual criminal behavior, intuitive forecasting, time periods for forecasting, forecasting purposes.

References

1. Zelinskij A. F. Recidiv prestuplenij (struktura, svjazi, prognozirovanie) [Recidivism (structure, dependencies, forecasting)]. Harkov, 1980. 152 p.
2. Gorozhanin A. V, Artem'ev N. S., Nekrasov A. P. Rol' ispravitel'nyh uchrezhdenij v bor'be s recidivnoj prestupnost'ju [A role of correctional facilities in prevention of recidivism]. Samara, 2005. 234 p.
3. Antonjan Ju. M. Kriminologija. Izbrannye lekicii [Criminology. Chosen lectures]. Moscow, 2004. 448 p.
4. Varchuk T. V. Prognozirovanie individual'nogo prestupnogo povedenija [Forecasting of individual criminal behavior]. Kriminologija [Criminology]. Moscow, 2007.
5. Zakaljuk A. P. Prognozirovanie i preduprezhdenie individual'nogo prestupnogo povedenija [Forecasting and prevention of individual criminal behavior]. Moscow, 1986, 191p.

ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ КАШУБА,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России),
e-mail: koshianatol@yandex.ru

ИНЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ЗАКОНОМ ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Реферат: освобождение от наказания осуществляется в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Допускается возможность освобождения от отбывания наказания и по иным основаниям, предусмотренным законом. К числу таких оснований относится изменение уголовного закона, например: норма, устраняющая преступность деяния, смягчающая наказание или иным образом улучшающая положение лица, совершившего преступление.

Изменения в законе не всегда позволяют бесспорно судить о декриминализации соответствующего деяния при исключении той или иной статьи из уголовного закона. Возможны и другие случаи, когда вновь введенный закон улучшает положение осужденного: распространение возможности условно-досрочного освобождения на всех осужденных. Это коснется и тех, кто ранее не мог рассчитывать на этот вид досрочного освобождения.

Основанием для освобождения может быть постановление прокурора об освобождении из мест лишения свободы лица, содержащегося там без законных оснований. В случае вывода о незаконности или необоснованности приговора ставится вопрос о пересмотре приговора в порядке надзора.

Приговор может не исполняться по различным причинам. Однако неисполнение приговора не всегда означает невозможность достижения целей наказания без его отбытия. В статье рассмотрено еще одно важное и необходимое условие такого освобождения – отсутствие факта уклонения от отбывания наказания.

Снижение доли условного осуждения к лишению свободы высоко вероятно при наличии учреждений, заполняющих промежуток между лишением свободы и «свободой». Речь идет об исправительном центре и наказании в виде принудительных работ, что позволит осуществлять исправление осужденного без реального отбывания наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: осужденный, освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, условное осуждение, постановление прокурора.

Вопросы освобождения от отбывания наказания были и остаются в центре внимания законодателя и правоприменителей. Освобождение от наказания означает прекращение отбывания наказания и отмену вытекающих из него правоограничений. Оно осуществляется в соответствии с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства на основании и в порядке, предусмотренных ст. 172 и 173 УИК РФ.

В п. «ж» ст. 172 УИК РФ допускается возможность освобождения от отбывания наказания и по иным основаниям, предусмотренным законом. Ранее исправительно-трудовым законодательством выделялось освобождение «по другим основаниям, предусмотренным законом» (например, ст. 98 ИТК РСФСР, ст. 108 ИТК Украинской ССР, ст. 107 ИТК Киргизской ССР и др. В 70-х годах прошлого столетия был принят ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, предусматривавших случаи

единовременного освобождения условно осужденных из ИТУ с последующим их направлением на предприятия и стройки народного хозяйства). Указанные основания, на наш взгляд, недостаточно разработаны в юридической литературе. Проведем анализ указанной группы норм.

Прежде всего к числу таких оснований относится изменение уголовного закона. Так, согласно ч. 2 ст. 54 Конституции РФ «если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон». Выполнение конституционной нормы реализуется в ст. 10 УК РФ, в которой указано, что «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц... отбывающих наказание (ч. 1)... Если новый уголовный закон смягчает наказание за дея-

ние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом (ч. 2)», поэтому при исключении из УК РФ какого-либо состава преступления с декриминализацией деяния все лица, осужденные по соответствующей статье, подлежат освобождению по определению (постановлению) суда. В этом случае суд не должен подвергать сомнению правильность предыдущего приговора. Он должен исходить из его обоснованности, однако при явном нарушении закона может направить представление об отмене приговора в порядке надзора при условии, что это не связано с ухудшением положения осужденного.

Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» предусматривает освобождение от наказания лиц, осужденных до 1 января 1997 г. по Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. за деяния, которые согласно УК РФ не признаются преступлениями (следовательно, декриминализуются).

Изменения в законе не всегда позволяют бесспорно судить о декриминализации соответствующего деяния при исключении той или иной статьи из кодекса. Так, в 1993 г. из ст. 125 УК РСФСР 1960 г. была исключена ответственность за похищение ребенка. Вместе с тем в Кодекс была введена ст. 126 «Похищение человека» с более строгой санкцией. В этом случае говорить о декриминализации похищения ребенка не приходится. Схожая ситуация возникла после исключения в декабре 2003 г. из УК РФ ст. 152 «Торговля несовершеннолетними» и введении ст. 127.1 «Торговля людьми», в которой торговля несовершеннолетними стала квалифицирующим признаком.

Другой вопрос, возникший при введении в действие УК РФ, касался случаев, когда наказание, назначенное в соответствии с УК РСФСР 1960 г. осужденному, еще не отбывшему его полностью, было более строгим, чем предусмотренное соответствующей статьей нового Кодекса. В этих случаях наказание сокращалось до максимального предела соответствующей санкции УК РФ, и, если осужденный отбыл его, он подлежал освобождению.

Возможны и другие случаи, когда вновь введенный закон улучшает положение осужденного. Например, если новый закон распространяет возможность условно-досрочного освобождения на всех осужденных, то это будет касаться и тех, кто ранее не мог рассчитывать на этот вид досрочного освобождения.

Освобождение от наказания лиц, которым оно назначено, отбывающих его, сокращение назначенного срока и иное улучшение их положения производится по их ходатайству судьей – в порядке, предусмотренном п. 13 ст. 397 и ст. 399 УПК РФ.

На территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь в случае, если УК РФ предусматривает более мягкое наказание либо иным образом может улучшить положение осужденного, по его ходатайству или представлению прокурора, учреждения или органа, исполняющего наказание, судебное решение приводится в соответствие с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном названными статьями.

Следующее основание для освобождения от отбывания наказания закреплено в ст. 82 УК РФ. Речь идет об осужденных: беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющем ребенка в возрасте до 14 лет и являющемся единственным родителем (ч. 1). В случае достижения ребенком 14-летнего возраста суд освобождает осужденного, указанного в части первой настоящей статьи, от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости (ч. 3) либо заменяет наказание более мягким видом наказания. Если до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста истек срок, равный сроку наказания, отбывание которого было отсрочено, и орган, осуществляющий контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, пришел к выводу о соблюдении осужденным, указанным в части первой настоящей статьи, условий отсрочки и его исправлении, суд по представлению этого органа может принять решение о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости (ч. 4).

Еще одну возможность для освобождения от реального отбывания наказания в виде лишения свободы предоставляет ч. 1 ст. 82.1 УК РФ: осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 настоящего Кодекса, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет. Статистики применения данной нормы пока не имеется, хотя она представляет безусловный интерес для исследователей.

Основанием для освобождения может быть постановление прокурора об освобождении из мест лишения свободы лица, содержащегося там без законных оснований (ч. 2 ст. 33 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Вызывает недоумение тот факт, что во многих учебниках по уголовно-исполнительному праву

(комментариях к УИК РФ) в качестве такого основания приводится ссылка на ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1, с. 529; 2, с. 309; 3, с. 442] либо она вообще отсутствует [4; 5]. Своей властью прокурор, осуществляющий надзор за местами содержания подозреваемых и обвиняемых, осужденных, вправе и обязан немедленно освободить лицо из-под стражи в том случае, когда факт нарушения законности не вызывает сомнений.

Руководствуясь указанным Федеральным законом и ст. 10 УПК РФ, такое решение прокурор принимает в отношении любого лица, если установлено, что оно содержится под стражей в отсутствие предусмотренных законом процессуальных документов. Прокурор вправе требовать от администрации создания условий, обеспечивающих права осужденных, проверять соответствие законодательству приказов, распоряжений и постановлений администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, требовать объяснения от должностных лиц, вносить протесты и представления, возбуждать уголовные дела и производства об административных правонарушениях.

Если в результате ознакомления с приговором прокурор приходит к выводу о незаконности или необоснованности приговора (недоказанность совершенного преступления, его неправильная квалификация, несправедливость наказания, неправильное определение вида режима ИУ и др.), он ставит вопрос перед соответствующим прокурором о пересмотре приговора в порядке надзора.

Еще одно основание – освобождение в связи с истечением срока давности (ст. 83 УК РФ). Лицо, осужденное за совершение преступления, освобождается от отбывания наказания, если обвинительный приговор суда не был приведен в исполнение в следующие сроки со дня вступления его в законную силу: а) два года при осуждении за преступление небольшой тяжести; б) шесть лет при осуждении за преступление средней тяжести; в) десять лет при осуждении за тяжкое преступление; г) пятнадцать лет при осуждении за особо тяжкое преступление.

Приговор может не исполняться по различным причинам: халатность судебных исполнителей или судей, небрежная работа канцелярии судов. Возможны и стихийные бедствия, вследствие чего уничтожаются необходимые для исполнения документы и т. п. Однако неисполнение приговора не всегда означает невозможность достижения целей наказания без его отбытия. Осужденный, не отбывающий наказание и не испытывающий на себе его карательного воздействия, за достаточно длительный промежуток времени, указанный в законе, может исправиться и без такого воздействия, по

этому общественная опасность деяния утрачивается или существенно снижается, а, следовательно, исполнение наказания становится излишним.

Применение наказания через значительный период после самостоятельного исправления осужденного будет выглядеть отпущением, что противоречит целям и эффективности наказания. Именно это является основанием освобождения осужденного от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора.

В ст. 83 УК РФ закреплено еще одно важное и необходимое условие такого освобождения – отсутствие факта уклонения от отбывания наказания. Последнее представляет собой умышленное деяние осужденного, препятствующее исполнению обвинительного приговора с целью избежать претерпевания тягот и ограничений, содержащихся в наказании. Вместе с тем невыполнение осужденным обязанностей, связанных с исполнением приговора, по уважительным причинам и без указанной цели (болезнь, стихийные бедствия и т. п.) не должно расцениваться как уклонение от отбывания наказания [6, с. 79–80].

Следующее основание для освобождения от реального отбывания наказания – условное осуждение (ст. 73, 74 УК РФ). Многие авторы рассматривают условное осуждение именно как специфический вид освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы или исправительных работ на стадии вынесения приговора [7, с. 163]. Общая статистика применения условного осуждения в России достаточно подробно приводится в работе В. А. Уткина, актуальной и в настоящее время [8, с. 13–14]. В современных условиях правосудие часто реагирует условным осуждением, не «желая в принципе лишать свободы осужденных, но не имея в юридическом арсенале фактически исполнимых реальных наказаний» [8, с. 57]. В судебной практике нередки случаи двух-, трех- и четырехкратного условного осуждения несовершеннолетних.

Последнюю проблему можно было бы попытаться решить, оставив в законе возможность применения ареста в отношении несовершеннолетних, поэтому не совсем понятна позиция законодателя, исключившего назначение ареста в отношении этой категории осужденных. Нами на протяжении ряда лет вносилось предложение о возможности «...исполнения ареста как вида уголовного наказания в отдельных камерах СИЗО» [9, с. 129], в том числе к несовершеннолетним. Впрочем, судьба этого наказания в России заслуживает отдельного рассмотрения.

Снижение значительной доли условного осуждения к лишению свободы высоко вероятно в случае наличия учреждений, заполняющих промежуток между лишением свободы и «свободой». Речь

идет об исправительном центре и соответственно о наказании в виде принудительных работ. Применение данного института позволит осуществлять исправление осужденного без реального отбывания наказания в виде лишения свободы и(или) замены последнего принудительными работами (ч. 2 ст. 53.1 УК РФ). Весьма похоже (хотя и дискуссионно) на специфический вид освобождения от отбывания наказания. Появятся условия для реального сокращения численности осужденных в исправительных учреждениях. На освобождающихся площадях в исправительных колониях вполне возможны создание участков исправительного центра и организация трудоустройства осужденных к

принудительным работам как на собственном производстве, так и на предприятиях муниципалитетов и организаций всех форм собственности. В структуру исправительного центра могут быть включены мобильные исправительные центры, как уже предлагалось отдельными исследователями [10, с. 48–49; 11, с. 184–195].

С учетом возможной экономии финансово-материальных средств для функционирования УИС высказанные предложения могли бы послужить основой для дискуссии о допустимости применения всего перечня уголовных наказаний и сокращения числа осужденных, отбывающих реальное лишение свободы.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. 614 с.
2. Уголовно-исполнительное право России: учебник и основные нормативные правовые акты / под ред. О. В. Филимонова. М., 2004. 317 с.
3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Зубков. М., 2001. 528 с.
4. Бланков А. И., Фокин В. М. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учебник. М., 2001. 240 с.
5. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации : учебник / под общ. ред. М. К. Кислицына. М., 2001. 259 с.
6. Сабитов Р. А. Квалификация поведения лица после совершения им преступления. Омск, 1986. 120 с.
7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : курс лекций / под ред. А. И. Рагога. М., 2006. 480 с.
8. Уткин В. А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М., 2013. 66 с.
9. Кашуба Ю. А. Возможности развития уголовно-исполнительной системы России с учетом международных стандартов // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. С. 124–130.
10. Кашуба Ю. А. Исполнение наказаний в Республике Крым: проблемы адаптации к российскому законодательству // Уголовно-исполнительная система в современном обществе и перспективы ее развития : сб. тез. выступлений участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, ноябрь 2014 г.) : в 2 т. Рязань, 2014. Т. 1.
11. Суховаров К. С. Уголовные наказания имущественного характера как альтернатива лишению свободы: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. 267 с.

YURY ANATOLYEVICH KASHUBA,
dsc in law, professor,
professor of the penal law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: koshianatol@yandex.ru

OTHER BASES PROVIDED BY THE LAW FOR RELEASE FROM SERVING A SENTENCE

Abstract: the release from punishment is carried out according to standards of the criminal and criminal procedure legislation. The possibility of release from serving sentence and on other bases provided by the law is allowed. The change of the criminal law is among such bases, for example: the norm eliminating crime of act, commuting a penalty or otherwise improving position of the person committed a crime.

Changes in the law not always allow to judge undoubtedly decriminalization of the corresponding act at an exception of this or that article of the criminal law. Also other cases when again entered law improves position

of a convicted person are possible: distribution of a possibility of parole on all convicted persons. It will concern also those who couldn't count on this type of early release earlier.

The resolution of the prosecutor on release from places of detention of the person which is contained there without legal basis can be the basis for release. In case of a conclusion the question of revision of a sentence as supervision is raised of illegality or groundlessness of a sentence.

The sentence can not be executed for various reasons. However non-execution of a sentence not always means impossibility of achievement of the objectives of punishment without his departure. In article one more important and necessary condition of such release – lack of the fact of evasion from serving a sentence is considered.

Decrease in a share of conditional condemnation to imprisonment is high-probability in the presence of the institutions filling an interval between imprisonment and "freedom". It is about the corrective center and punishment in the form of forced labor that will allow to carry out correction of the convict without real serving sentence in the form of imprisonment.

Key words: convicted person, release from serving a sentence, deferral of punishment, conditional condemnation, resolution of a prosecutor.

References

1. Uголовно-исполнел'noe pravo Rossii [Penal law of Russia]. Under the editorship of A. I. Zubkov. Moscow, 1997. 614 p.
2. Uголовно-исполнел'noe pravo Rossii. Uchebnik i osnovnye normativnye pravovye akty [Penal law of Russia. Textbook and main regulatory legal acts]. Under the editorship of O. V. Filimonov. Moscow, 2004. 317 p.
3. Kommentarij k Uголовно-исполнел'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii [The comment to the Penal Code of the Russian Federation]. Under the editorship of A. I. Zubkov. Moscow, 2001. 528 p.
4. Blankov A. I., Fokin V. M. Uголовно-исполнел'noe pravo Rossijskoj Federacii [Penal law of the Russian Federation]. Moscow, 2001. 240 p.
5. Uголовно-исполнел'noe pravo Rossijskoj Federacii [Penal law of the Russian Federation]. Under the editorship of M. K. Kislicyn. Moscow, 2001. 259 p.
6. Sabitov R. A. Kvalifikacija povedenija lica posle sovershenija im prestuplenija [Qualification of behavior of the person after making of a crime by it]. Omsk, 1986. 120 p.
7. Uголовное pravo Rossii. Chasti Obshhaja i Osobennaja [Criminal law of Russia. Parts General and Special]. Under the editorship of A. I. Rarog. Moscow, 2006. 480 p.
8. Utkin V. A. Al'ternativnye sankcii v Rossii: sostojanie, problemy i perspektivy [Alternative sanctions in Russia: condition, problems and prospects]. Moscow, 2013. 66 p.
9. Kashuba Ju. A. Vozmozhnosti razvitija uголовно-исполнел'noj sistemy Rossii s uchetom mezhdunarodnyh standartov [Possibilities of development of a penal correction system of Russia taking into account international standards]. Sbornik tezisov vystuplenij uchastnikov Mezhdunarodnogo penitencijarnogo foruma «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 20-letiju prinjatija Konstitucii Rossijskoj Federacii [Proc. the International penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction» (to the 20 anniversary of adoption of the Constitution of the Russian Federation)]. Ryazan, 5–6 December, 2013, pp. 124–130.
10. Kashuba Ju. A. Ispolnenie nakazanij v Respublike Krym: problemy adaptacii k rossijskomu zakonodatel'stvu [Execution of punishments in the Republic of Crimea: problems of adaptation to the Russian legislation]. Sbornik tezisov vystuplenij uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Uголовно-исполнел'naja sistema v sovremennom obshhestve i perspektivy ee razvitija» [Proc. the International scientific and practical conference «Penal correction system in modern society and the prospects of its development»]. Ryazan, november, 2014. Vol. 1.
11. Suhovarov K. S. Uголовnye nakazanija imushhestvennogo haraktera kak al'ternativa lisheniju svobody: uголовно-pravovoj i uголовно-исполнел'nyj aspekty. Dis. kand. jurid. nauk [riminal sanctions of property nature as alternative to imprisonment: criminal and legal and criminal and executive aspects. Cand. legal sci diss.]. Ryazan, 2014. 267 p.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ СКИБА,доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права
(Академия ФСИН России),
e-mail: apskiba@mail.ru;**НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА АРТЕМЕНКО,**кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и криминологии
(Южный федеральный университет),
e-mail: artemenko73@yandex.ru

ЗАМЕНА НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ БОЛЕЕ МЯГКИМ ВИДОМ НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Реферат: в статье устанавливается ряд проблем уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования института замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, имеющих теоретическое и правоприменительное значение, анализируются недостатки соответствующего постановления пленума Верховного Суда РФ, посвященного практике применения указанного института.

Делается вывод о том, что требуется более четкое определение целей и критериев замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, перечня документов, направляемых в суд, последствий отрицательного поведения осужденного после применения рассматриваемого института.

Ключевые слова: замена неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, исправление осужденного, ходатайство осужденного, представление администрации исправительного учреждения, психическое расстройство осужденного, поведение осужденного.

Замена неотбытой части наказания в виде лишения свободы представляет собой способ индивидуализации наказания, который реализуется судом в стадии исполнения приговора и состоит в изменении ранее назначенного наказания на его более мягкий вид. Несмотря на относительную «молодость» (в качестве самостоятельного вида освобождения от наказания замена неотбытой части наказания более мягким видом рассматривается после принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.), данный институт прочно занял свое место в действующем законодательстве и юридической практике и, более того, демонстрирует отчетливую тенденцию к расширению применения. Так, в 2013 г. было удовлетворено 5782 ходатайства осужденных или представления администраций исправительных учреждений о замене лишения свободы более мягким видом наказания, в 2014 г. – 6988, в 2015 г. – 7817 [1].

В соответствии с действующим законодательством лицу, отбывающему лишение свободы, возместившему вред (полностью или частично), причиненный преступлением, суд с учетом его пове-

дения в течение всего периода отбывания наказания на основании его ходатайства или представления администрации исправительного учреждения может заменить оставшуюся неотбытой часть наказания более мягким видом наказания (ч.1 ст. 80 УК РФ, ч. 3 и 3.1 ст. 175 УИК РФ).

Правовое регулирование института замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания имеет межотраслевой характер, что обуславливает ряд практических проблем его применения, на часть из которых уже обращалось внимание в юридической литературе [2, с. 76–81].

Во-первых, ни в уголовном (ст. 80 УК РФ), ни в уголовно-исполнительном (ст. 175 УИК РФ) законодательстве не определены цели замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания (в отличие, например, от условно-досрочного освобождения, применяемого в контексте исправления осужденного, в соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ и ч. 1 ст. 175 УИК РФ).

Во-вторых, отсутствует уголовно-правовое регулирование последствий отрицательного поведения осужденного, которому лишение свободы заменено более мягким видом наказания (учитывая

например, освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью по ч. 4 ст. 81 УК РФ или условно-досрочное освобождение в соответствии с ч. 7 ст. 79 УК РФ).

В-третьих, в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве недостаточно определены критерии, которыми руководствуется суд при принятии решения о замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания (то есть основания применения этого вида досрочного освобождения от отбывания наказания). Так, в ч. 1 ст. 80 УК РФ предусмотрено лишь два из них – поведение осужденного (именно на этом основном критерии акцентируют свое внимание исследователи [3, с. 54–57]) и возмещение вреда, причиненного преступлением, в то время как в ч. 4 этой же нормы уголовного закона таких критериев гораздо больше: поведение осужденного, его отношение к учебе, труду и совершенному деянию, а также возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления. При этом в ч. 4 ст. 80 УК РФ установлено, что в отношении осужденного, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, и совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, суд также учитывает применение к осужденному принудительных мер медицинского характера, его отношение к лечению и результаты судебно-психиатрической экспертизы.

Перечень критериев, которыми руководствуется суд при принятии решения о замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, определенных в ст. 80 УК РФ, в целом повторяется в ч. 3, 3.1 ст. 175 УИК РФ и должен содержаться в документах, направляемых в суд администрацией исправительного учреждения.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что указанные нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства содержат исключительный перечень таких критериев, что фактически не позволяет суду ориентироваться на иные обстоятельства: наличие инвалидности или тяжелого заболевания у осужденного [туберкулеза, иного психического заболевания, кроме расстройства сексуального предпочтения (педофилии)], его возраст, наличие малолетних детей и т. п. Между тем эти данные могут повлиять на возможность назначения осужденному того или иного более мягкого наказания, чем лишение свободы, в соответствии с ч. 3 ст. 80 УК РФ.

В-четвертых, положения ч. 4 ст. 80 УК РФ и ч. 3 и 3.1 ст. 175 УИК РФ отличаются в части

определения материалов (документов), которые рассматривает суд при замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания осужденному, страдающему расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Если в уголовном законе указаны только результаты судебно-психиатрической экспертизы, то в уголовно-исполнительном – дополнительно предусмотрено (кроме указанного) заключение лечащего врача осужденного (на недостатки закрепления перечня документов, направляемых в суд, при решении вопросов о досрочном освобождении от отбывания наказания, обращается внимание в юридической литературе [4, с. 88–94]).

В-пятых, отсутствуют критерии принятия судом решения о полном или частичном освобождении осужденного от отбывания дополнительного вида наказания при замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания. При этом, например, для освобождения (полностью или частично) от уплаты штрафа как дополнительного вида наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве не предусмотрены ни перечень документов, которые в связи с этим представляются в суд, ни учет размера уже уплаченной осужденным суммы или его заработной платы (о проблемах применения штрафа говорят различные исследователи [5, с. 3–6]).

В-шестых, вызывает сомнение обоснованность выделения законодателем в ст. 80 УК РФ и ст. 175 УИК РФ только одной категории лиц, имеющих психические расстройства, – страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией). В то же время по ст. 97 УК РФ и ст. 18 УИК РФ принудительные меры медицинского характера могут применяться и к другим осужденным (особенно представляющим опасность для себя или других лиц), что требует учета состояния их здоровья при принятии решения о замене им неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания.

Отчасти вышеуказанные проблемы межотраслевого регулирования замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания являются следствием недостаточного разграничения уголовно-правовой и уголовно-исполнительной регламентации различных аспектов применения уголовных наказаний, в том числе досрочного освобождения от их отбывания [6, с. 46–50].

Некоторые вопросы замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, обоснованно закрепленные в УИК РФ, по непонятной причине дублируются в УК РФ. Так, одновременно в ч. 3, 3.1 ст. 175 УИК РФ и ч. 4 ст. 80 УК РФ закреплено, что поводами для возбуждения производства в стадии исполнения приговора о

такой замене наказания являются ходатайство осужденного или представление администрации учреждения или органа, исполняющего наказание. Получается, что в УК РФ излишне определяются некоторые пенологические аспекты, которые по логике должны регулироваться в уголовно-исполнительном законодательстве.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (далее – постановление) не содержит ответы на указанные вопросы (положения этого постановления Пленума Верховного Суда РФ также критикуются исследователями [7, с. 126–157; 8, с. 64–68]). Более того, в нем даже усугубляются некоторые указанные проблемы.

Во-первых, в предл. 2 абз. 1 п. 1 постановления также закрепляется цель исправления осужденного только при применении условно-досрочного освобождения без ее распространения на замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания. В то же время в предл. 2 абз. 1 п. 4 постановления говорится, что «цели наказания могут быть достигнуты путем замены неотбытой части наказания более мягким наказанием» (в противоречие вышеуказанному положению п. 1 постановления). Следовательно, цели наказания, предусмотренные в ст. 43 УК РФ, то есть восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, возможно достичь при замене неотбытой части наказания более мягким наказанием. Однако в этом случае возникает вопрос: зачем назначать лицу более мягкий вид наказания, если соответствующие цели уже могут быть достигнуты? Возможно, поэтому в юридической литературе высказывается мнение о том, что рассматриваемый вид досрочного освобождения от отбывания наказания имеет целями стимулирование исправления осужденных, постепенное приобщение их к условиям

жизни на свободе, закрепление результатов исправления и предупреждение совершения ими новых преступлений [9].

Во-вторых, в абз. 1 п. 4 постановления перечислены основания для такой замены: поведение осужденного, его отношение к труду и учебе во время отбывания наказания, а также данные о личности осужденного. Получается, что в этом положении Пленум Верховного Суда РФ, с одной стороны, ориентирует суды при принятии решения о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием не учитывать такие основания, как отношение осужденного к совершенному деянию, а также возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, предусмотренные в ст. 80 УК РФ и ст. 175 УИК РФ, с другой стороны, упоминает какие-то дополнительные данные о личности осужденного. Представляется, что такая позиция Пленума Верховного Суда РФ не соответствует ни уголовному, ни уголовно-исполнительному законодательству. При этом в абз. 3 п. 6 постановления судам при принятии решения о такой замене предлагается дополнительно учитывать также прохождение осужденным профессионального обучения, а по п. 11 постановления в отношении иностранного гражданина, не имеющего постоянного места жительства на территории РФ, – данные о наличии либо отсутствии со стороны осужденного или иностранного государства гарантий исполнения приговора в части гражданского иска, достигнутого соглашения о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором РФ для осуществления контроля за поведением осужденного, что в принципе логично, но не указано ни в ст. 80 УК РФ, ни в ст. 175 УИК РФ, ни в п. 4 постановления.

Таким образом, налицо существование проблем уголовного-правового и уголовно-исполнительного регулирования института замены неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания, требующих своего разрешения.

Список литературы

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
2. Бедняков И. Л., Катунин И. А. Проблемы реализации правовых норм о замене неотбытой части лишения свободы более мягким видом наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4. С. 76–81.
3. Бабаян С. Л. Вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в отношении осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 54–57.
4. Скиба А. П., Скорик Е. Н. Коллизии уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в стадии исполнения приговора // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 88–94.
5. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Наказания для коррупционеров: новые предложения и новые проблемы // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2015. С. 3–6.

6. Скиба А. П. Некоторые проблемы разграничения уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3. С. 46–50.

7. Крымов А. А., Скиба А. П. Исполнение лишения свободы в отношении больных осужденных : монография / под общ. ред. Ю. А. Кашубы. Рязань, 2015. 258 с.

8. Скобелин С. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2009. № 6. С. 64–68.

9. Конкина О. В. Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2000. 229 с.

ANDREY PETROVICH SKIBA,
doctor in law, associate professor,
head of the penal law department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: apskiba@mail.ru;

NATALIA VIKTOROVNA ARTEMENKO,
phd in law, associate professor,
head of the criminal law and criminology department
(Southern Federal university),
e-mail: artemenko73@yandex.ru

**REPLACEMENT OF THE UNSERVED PART OF INCARCERATION
WITH A LESS RESTRICTIVE PUNISHMENT:
PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND PENAL LAW ENFORCEMENT**

Abstract: the article sets a number of issues of criminal law and the penal law enforcement regarding replacing the unserved part of incarceration with a less restrictive punishment which is of a theoretical and practical value. The shortcomings of the relevant Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, dedicated to the practical application of this institute are analyzed.

The conclusion is that a more precise definition of the objectives and criteria for the replacement of the unserved part of imprisonment with a milder penalty is needed, as well as the list of documents to be sent to the court and the negative consequences of the convicted person's misbehavior after the application of the measure.

Key words: replacement of an unserved part of incarceration with a less restrictive punishment; rehabilitation of the offender; the convicted offender's petition; correctional facility administration's report; prisoner's mental disorder; offender's behavior.

References

1. Oficial'nyj sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom sude Rossijskoj Federacii [The official site of Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

2. Bednjakov I. L., Katunin I. A. Problemy realizacii pravovyh norm o zamene neotbytoj chasti lishenija svobody bolee mjagkim vidom nakazaniya [Problems of law enforcement regarding replacement of an unexpired part of imprisonment with a lenient type of punishment]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute – Bulletin of the Vladimir legal institute, 2015, no. 4, pp. 76–81.

3. Babajan S. L. Voprosy zameny neotbytoj chasti nakazaniya bolee mjagkim vidom nakazaniya v otnoshenii osuzhdennyh k lisheniju svobody [Questions of replacement of an unexpired part of punishment with lenient type of punishment concerning those sentenced to imprisonment]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2011, no. 1, pp. 54–57.

4. Skiba A. P., Skorik E. N. Kollizii ugolovno-ispolnitel'nogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva v stadii ispolnenija prigovora [Collisions of the criminal and criminal procedure legislation in a stage of execution of a sentence]. Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik – North Caucasian legal messenger, 2015, no. 4, pp. 88–94.

5. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Nakazaniya dlja korrupcionerov: novye predlozhenija i novye problemy [Punishments for corrupted officials: new proposals and new problems]. Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo konfere...

narodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Aktual'nye problemy sovremennogo ugovnogo prava i kriminologii» [Proc. the International scientific and practical conference «Urgent Problems of the Modern Criminal Law and Criminology»]. Stavropol, 2015, pp. 3–6.

6. Skiba A. P. Nekotorye problemy razgranichenija ugovno-pravovogo i ugovno-ispolnitel'nogo regulirovanija [Some problems of differentiation of criminal law and penal law enforcement]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2014, no. 3, pp. 46–50.

7. Krymov A. A., Skiba A. P. Ispolnenie lishenija svobody v otnoshenii bol'nyh osuzhdennyh [Execution of imprisonment concerning disabled inmates]. Under the editorship of Ju. A. Kashuba. Ryazan, 2015. 258 p.

8. Skobelin S. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvanija nakazaniya i zamena neotbytoj chasti nakazaniya bolee mjagkim vidom nakazaniya [Early release and replacement of an unexpired part of punishment with lenient type of punishment]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2009, no. 6, pp. 64–68.

9. Konkina O. V. Zamena neotbytoj chasti nakazaniya bolee mjagkim vidom nakazaniya. Dis. kand. jurid. nauk [Replacement of an unexpired part of punishment with a lenient type of punishment. Cand. legal. sci. diss.]. Ryazan, 2000. 229 p.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ АВЕРКИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник организационно-научного отдела
(Академия ФСИН России),
e-mail: averkin09@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕЖИМНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ (ДОСМОТРА И ОБЫСКА) В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: в статье рассматриваются вопросы использования результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска) в расследовании преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях. Отдельное внимание уделено процессуальным и организационно-тактическим аспектам, имеющим исключительно важное значение для эффективной борьбы с преступностью в условиях исправительного учреждения.

Сделан вывод о том, что задача органов предварительного расследования – уметь своевременно и качественно нейтрализовать действия осужденных, которые затрудняют ход расследования, и усилить воздействие факторов, способствующих беспрепятственному осуществлению предварительного следствия и дознания.

Ключевые слова: режимные мероприятия, досмотр, обыск, режимное сопровождение процесса расследования, следственные действия, территория исправительного учреждения, действия следователя и органа дознания.

Расследование преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, имеет определенную специфику. Как правило, следователи, работающие с этой категорией уголовных дел, сталкиваются с различными трудностями, преодолеть которые порой без помощи представителей администрации не представляется возможным. В таких случаях практическое значение имеет оперативно-розыскное, режимное сопровождение процесса расследования (режимное – одно из направлений), которое является предпосылкой полного и всестороннего расследования преступлений, совершенных в исправительных учреждениях. Каждый из видов названного сопровождения позволяет решить комплекс разнообразных задач, к числу типичных из которых можно отнести:

а) поиск и изъятие орудий совершения преступления, предметов и веществ противоправных посягательств;

б) установление лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности;

в) установление очевидцев противоправного деяния и тех из них, которые могут выступить в качестве свидетелей по расследуемому уголовному делу (одна из актуальных проблем расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях).

Сопровождение расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительных

учреждениях, обусловлено сложностью сбора доказательств, осуществляемого следователем, поскольку подавляющая часть лиц, отбывающих наказание, противодействует этому. Здесь необходимы профессиональные навыки, опыт сотрудников исправительного учреждения, их знание неофициальной стратификации лиц, отбывающих наказание, традиций, норм поведения, индивидуальных качеств отдельных осужденных, что способствует успеху проводимых следственных действий.

Практика показывает, что результативность следственных действий значительно возрастает в тех случаях, когда их в соответствии с отдельным поручением следователя проводят представители органа дознания (ч. 5 ст. 157 УПК РФ). Для оказания помощи следователю при проведении расследования органом дознания используются довольно широкие права, порой неприменимые при расследовании преступлений за пределами исправительного учреждения. К ним относятся:

– режимный обыск помещений и лиц;

– досмотр посылок, бандеролей и личных вещей осужденных;

– досмотр лиц, прибывших в исправительное учреждение, их вещей и транспортных средств;

– цензура корреспонденции и т. д.

Использование указанных средств для целевого сбора информации при проведении расследования на территории исправительного учреждения отно-

сится к исключительной компетенции органа дознания (начальника исправительного учреждения). Обычно с помощью рассматриваемых режимных мероприятий устанавливаются обстоятельства преступления (правонарушения), выявление которых преследует двуединую цель:

– своевременное осуществление оперативных и режимных мероприятий по нормализации обстановки в исправительном учреждении, где совершено преступление (исключение возможности совершения осужденными новых преступлений или организации различных эксцессов);

– уточнение оснований к возбуждению уголовного дела как необходимой предпосылки для привлечения виновных в совершении преступления лиц к уголовной ответственности.

Такие предпосылки эффективности расследования, как: планирование; установление положения осужденных в сообществе лиц, лишенных свободы, и их взаимоотношений в этой среде; изучение личностных качеств осужденных, проходящих по уголовному делу; выбор тактико-психологических приемов производства следственных действий; минимизация противодействия расследованию; выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, в определенной мере обеспечиваются результатами производства досмотра и обыска – режимных мероприятий, проводимых в исправительных учреждениях.

Расследование преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, обязывает следователя четко организовывать свою работу, видеть ее перспективу, ориентироваться в объеме работы, которую могут выполнить сотрудники исправительного учреждения. Сложная и многогранная работа следователя по расследованию преступления должна быть построена так, чтобы при минимальной затрате сил и средств в наиболее короткий срок добиться положительных результатов. Одним из условий выполнения этих требований является умелое планирование предварительного следствия с использованием различных возможностей, в том числе результатов досмотров и обысков, которые предшествовали расследованию, проводились параллельно с ним либо осуществлялись целенаправленно по поручению следователя. Однако данное положение на практике соблюдается редко. Так, согласно анализу уголовных дел по этой категории преступлений план расследования отсутствовал в 93 % случаев. Кроме того, в планах нами были выявлены следующие типичные недостатки:

1) отсутствие конкретных исполнителей намеченных мероприятий и сроков их осуществления;

2) несвоевременность разработки плана;

3) наличие больших временных интервалов между планированием первоначальных и последующих мероприятий по делу;

4) отсутствие последующей корректировки плана с учетом изменяющейся ситуации.

Приведенное свидетельствует о недооценке следователями всей значимости планирования. Между тем «низкое качество планирования по уголовному делу порождает ошибки организационно-тактического плана... совершаются процессуальные ошибки, связанные с необоснованностью и немотивированностью принимаемых процессуальных решений» [1].

«Без плана расследования, – справедливо отмечал Р. С. Белкин, – обойтись практически невозможно, какими бы феноменальными памятью и способностями ни обладал следователь, поскольку план становится программой действий не только следователя, но и других лиц, и поэтому непременно должен иметь свое внешнее выражение» [2].

Назначение, характер объектов, обнаруженных и изъятых при проведении досмотра или обыска, позволяют выдвинуть комплекс версий, в том числе:

1) о субъекте совершения преступления;

2) лицах, причастных к противоправной деятельности (в том числе из числа представителей администрации, граждан, оказавшихся на территории ИУ в силу производственной необходимости, родственников, близкого окружения), располагающих сведениями о намерениях преступника и его окружения;

3) об обстоятельствах подготовки к совершению преступления (месте изготовления орудий и приспособлений для совершения преступлений, использованном оборудовании, тайниках для их хранения, и т. п.);

4) времени подготовки и совершения отдельных эпизодов преступления и т. п.

Изъятые при досмотре или обыске предметы, вещи укажут на связь конкретного лица с местом происшествия. На способ совершения преступления могут указывать изъятые при обыске орудия совершения преступления. Сами же орудия преступления будут указывать на канал их получения, место изготовления, инструменты и приспособления, используемые для этого [3].

Обнаруженные и изъятые в процессе режимных досмотра и обыска объекты позволяют запланировать проведение следственных действий, способных перевести эти предметы в разряд вещественных доказательств.

Решив судьбу вещественных доказательств (по правилам, установленным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации), следователь должен скорректировать план, запланировать проведение таких следственных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, которые, как правило, проводятся на последующем этапе расследования.

Протоколы и акты досмотра и обыска как результаты проведения рассматриваемых режимных мероприятий сами иногда являются объектами экспертного исследования, а также служат основанием для принятия решений о проведении таких следственных действий, как допросы, очные ставки, что, естественно, должно отражаться в плане расследования преступлений, совершаемых осужденными в ИУ.

При планировании расследования с использованием результатов режимных мероприятий в условиях исправительного учреждения необходимо учитывать следующие основные положения:

1) выявление и исследование обстоятельств, обуславливающих совершение преступлений осужденными с использованием разнообразных предметов, запрещенных в исправительных учреждениях;

2) установление фактических данных, характеризующих обстановку совершения преступлений, взаимоотношения осужденных с вольнонаемными сотрудниками ИУ, гражданами, в силу с производственной необходимости посещающими исправительные учреждения, знающими расположение основных ограждений колонии, вышек охраны, перемещения осужденных внутри жилой и производственной зон, возможность посещения отдельными осужденными определенных мест и т. п.;

3) определение перечня вопросов, выяснение которых позволило бы установить обстоятельства совершения уголовно наказуемого деяния, механизм его осуществления, роль режимных мероприятий в предупредительной деятельности.

Благодаря тщательной и кропотливой работе следователя с информацией, полученной при проведении режимных мероприятий (досмотра и обыска), как показывает практика, могут быть установлены новые личностные качества обвиняемого, которые не усматривались из специально представленных характеристик.

Характер изъятых объектов, например, наркотических средств, позволяет на начальном этапе выдвинуть, как минимум, три версии о личности осужденного, у которого они были изъяты:

1) данное лицо является наркоманом и приобрело наркотики для личного потребления. В среде отбывающих наказание такие осужденные общаются с аналогичной категорией, эти обстоятельства известны как администрации, так и осужденным. Ориентируясь на типичные качества личности наркомана, следователь имеет возможность заранее определить комплекс тактико-психологических приемов, которые позволят ему изобличить лицо в совершении преступления, получить объективную информацию;

2) данное лицо занимается распространением наркотических средств в виде бизнеса, имеет связи с лицами, занимающимися аналогичным видом деятельности вне исправительного учреждения. Типовые личностные качества таких лиц известны, их поведение на следствии можно заранее прогнозировать;

3) лицо используют как «тайник» для хранения и перемещения наркотических средств, либо за вознаграждение, либо в качестве отработки долгов, либо за возможность приблизиться к осужденным отрицательной направленности, которые игнорируют официальные нормы поведения и стараются придерживаться «воровских» традиций и т. п.

Приведенные ситуации характеризуют осужденного, позволяют заранее предопределить его личностные качества, а следователю спланировать собственную линию поведения, получить дополнительные консультации у оперативных уполномоченных исправительного учреждения. Полученные при анализе результатов досмотра и обыска данные о личности подозреваемого могут оказаться важными для исчерпывающего освещения тех черт личности и тех обстоятельств его прошлого, знание которых требуется для правильной оценки общественной опасности преступления и преступника, назначения справедливого наказания, принятия мер к устранению условий, благоприятствовавших совершению преступления. Информация о личности преступника важна и в процессе расследования преступления при получении данных о наличии или отсутствии события преступления, виновности или невиновности обвиняемого.

Осужденные, совершившие преступления в исправительном учреждении, нередко отрицают свою вину, стремясь тем самым воспрепятствовать расследованию и пустить следствие по ложному пути. Данные факты существенно осложняют расследование, особенно когда по делу собрано недостаточно доказательств. В таких случаях предъявление в процессе допроса соответствующего фрагмента видеозаписи [4] или конкретного предмета, изъятого при проведении режимных мероприятий, а также результатов экспертизы позволяет изобличить лицо в совершении конкретного преступления, показать бесполезность запирательства или отказа от дачи правдивых показаний [5], ничтожность занятой позиции.

Для уяснения значения своевременности и обоснованности производства режимных мероприятий досмотра и обыска в ИУ в целях предупреждения совершения новых преступлений необходимо иметь в виду, что преступления, совершаемые осужденными, как правило, препятствуют соблюдению правопорядка исполнения наказаний, установленного в местах лишения свободы, поэтому борьба с преступлениями, совершаемыми

осужденными, которые по тем или иным причинам не удалось предотвратить, фактически является одним из средств укрепления режима в исправительном учреждении [6].

В связи с тем что в условиях исправительного учреждения риск утраты доказательств весьма значителен, именно режимные мероприятия позволяют не только устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений осужденными, но и незамедлительно принимать меры по их устранению.

Процессуальная и тактическая зависимость расследования от своевременности и обоснованности производства режимных мероприятий имеет исключительно важное значение как для эффективной борьбы с преступностью в условиях исправительного учреждения, так и для обеспечения законных прав и интересов лиц, отбывающих наказание в данных учреждениях.

Успех борьбы с преступностью в исправительных учреждениях в значительной мере зависит от того, как качественно и быстро проводится расследование совершенных преступлений.

Чем полнее будет исследовано событие преступления и установлен круг лиц, причастных к нему, чем глубже будет выявлена роль виновных в совершении преступлений и изучена их личность, тем справедливее последует наказание, неизбежное для лиц, совершивших противоправное общественно опасное деяние.

В заключение отметим, что задача органов предварительного расследования состоит в том, что нужно уметь своевременно и качественно нейтрализовать действия осужденных, которые затрудняют ход расследования, и усилить воздействие факторов, способствующих беспрепятственному осуществлению предварительного следствия и дознания. На наш взгляд, результаты режимных мероприятий (досмотра и обыска) играют важную роль в эффективности предупреждения и расследования преступлений, совершенных осужденными в исправительных учреждениях, при условии своевременного принятия решения об их производстве, а также повышения качества и результативности их осуществления со стороны сотрудников исправительного учреждения.

Список литературы

1. Воронин С. Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. Барнаул, 2000. 55 с.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 2. 378 с.
3. Долгинов С. Д. Использование обыска в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений. М., 1997. С. 24.
4. Россинский С. Б. Обыск в форме специальной операции. М., 2003. 199 с.
5. Соловьев А. Б. Исследование доказательств при допросе. М., 1981. 101 с.
6. Джансараева Р. Правовой, этический и психологический аспекты тактики следственных действий при расследовании преступлений в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 38–43.

SERGEY DMITRIEVICH AVERKIN,

phd in law, associate professor,
head of the administrative and scientific division
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: averkin09@mail.ru

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL ASPECTS OF USE OF RESULTS OF SECURITY PROCEDURES (INSPECTION AND SEARCH) IN INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract: in the article issues of the use of results of regime actions (inspection and a search) in investigation of crimes committed by prisoners in correctional facilities are considered. Special attention is paid to the procedural and organizational and tactical aspects being of extremely important value for effective crime prevention in correctional facility settings.

The conclusion is drawn that a task of preliminary investigation bodies is the ability to neutralize timely and effectively prisoners' activity which hinders investigation, and to strengthen impact of the factors promoting free implementation of pretrial investigation and inquiry.

Key words: security procedures, inspection, search, regime maintenance of process of investigation, investigative actions, territory of correctional facility, actions of the investigating officer and inquiry agency.

References

1. Voronin S. E. Problemno-poiskovyye sledstvennyye situatsii i ustanovleniye istiny v ugovnom sudoproizvodstve [Problem and search investigative situations and establishment of truth in criminal proceedings]. Barnaul, 2000. 55 p.
2. Belkin S. R. Kurs kriminalistiki [Criminalistics course]. Moscow, 1997. 378 p.
3. Dolginov S. D. Ispol'zovaniye obyska v raskrytii, rassledovanii i predotvrashchenii prestupleniy [Use of search in solution, investigation and prevention of crimes]. Moscow, 1997, p. 24.
4. Rossinskiy S. B. Obysk v forme spetsial'noy operatsii [Search in the form of special operation]. Moscow, 2003. 199 p.
5. Solov'yev A. B. Issledovaniye dokazatel'stv pri doprose [Consideration of evidence during interrogation], Moscow, 1981. 101 p.
6. Dzhansarayeva R. Pravovoy, eticheskiy i psikhologicheskiy aspekty taktiki sledstvennykh deystviy pri rassledovanii prestupleniy v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Legal, ethical and psychological aspects of investigative tactics in correctional facilities]. Uголовно-исполнитель'naya sistema: pravo, jekonomika, upravlenie – Penal system: law, economy, management, 2006, no. 2, pp. 38–43.

КСЕНИЯ ЮРЬЕВНА БАКЛАНОВА,
преподаватель института по кафедре
гражданского права и процесса
(Академия ФСИН России),
e-mail: baklanova.ksenia@mail.ru

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Реферат: правовой нигилизм получил в настоящее время большое распространение, он может проявляться в многообразных формах. Один из классификационных критериев – подразделение его в зависимости от отраслевой принадлежности, в том числе выделение правового нигилизма в уголовно-правовой сфере. Наиболее опасной формой проявления правового нигилизма выступает преступление.

В статье проявления правового нигилизма в уголовно-правовой сфере рассматриваются на примере экстремистской деятельности и посягательств на культурные ценности. Являясь преступлением, экстремистская деятельность выступает формой правового нигилизма. В то же время экстремизм возможно рассматривать и как причину, способствующую распространению нигилистических идей в обществе. Лица, совершающие преступления, посягающие на культурные ценности, выражают безразличие к культуре своего народа. Правовой нигилизм в общем виде включает в себя отрицание ценности права. Именно в данных составах преступлений наиболее четко проявляется низкий уровень правосознания, правовой культуры. В рассматриваемом случае у лица отсутствует осознание самого понятия «ценность», будь то ценность культуры или ценность права.

Делается вывод о том, что при рассмотрении преступления как формы проявления правового нигилизма основное место следует отводить форме вины. Если лицо умышленно совершает преступление, то такое поведение рассматривается как проявление правового нигилизма. Если преступление совершено по неосторожности, его нельзя расценивать как проявление правового нигилизма.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правонарушение, проступок, преступление, уголовное право, форма вины, экстремизм, терроризм, культурные ценности.

Правовой нигилизм – явление, которое сопровождается право на всем протяжении его существования. Какие бы формы, преобразования ни проводились в правовой сфере, обязательно будут несогласные с ними. Отрицание существующих норм может выражаться в различных формах. Одни субъекты, например, не будут проявлять каких-либо действий, другие – наоборот, свое отношение к праву проявят через конкретные деяния – правонарушения.

Правонарушение – виновное противоправное деяние лица, причиняющее вред обществу. По степени общественной опасности правонарушения подразделяются на преступления и проступки. Преступление несет в себе высокую социальную опасность, так как покушается на основные права, свободы человека, его жизнь, государственный строй. Проступки же характеризуются меньшей социальной опасностью.

Преступление – наиболее опасная форма правового нигилизма. Легальное определение преступления содержится в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное

деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания. А. В. Шеслер отмечает, что понятие преступления в российском уголовном законодательстве является формально-материальным, так как в его определении отражены два основных признака преступления: его общественная опасность (материальный признак) и его уголовная противоправность (формальный признак) [12].

Понятию преступления в юридической литературе уделяется достаточно большое внимание. Связывается это прежде всего с тем, что «для успешного формирования демократического, правового государства необходимо (как одно из условий) формирование такого законодательства, которое способствовало бы как обеспечению охраны личности, общества, государства от преступных посягательств, так и реализации прав, свобод и законных интересов личности. Понятие преступления, являясь ключевым, призвано обеспечить охрану публичных и частных прав, свобод и законных интересов физических лиц, организаций, государства, муниципальных образований» [3].

Наибольшее изучение понятия преступления присутствует в уголовно-правовых науках, однако

преступление как категория изучается и теорией государства и права. Обратимся к юридическим фактам – конкретным жизненным обстоятельствам, с которыми связывается возникновение, изменение и прекращение правоотношений. По волевому признаку все юридические факты можно подразделить на события и действия. Среди действий выделяются как правомерные, так и неправомерные. К неправомерным действиям и относятся правонарушения (преступления и проступки).

Каждый год совершается огромное количество преступлений. Официальные статистические данные подтверждают это пугающими цифрами. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 2 166 399 преступлений, в 2015 г. – 2 352 098; из них преступлений особой тяжести в 2014 г. – 127 374, в 2015 г. – 125 496. За 2014 г. было выявлено 1 000 100 лиц, совершивших преступления; за 2015 г. – 1 063 034 [9]. Это лишь зарегистрированная преступность, однако существует также латентная, то есть скрытая, преступность, которая в несколько раз превышает зарегистрированную. А. Н. Зрячкин указывает, что «на огромный слой латентной преступности правоохранительные органы не реагируют, чем подрывают не только собственный авторитет, но и веру граждан в право, правосудие, справедливость. Это постоянно культивирует юридический нигилизм» [4, с. 135].

Рассматривая преступление с позиций правового нигилизма, считаем возможным понимать под преступлением наивысшую, наиболее опасную форму проявления правового нигилизма, наносящую вред личности, обществу, государству и совершаемую умышленно.

Н. И. Полищук отмечает, что «если лицо совершило преступление или проступок с прямым или косвенным умыслом, его следует квалифицировать как идеальный правовой нигилизм» [8, с. 86].

За каждым преступлением стоит конкретное лицо или группа лиц, его совершивших. Что толкает людей на преступление, что движет ими? По данному поводу Г. Ф. Гумирова отмечает, что модели личности преступника «в той или иной мере описывают проявления и последствия социальной несправедливости на индивидуальном уровне, осуществляемой посредством социального исключения, насилия и вызывающей чувство отчуждения» [1, с. 105].

Социальная несправедливость выступает в качестве одной из причин правового нигилизма. Соответственно данное основание выступает детерминантой как правового нигилизма в общем, так и его конкретных проявлений.

В вопросе причинности правового нигилизма и его конкретной формы – преступления прослеживаются общие черты. На формирование и ниги-

лизма, и преступного поведения оказывает влияние совокупность причин и условий.

Преступление является активной формой проявления правового нигилизма. Однако преступление с позиций правового нигилизма может выступать и пассивной формой. По образному выражению Р. А. Ильясовой, именно в виде «примиренческого отношения к преступлениям» [5, с. 139] со стороны общества. Какая из данных форм оказывает большее влияние на правовой нигилизм? Вопрос достаточно сложен. Считаем, что как нельзя выделить одну главную причину правового нигилизма, так и нельзя утверждать, какая из форм (активная либо пассивная) опаснее. Отсутствие в ряде случаев общественного порицания стимулирует правовой нигилизм, пропагандирует допустимость подобного поведения.

Рассмотрим проявление правового нигилизма в уголовной сфере на примере экстремистской деятельности. Экстремизм – приверженность к крайним взглядам и действиям, как правило, в политике. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет, что экстремистская деятельность (экстремизм) включает в себя:

- 1) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- 2) публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- 4) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 5) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- 6) воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения, и иные действия.

В Уголовном кодексе Российской Федерации закрепляется следующее определение: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части

настоящего Кодекса и п. «е» ч. 1 ст. 63 настоящего Кодекса» (примеч. к ст. 282.1).

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за деяния экстремистской направленности: ст. 280 – публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности, ст. 282.1 – организация экстремистского сообщества, ст. 282.2 – организация деятельности экстремистской организации, ст. 282.3 – финансирование экстремистской деятельности.

Однако анализ УК РФ позволяет сделать вывод о том, что не только вышеперечисленные составы преступлений можно отнести к преступлениям экстремистской направленности. Например, к деяниям, совершенным по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, относятся следующие составы преступлений: убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112); умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115); побои (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ). Это лишь некоторые составы, носящие характер экстремистской направленности.

В последние годы прослеживается рост числа преступлений экстремистской направленности. В 2011 г. было совершено 622 подобных преступления; 2012 – 696; 2013 – 896; 2014 – 1024; 2015 г. – 1308 преступлений экстремистской направленности [9]. Таким образом, с каждым годом совершается все большее количество таких преступлений.

Вопрос соотношения экстремизма и правового нигилизма в юридической литературе решается по-разному. И. Н. Сенин относит экстремизм к формам правового нигилизма, отмечая, что нигилизм может проявляться как в экстремистских, так и в неэкстремистских формах. Формулируя понятие экстремизма, ученый учитывает взаимосвязь с правовым нигилизмом. «Экстремизм – одна из форм индивидуального или группового нигилистического отрицания тех или иных явлений существующей действительности с целью их дестабилизации и разрушения на основе приверженности крайним идеям и действиям, характеризующимся насилием или его угрозой, фанатизмом, неспособностью к толерантности» [10, с. 81].

В юридической литературе присутствует и иная точка зрения. Так, Е. П. Сергун отрицает, что экстремизм является формой проявления правового нигилизма. Он указывает, что преднамеренные нарушения законодательства, свойственные правовому нигилизму, не являются ключевыми призна-

ками экстремизма, который отражает приверженность определенному социально-политическому мировоззрению и внутреннюю готовность к активной деятельности, направленной на претворение в действительность данной системы взглядов. Продолжая рассуждать на данную тему, ученый указывает, что правовой нигилизм – это явление в целом ситуативное, которое не имеет ярко выраженной политико-идеологической концепции, свойственной экстремизму. Подводя итог, Е. П. Сергун делает вывод о том, что экстремизм, как и правовой нигилизм, допустимо рассматривать как разновидность именно социального нигилизма, а не правового [11].

Данные разногласия сводятся к вопросу: является ли преступление формой проявления правового нигилизма? Полагаем, что если правонарушение (будь то преступление или проступок) совершено умышленно, то есть когда лицо осознавало общественную опасность, понимало, что нарушает правовые нормы, то такое правонарушение является формой проявления правового нигилизма. Преступления экстремистской направленности носят умышленный характер, следовательно, считаем возможным рассматривать экстремизм как форму проявления правового нигилизма.

В юридической литературе выделяются следующие основные причины, способствующие распространению экстремистской деятельности: кризисное состояние современного общества; влияние средств массовой информации, несущих негативные образы жизнедеятельности; проблемное состояние института семьи и брака [6]. Анализ данных причин и причин, детерминирующих правовой нигилизм, позволяет сделать вывод о схожести факторов, влияющих на распространение как нигилизма, так и экстремизма, что только подчеркивает их взаимосвязь.

Являясь преступлением, экстремистская деятельность выступает формой правового нигилизма, то есть непримиримым отрицанием чего-либо. В данном случае нигилизм рассматривается как более широкое по объему понятие. В то же время, выступая формой нигилизма, экстремизм возможно рассматривать и как причину, способствующую распространению нигилистических мнений в обществе. Нарушение закона, пропаганда взглядов, имеющих экстремистскую направленность, порождают нигилистические установки в обществе, укореняют веру не в силу закона, а в силу оружия и насильственных методов разрешения спорных ситуаций.

Рассматривая экстремизм, стоит упомянуть и о терроризме. В юридической литературе по поводу соотношения экстремизма и терроризма отмечается, что «терроризм – деятельность, осуществляе-

мая в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, то есть средство, используемое экстремистами, а не обособленное явление. Следовательно, терроризм – одна из форм экстремизма» [10, с. 78]. В. А. Емелин отмечает, что в настоящее время «терроризм оказался наиболее ужасным воплощением гиперреальности современного мира» [2, с. 41–42].

Легальное определение понятия «терроризм» содержится в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Согласно ст. 3 «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Террористическая деятельность в последнее время приобретает устрашающие масштабы. Осень 2015 г. запомнится многочисленными жертвами терроризма среди мирного населения. 31 октября человечество потрясла крупнейшая катастрофа авиалайнера А321 над Синайским полуостровом. Все находившиеся на борту 224 человека погибли. В ходе расследования было установлено, что катастрофа произошла в результате теракта – сработало самодельное взрывное устройство. 13 ноября в Париже был совершен ряд террористических актов, в результате которых большое число лиц не только были ранены, но и погибли. К сожалению, это не единственные примеры проявлений террористической деятельности.

Терроризм – это международная проблема. Необходимость борьбы с данным преступлением отмечается во многих конвенциях. Например, действует Европейская конвенция по борьбе с терроризмом от 27 января 1977 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников от 18 декабря 1979 г., Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом от 16 декабря 1997 г.

В международном праве значительное внимание уделяется и посягательствам на культурные ценности народов. «Памятники истории и культуры – это объекты материальной культуры, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народа, обладающие художественной, научной или иной культурной ценностью и зарегистрированные в государственных списках памятников истории и культуры» [7, с. 274]. Авторы учебника по международному уголовному праву называют следующие конвенции, направленные на борьбу с подобными посягательствами: Конвенция ООН о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г., Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупрежде-

ние незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., также действуют и другие международные акты в данной сфере [7, с. 274–280].

Уголовный кодекс Российской Федерации в качестве преступлений, посягающих на культурные ценности, предусматривает следующие составы: 1) хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); 2) невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190); 3) уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243 УК РФ).

Полагаем, что правовой нигилизм как общее понятие и его конкретное проявление в форме преступлений, посягающих на культурные ценности, имеют важную взаимосвязь. Лица, совершающие подобные преступления, посягают именно на культурные ценности, выражают свое безразличие к культуре своего народа. Правовой нигилизм же в общем виде включает в себя отрицание ценности права. Именно в данных составах преступлений наиболее четко проявляется низкий уровень правосознания, правовой культуры. В рассматриваемом случае у лица отсутствует осознание самого понятия «ценность», будь то ценность культуры или ценность права.

Таким образом, наиболее опасным проявлением правового нигилизма выступает преступление – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания. При этом преступление выступает активной формой, не меньше опасений в ряде случаев вызывает и пассивное отношение общества к совершаемым преступлениям.

Рассматривая правовой нигилизм сквозь призму преступления, подчеркнем, что одной из основных характеристик является форма вины. Если лицо сознательно нарушает нормы законодательства, предвидит наступление вредоносных последствий, то есть действует умышленно, такое поведение рассматривается как проявление правового нигилизма. Если же правонарушение совершено по неосторожности, его нельзя расценивать как проявление правового нигилизма. В каждом конкретном случае необходимо правильно квалифицировать преступление в зависимости от формы вины.

Список литературы

1. Гумирова Г. Ф. Социальные модели формирования личности преступника // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3. С. 104–107.
2. Емелин В. А. Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 36–43.
3. Елифанова Е. В. Понятие преступления: актуальные вопросы // Современные научные исследования. 2012. № 8.
4. Зрячкин А. Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 187 с.
5. Ильясова Р. А. Феномен привыкания к преступности и его негативные последствия // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2013. № 7. С. 138–141.
6. Лелеков В. А., Черных А. А. О причинах преступлений экстремистской направленности в молодежной среде // Российский следователь. 2015. № 8. С. 42–46.
7. Международное уголовное право : учеб. для вузов / А. В. Наумов [и др.]. М., 2013. 463 с.
8. Полищук Н. И. Извечный спутник права – правовой нигилизм // Человек: преступление и наказание. 2006. № 1. С. 79–89.
9. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <http://crimestat.ru>.
10. Сенин И. Н. Экстремизм: понятие и виды // Инновационное образование и экономика. 2008. № 2. С. 78–81.
11. Сергун Е. П. К вопросу о соотношении экстремизма и правового нигилизма // Правовая культура. 2011. № 2. С. 98–101.
12. Шеслер А. В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2. С. 185–188.

KSENIYA YUR'EVNA BAKLANOVA,

lecturer of civil law and procedure department
(The Institute of the Academy of the FPS of Russia),
e-mail: baklanova.ksenia@mail.ru

LEGAL NIHILISM IN THE CRIMINAL LAW FIELD

Abstract: legal nihilism – a phenomenon which is now widespread. Legal nihilism can manifest itself in many forms. One of the classification criteria in favor of his unit, depending on the industry sector, including the allocation of legal nihilism in the criminal justice field. The most dangerous form of manifestation of legal nihilism advocates crime.

The article examines the manifestations of legal nihilism in criminal matters are considered by the example of extremism and attacks on cultural values. Being a crime, extremist activity is the form of legal nihilism. At the same time, extremism may be regarded as the cause, conducive to the spread of nihilistic views in society. Perpetrators of crimes that infringe on the cultural values and express their indifference to the culture of his people. Legal nihilism is generally includes a denial of the right values. It is in the data structure of a crime low level of legal awareness and legal culture manifests itself most clearly. In this case, the person is no understanding of the concept of «value», whether the value of culture and the right value.

It is concluded that considering the crime as a form of manifestation of legal nihilism, the main importance is attached to the form of guilt. If a person intentionally commits a crime, such behavior is seen as a manifestation of legal nihilism. If the offense is committed by negligence, it can not be regarded as a manifestation of legal nihilism.

Key words: legal nihilism, offense, misdemeanor, crime, criminal law, form of guilt, extremism, terrorism, cultural values.

References

1. Gumirova G. F. Social'nye modeli formirovaniya lichnosti prestupnika [The social model of formation of the identity of the criminal]. Aktual'nye problemy jekonomiki i prava – Actual problems of economics and law, 2008, no. 3, pp. 104–107.

2. Emelin V. A. Terrorizm kak patologicheskaja forma obretenija identichnosti v uslovijah informacionnogo obshhestva [Terrorism as a pathological form of identity gained in the information society]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija – Applied legal psychology, 2010, no. 4, pp. 36–43.
3. Epifanova E. V. Ponjatie prestuplenija: aktual'nye voprosy [The concept of crime: current issues]. Sovremennye nauchnye issledovanija – Modern scientific studies. 2012. no. 8.
4. Zrjachkin A. N. Pravovoj nigilizm: prichiny i puti ih preodolenija. Dis. kand. jurid. nauk [Legal nihilism: the reasons and ways to overcome them. Cand. legal sci. diss.]. Saratov, 2007. 187 p.
5. Il'jasova R. A. Fenomen privykanija k prestupnosti i ego negativnye posledstvija [The phenomenon of habituation to crime and its negative consequences]. Vestnik Essentukskogo instituta upravljenija, biznesa i prava – Bulletin of the Essentuki Institute of management, business and law, 2013, no. 7, pp. 138–141.
6. Lelekov V. A., Chernyh A. A. O prichinah prestuplenij jekstremistskoj napravlenosti v molodezhnoj srede [On the causes of extremist crimes in the youth environment]. Rossijskij sledovatel' – Russian investigator, 2015, no. 8.
7. Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo. A.V. Naumov and others [International criminal law: textbook for universities]. Moscow, 2013. 463 p.
8. Polishhuk N. I. Izvechnyj sputnik prava – pravovoj nigilizm [Eternal rights companion – legal nihilism] Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2006, no. 1, pp. 79–89.
9. Portal pravovoj statistiki General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [The portal of legal statistics of the Prosecutor General of the Russian Federation]. Available at: <http://crimestat.ru>.
10. Senin I. N. Jekstremizm: ponjatie i vidy [Extremism: concept and types]. Innovacionnoe obrazovanie i jekonomika – Innovative education and the economy, 2008, no. 2, pp. 78–81.
11. Sergun E. P. K voprosu o sootnoshenii jekstremizma i pravovogo nigilizma [To the question of the relationship between extremism and legal nihilism]. Pravovaja kul'tura – Legal culture, 2011, no. 2, pp. 98–101.
12. Shesler A. V. Ponjatie prestuplenija v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve [The concept of crime in the Russian criminal legislation]. Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir law institute, 2014, no. 2, pp. 185–188.

АРТУР АЛЬБЕРТОВИЧ ГАРТФЕЛЬД,
соискатель
(Российский университет дружбы народов),
e-mail: bamvi@bk.ru

ЖИВОТНЫЙ МИР ПОД ОХРАНОЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Реферат: в статье рассмотрены проблемы отграничения уголовно наказуемой незаконной охоты от экологических преступлений общего характера: нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ; нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов, повлекших за собой загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных, а равно совершенные в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации; загрязнение вод, повлекшее за собой причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных или рыбы, а равно совершенные на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации и др.; проанализированы спорные вопросы квалификации рассматриваемых преступлений; предложены пути совершенствования уголовного законодательства в области нормативно-правового обеспечения окружающей среды и экологической безопасности.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, радиоактивные отходы, массовая гибель животных, экология живых систем, эпидемия, эпизоотия.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. указано, что необходимо уделить самое пристальное внимание вопросам экологии, экологического оздоровления территорий.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, отмечается, что состояние национальной безопасности в сфере экологии усугубляется сохранением значительного количества опасных производств, деятельность которых ведет к нарушению экологического баланса: не соблюдаются тарно-эпидемиологические (или) санитарно-гигиенические стандарты потребляемой населением страны питьевой воды; вне нормативного правового регулирования и надзора остаются радиоактивные отходы ядерного топливного цикла; нарастает стратегический риск исчерпания запасов важнейших минерально-сырьевых ресурсов страны, падает добыча многих стратегически важных полезных ископаемых. Для обеспечения национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает свои усилия и ресурсы на таком приоритете устойчивого развития, как экология живых систем и рациональное (устойчивое) природопользование.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г., одной из главных задач, решение которых обеспечивает достижение

стратегической цели государственной политики в области экологического развития, выступает совершенствование нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности. При решении этой задачи планируется создание структурно-целостной, комплексной и непротиворечивой системы законодательства в области охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования, усиление ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические правонарушения.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) помимо экологических преступлений имеются составы, которые частично или косвенно, а иногда и непосредственно касаются области экологии: массовая гибель животных (нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246), правил обращения экологически опасных веществ и отходов, деяние, повлекшее за собой загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных, а равно совершенные в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (ч. 2. ст. 247), загрязнение вод, повлекшее за собой причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных или рыбы, а равно совершенные на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического

бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации (ч. 2 ст. 250); в виде последствий – при распространении эпизоотии – причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия (ст. 248); нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, повлекшее за собой по неосторожности распространение эпизоотий или иные тяжкие последствия (ст. 249); массовая гибель рыбы и других водных животных, гибель популяции организмов, занесенных в Красную книгу (ст. 257, 259).

В ст. 358 УК РФ разновидностью преступного деяния названо массовое уничтожение животного мира, аналогично ч. 2 ст. 253 УК РФ предусматривает наказание за разработку без соответствующего разрешения естественных богатств континентального шельфа, исключительной экономической зоны РФ, к числу которых относится и животный мир. Статья 262 УК РФ предусматривает нарушение режима заповедников, заказников, национальных парков и других территорий, повлекшее за собой причинение значительного ущерба.

Отдельно вопросы квалификации при конкуренции перечисленных составов с незаконной охотой и добычей животных в литературе не рассматриваются, нет и соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, хотя актуальность проблемы не вызывает сомнений. Не следует также забывать о возможности конкуренции между составляющими браконьерство составами преступлений: незаконной охотой и незаконной добычей водных животных. Конечно, объединение данных составов преступлений аннулирует указанные проблемы, что является еще одним доводом в пользу высказанного ранее предложения [1, с. 142].

В рамках сравнительного правоведения рассмотрим возможные пути решения возникающих проблем. По устоявшемуся среди криминалистов мнению, различие между незаконной охотой и добычей водных животных следует производить по предмету преступления, что представляется верным лишь отчасти. В материальных составах ст. 256 и 258 УК РФ произвести разграничение возможно, но не по предмету, а по правовому регулированию добычи тех или иных животных. Например, речной бобр, ондатра, нутрия, белый медведь являются водными животными, но их добыча регулируется охотничьим законодательством, поэтому преступное посягательство на них будет квалифицироваться по ст. 258 УК РФ. При разграничении, кроме самого предмета, необходимо определить, каким законодательством регулируется его охрана или добыча. Трудности вызывает и дифференциация на стадиях, предшествующих изъятию животных. Например, на территории заказника устанавливается сеть с неконкретизиро-

ванным умыслом. По общему правилу квалификация производится по последствиям, но для признания преступления оконченным они не нужны. При этом совершенно нет четкой картины, что вменять задержанному лицу. Если умысел конкретизирован, то необходимо квалифицировать деяние по умыслу, при попадании по неосторожности иного животного в сеть – за его добычу по действующему законодательству лицо уголовной ответственности не подлежит. В некоторых случаях необходимо учитывать и объективную сторону рассматриваемых составов преступлений, так как при существующих диспозициях ст. 256 и 258 УК РФ именно она может определять преступность того или иного деяния. Например, если незаконно ловить рыбу на моторной лодке – это преступление, если бобров – правонарушение [1, с. 143].

По вопросу разграничения незаконной охоты и незаконной добычи водных животных заслуживает внимания позиция И. В. Попова, усмотревшего совпадение всех элементов указанных составов преступлений, за исключением объективной стороны. Он предлагает проводить разграничение незаконной охоты и незаконной добычи водных животных и иных экологических преступлений по деянию. Противоположную позицию занял В. А. Черепяхин, обосновывая ее тем, что указанные составы различаются по объекту, объективной и субъективной сторонам преступления, что в принципе является верным для частных случаев [2, с. 18].

Разделяя позицию И. В. Попова, считаем, что по действующему законодательству разграничение браконьерства и иных экологических преступлений следует производить по объективной стороне преступления, а конкретно – по деянию. Рядом ученых, кроме деяния, предлагается учитывать и другие признаки объективной стороны [3, с. 178], что может быть правильным для конкретных случаев, а предлагаемый вариант универсален. Так, если нарушаются правила добычи животных, то деяние следует квалифицировать как браконьерство, если иные условия – другой состав.

Из данного правила существуют исключения, например, отграничения незаконной охоты и добычи водных животных от экоцида. Они могут совпадать по части объективной стороны. Различие заключается в количественной стороне ущерба: наступило массовое уничтожение животного мира. Схожую позицию по данному вопросу занимает Ю. В. Николаева, утверждая, что при экоциде происходит полное или частичное уничтожение фауны какого-либо региона, тем самым нарушаются отношения, обеспечивающие экологическую безопасность человечества, определенную нормами международного права [4, с. 32]. Указанное уничтожение фауны может происходить путем браконьерства, например, знаменитые отстрелы

целых популяций животных в Арктике. В данном случае незаконная охота будет расценена как покушение на экоцид.

Несколько сложнее квалифицировать деяния, имеющие последствия, растянутые во времени, например, после использования каких-либо химических веществ. В указанных случаях необходимо учитывать и направленность умысла виновного. Экоцид – пока одно из немногих преступлений экологического характера, представленное в УК РФ, где сделана попытка использования комплексной оценки причинения вреда окружающей среде. Считаем, что с некоторыми доработками эта конструкция может выступить основой последующей системы и структуры экологических составов преступлений. Не следует забывать, что в совокупности с животным миром могут пострадать иные компоненты природной среды, что дает основания для квалификации деяний по данной статье без дополнительного вменения браконьерства.

Проблемной ситуацией при конкуренции экологических составов преступлений является разграничение ст. 256 УК РФ и ч. 2 ст. 253 УК РФ. Общеизвестный вариант разграничения рассматриваемых составов, когда ч. 2 ст. 253 признается специальной по отношению к ст. 256 УК РФ, полностью укладывается в предложенный вариант дифференциации по объективной стороне. Иначе говоря, нарушение данных законов и влечет за собой квалификацию деяний по ст. 253 УК РФ, учитывая, что более 90 % рыбного сырья составляют биологические ресурсы, добываемые в исключительной экономической зоне РФ [5, с. 1].

Возникает вопрос: зачем так тщательно разрабатывать статью «Браконьерство», если на ее долю остается столь незначительный процент, а бороться с основной преступностью должны обобщающие статьи, совершенно для этого не подготовленные. Представляется правильным континентальный шельф и свободную экономическую зону признавать местами, приравненными к особо охраняемым территориям. Тогда ст. 256 станет специальной по отношению к ст. 253 УК РФ и квалификация будет проходить, как в случае со ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов». При совершении браконьерства специальными по отношению к ней признаются ст. 256 и 258 УК РФ, например, на территории заповедника. Тогда и морская охрана Федеральной пограничной службы ФСБ России будет бороться с браконьерством, а не с нарушениями законодательства о континентальном шельфе и свободной экономической зоне, на что нами указывалось ранее.

В соответствии с действующим уголовным законодательством России дикие животные могут

быть предметом не только экологических преступлений, но и общественно опасных деяний в сфере экономики. На практике нередко встречаются трудности отграничения незаконной охоты и добычи водных животных от преступлений против собственности, преступлений в сфере экономической деятельности и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Наиболее часто рассматриваемые составы конкурируют с хищениями, уничтожением или повреждением имущества, совершенным умышленно или по неосторожности, и приобретением или сбытом имущества, добытого заведомо преступным путем.

Правила квалификации, возникающие при конкуренции экологических составов и преступлений против собственности, построенные на ранее указанном основании, имеют давнюю историю. Их основные положения заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые утверждали, что любому природному ресурсу придает качество товара общественно необходимый труд, когда природный ресурс извлечен полностью из природной среды или в иной форме обособлен трудом от окружающей природы, то есть дикое животное становится товаром после вложения в его добычу труда человека и, только став товаром, будет предметом хищения.

Следует также признавать имуществом предмет природного богатства и тогда, когда он, будучи обособленным от естественной среды обитания, специально разводится, выращивается на природной основе и является продуктом незавершенного цикла товарного производства (рыба, выращиваемая в нагульных прудах рыбхозов или разводимая на рыбоводных заводах, молодежь ценных пушных зверей, содержащийся в зверопитомниках и вольерах госзаповедников) [6, с. 27].

Что касается обособленного от природной среды животного (сеть, капкан, силос), то далеко не все криминалисты согласны с этой позицией. Так, профессор Ю. Н. Ерофеев указывает, что только умерщвленное дикое животное свидетельствует об окончании процесса охоты, а поимка в самоловы – о покушении. Данная позиция небесспорна, поскольку в ряде случаев ценность для браконьеров представляют живые животные, ловчие или певчие птицы. В этих случаях предлагается учитывать направленность умысла субъекта, «незнание о принадлежности похищаемого животного необходимо квалифицировать по правилам фактической ошибки, если же умысел был не определен, то по реально наступившим последствиям» [7, с. 67–68].

Реалии сегодняшней жизни вынуждают по-иному взглянуть на данную проблему. С развитием различного рода вмешательств человека в есте-

ственный процесс рождения, расселения и проживания представителей фауны возникают ситуации, когда дикие животные еще до появления в естественных условиях обладают стоимостью в связи с затраченным на их разведение трудом человека. Например, мальков выращивают на рыбопроизводном заводе для выпуска в реки, пруды, озера, моря. Как быть с данными животными, ведь они не теряют своей стоимости, являющейся результатом вложенного в них труда человека, даже по прошествии значительного времени, но их незаконную добычу рассматривают как браконьерство. У. Я. Крастиньш предлагает данные случаи рассматривать как исключение из общего правила, указывая, что для состава хищения необходимо, чтобы во время добычи звери, рыбы находились в материальных фондах какого-либо собственника [8, с. 15]. В таком случае способ разграничения браконьерства и хищений по объекту и предмету не претендует на универсальность. При этом браконьерство и хищение могут полностью совпадать по объективной стороне, субъекту и субъективной стороне. Единственный элемент состава преступления, по которому различают браконьерство и хищение, это объект преступления. В случае хищения страдают отношения собственности, включающие в себя право любого собственника на владение, пользование и распоряжение своим имуществом, в случае браконьерства – отношения по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов.

В судебной-следственной практике используется упрощенный способ определения предмета по праву собственности: если представителем гражданского истца признаются представители региональных служб охраны природы (в Тюменской области – Управление по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных, Инспекция рыбоохраны, в Курганской области – Департамент по рациональному использованию охотничьих животных, Инспекция рыбнадзора), значит, это браконьерство, если нет, то иной состав преступления. Следователи и дознаватели определяют, если есть собственник, значит, совершено преступление против собственности, если принадлежность животного определить по признаку собственника невозможно, то это браконьерство [1, с. 151].

Из перечисленных различий предметов преступлений хищения и браконьерства явно прослеживается еще одно – это естественные условия. Под естественным, согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова, следует понимать совершающееся по законам природы, обязанное им, а не постороннему вмешательству. Для констатации браконьерства животное на момент посягательства должно существовать в естественных условиях.

До этого оно может содержаться в клетке или специализированном водоеме.

Необходимо учитывать и возможности выживания представителей фауны в той или иной местности без участия человека. Свобода передвижения животных определена только экологическими, географическими, цивилизационными ограничениями (не специально созданными для этих целей человеком). На основании изложенного можно предложить вариант дифференциации хищений и браконьерства по естественным условиям обитания добываемого животного. Достоинством данного способа является простота в определении: совершил убой дикого животного в лесу, степи – незаконная охота, в противном случае – иной состав преступления.

Некоторые сложности возникают при дифференциации браконьерства и преступлений в сфере экономической деятельности. Наиболее часто возникает конкуренция с таким составом, как приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем. Наличие в определении предмета преступления ст. 175 УК РФ термина «имущество» говорит о том, что животное должно стать товаром, приобрести какую-то меновую стоимость – цену. Однако соучастником браконьерства признается и лицо, пообещавшее заранее приобрести продукцию незаконной охоты или добычи водных животных. Разграничительная грань в данном случае именно в предварительном согласии лица на приобретение предметов браконьерства до совершения определяющего преступления, а по ст. 175 УК РФ привлекают лицо, узнавшее о браконьерстве лишь после его совершения, но до момента приобретения продукции.

В научной литературе приведены возможные случаи конкуренции браконьерства с преступлениями против здоровья населения и общественной нравственности, например, жестокое обращение с животными. Общее количество случаев конкуренции можно разделить на две основные группы:

- 1) жестокое обращение с животными происходит при их добыче;
- 2) добыча животных не является целью виновного, а причиняемые им страдания совершаются по иным причинам.

В первом случае, на наш взгляд, страдают два совершенно разных объекта: общественные отношения по охране и рациональному использованию диких животных и общественные отношения, обеспечивающие гуманное отношение к животным как к одному из основных элементов окружающей среды.

Опасность экологических преступлений нами раскрыта ранее, общественная опасность жестокого обращения с животными, по справедливому за-

мечанию профессора Э. Н. Жевлакова, состоит не только в том, что причиняется вред животным, но и в том, что жестокость развивает низменные инстинкты у человека, особенно у молодежи. Многие из тех, кто совершает тяжкие преступления против личности, свой преступный путь начинали с издевательств над животными. Следует согласиться с его мнением о квалификации содеянного в данном случае по совокупности браконьерства и ст. 245 УК РФ.

Жестокое обращение с животными при добыче может послужить основанием для признания деяния браконьерством, так как, по замечанию Р. Д. Шарипова, применение при охоте и рыболовстве запрещенных, калечащих и мучительных способов добычи животных запрещено действующими правилами.

Сложности вызывает квалификация деяния, в ходе которого физическая боль, избиение, членовредительство причиняются животному для удовлетворения низменных инстинктов, тренировки, устрашения, опытов и т. д. без умысла на изъятие представителя фауны. Гибель животного в данном случае может наступить лишь по неосторожности,

а браконьерство – умышленное преступление. Выслеживание и преследование животного также осуществляются без цели его изъятия из природной среды, поэтому квалифицировать эти действия по статьям, предусматривающим ответственность за браконьерство, излишне.

Таким образом, в научной разработке концепции организации охраны природы и рационального использования природных ресурсов в советский и постсоветский периоды, в решениях высших судебных инстанций обращалось постоянное внимание на важность обеспечения правильного, единообразного и эффективного применения законодательства об ответственности за совершение экологических правонарушений. Высокая степень общественной опасности этого вида правонарушений обусловлена тем, что объектом их посягательства являются стабильность окружающей среды и природно-ресурсный потенциал, а также гарантированное ст. 42 Конституции Российской Федерации право каждого на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. Пушкарев В. Г. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных и незаконную охоту : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 247 с.
2. Попов И. В. Ответственность за преступное загрязнение вод : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. 21 с.
3. Лопашенко Н. А. Экологические преступления. СПб., 2002.
4. Николаева Ю. В. Преступления против мира и безопасности человечества : лекция. М., 1999. 124 с.
5. Пономарев И. С. Административно-правовая охрана живых ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 23 с.
6. Ляпунов Ю. Г. Отграничение хищений социалистического имущества от преступлений в области охраны природы // Социалистическая законность. 1973. № 11. С. 28–31.
7. Плешаков А. М. Уголовно-правовая борьба с экологическими преступлениями (теоретический и прикладной аспекты) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 42 с.
8. Крастиньш У. Я. Классификация преступлений против природных богатств. Рига, 1987. 71 с.

ARTUR ALBERTOVICH GARTFEL'D,
applicant
(The people's friendship University of Russia),
e-mail: bamvi@bk.ru

FAUNA UNDER PROTECTION OF THE PENAL STATUTE

Abstract: in article problems of an otgranicheniye of penal illegal hunting from ecological crimes of general nature are considered: abuses of regulations of environmental protection in case of works; abuses of regulations of the address of ecologically dangerous substances and waste which entailed pollution, poisoning or environment pollution, damnification to health of the person or mass death of animals, and equally perfect in a zone of ecological catastrophe or in a zone of an emergency ecological situation; the pollution of waters which entailed damnification to health of the person or mass death of animals or fishes, and equally made in the territory of the reserve or the wildlife area either in a zone of ecological catastrophe or in a zone of an emergency ecological situation, etc. Matters of argument of qualification of the considered crimes are analysed. Ways of enhancement of the penal legislation are offered.

Key words: strategy of a homeland security, radioactive waste, mass death of animals, ecology of live systems, epidemic, epizooty.

References

1. Pushkarev V. G. Ugolovnaja otvetstvennost' za nezakonnuju dobychu vodnyh zhivotnyh i nezakonnuju ohotu. Dis. kand. jurid. nauk [Criminal liability for illegal production of water animals and illegal hunting. Cand. legal sci. diss.]. Tyumen, 2004. 247 p.
2. Popov I. V. Otvetstvennost' za prestupnoe zagrjaznenie vod. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Responsibility for criminal pollution of waters. Cand. legal sci. diss. abstract]. Omsk, 2003. 21 p.
3. Lopashenko N. A. Jekologicheskie prestuplenija [Ecological crimes]. St. Petersburg, 2002.
4. Nikolaeva Ju. V. Prestuplenija protiv mira i bezopasnosti chelovechestva [Crimes against the world and safety of mankind]. Moscow, 1999. 124 p.
5. Ponomarev I. S. Administrativno-pravovaja ohrana zhivyh resursov kontinental'nogo shel'fa i iskljuchitel'noj jekonomicheskoj zony RF. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Administrative legal protection of live resources of the continental shelf and exclusive economic zone Russian Federation. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 2001. 23 p.
6. Ljapunov Ju. G. Otgranichenie hishhenij socialisticheskogo imushhestva ot prestuplenij v oblasti ohrany prirody [Otgranicheniye of plunders of socialist property from crimes in the field of conservation]. Socialisticheskaja zakonnost' – Socialist legality, 1973, no. 11, pp. 28–31.
7. Pleshakov A. M. Ugolovno-pravovaja bor'ba s jekologicheskimi prestuplenijami (teoreticheskij i prikladnoj aspekty). Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Criminal and legal fight against ecological crimes (theoretical and applied aspects). Dr. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1994. 42 p.
8. Krastin'sh U. Ja. Klassifikacija prestuplenij protiv prirodnyh bogatstv [Classification of crimes against natural wealth]. Riga, 1987. 71 c.

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЗВОНОВ,кандидат юридических наук,
докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: zvonov_av@mail.ru**СОДЕРЖАНИЕ КАРЫ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ
ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: КРАТКИЙ ОБЗОР**

Реферат: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью входит в группу наказаний, не связанных с лишением свободы. Оно не имеет широкой практики реализации в деятельности судов (не более 13 тысяч случаев в год), при этом преобладает его применение в качестве дополнительного наказания.

В основе базовых ограничений и лишений данного уголовного наказания лежат те из них, которые основаны на Конституции РФ и федеральном законодательстве и предусмотрены самим фактом осуждения.

С учетом содержания данного наказания следует отметить, что система ограничений и лишений непосредственно данного уголовного наказания состоит в лишениях в сфере трудовых отношений, что проявляется в применяемых к осужденным мерах в виде запретов по определенным сферам их деятельности и ограничении свобод, заключающемся в лишениях устанавливаемых судом прав. Дополнительно проявляются финансовые ограничения, соответствующие трудовым лишениям, и морально-психологическое воздействие на осужденного, состоящее в осуждении его преступного поведения.

Несмотря на хорошую основу рассматриваемого уголовного наказания, его режим, определяющий порядок и условия отбывания данного уголовного наказания, представлен слабо проработанной системой обеспечительных средств в отношении назначенных судом лишений. Такой элемент, как ответственность осужденных за допущенные нарушения условий отбывания наказания, имеет лишь компенсационный характер, то есть практически отсутствует: при выявлении нарушения установленный судом срок фактически продлевается в пределах периода нарушения порядка отбывания наказания.

Кроме того, компетенция уголовно-исполнительных инспекций как средство корректировки кары рассматриваемого наказания весьма условна, что обусловлено ее ограничениями, связанными с правовым положением субъекта исполнения наказания. Следует отметить и сильную функциональную загруженность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, что также негативно сказывается на процессе реализации наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Указанные негативные факторы обуславливают и субъективные факторы исполнения и отбывания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: 28 % опрошенных, осужденных к данному наказанию, не считают его уголовным наказанием.

Ключевые слова: преступление, осуждение, уголовное наказание, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, система ограничений и лишений, режим уголовного наказания, компетенция субъекта исполнения наказания, уголовно-исполнительная инспекция, субъективные факторы, сотрудник, осужденный.

Институт кары уголовного наказания всегда вызывал интерес в юридической литературе [7; 8]. В качестве содержания кары представляется система ограничений и лишений, предусмотренных конкретным уголовным наказанием. Однако, на наш взгляд, такой подход весьма узок, содержание кары уголовного наказания включает в себя:

– базовые, то есть конституционные, ограничения и лишения и основанные на них ограничения и лишения, предусмотренные федеральным законо-

дательством в отношении определенных групп наказаний;

– основные, предусмотренные сущностью конкретного наказания и режимом его отбывания;

– факультативные, включающие в себя компетенционные особенности субъекта исполнения уголовного наказания и субъективные факторы лиц, исполняющих и отбывающих назначенное наказание.

Рассмотрим данный подход на примере уголовного наказания в виде лишения права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое в соответствии с ч. 1 ст. 46 УК РФ состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью.

Данный вид уголовного наказания имеет очень широкую практику применения. Как основное наказание в 2010 г. судами оно применялось в отношении 269 осужденных, в 2011 – 275, в 2012 – 218, в 2013 – 245, в 2014 – 245, в 2015 г. – 206 человек, в качестве дополнительного – гораздо чаще: в 2010 г. – 9 923, 2011 – 12 599, 2012 – 12 124, 2013 – 12 225, 2014 – 11 437, в 2015 г. наблюдался значительный рост – 19 555 осужденных [10; 11; 12; 13; 14; 15].

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 47 УК РФ закреплено два вида лишения прав, а именно: занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что означает запрещение занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью. Данные лишения, как утверждает профессор В. А. Уткин, и составляют содержание наказания [18, с. 59]. Каждый из указанных подвидов рассматриваемого наказания содержит особенные правоограничения, применение конкретного вида которых согласно действующему уголовному законодательству оставлено на усмотрение суда. Суть данного наказания состоит в категорическом запрете занимать определенные должности в государственных органах или органах местного самоуправления либо заниматься определенного рода деятельностью [6, с. 67]. В силу публичного характера службы лишение права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления влечет за собой утрату доверия к данному осужденному со стороны всего общества, ограничивает равный доступ к государственной службе. Лишение права заниматься профессиональной деятельностью прямо ограничивает только право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Лишение права заниматься иной деятельностью ограничивает общую правоспособность [2, с. 249].

Социальное назначение данного наказания заключается в защите и ограждении от недобросовестных лиц определенных интересов субъектов общественных отношений, связанных с реализацией конкретных видов деятельности и видов государственной службы и, как следствие, с возможностью использования виновным предоставленного ему права или определенной должности во благо себе за счет интересов других лиц или государства

или во вред им [4, с. 203–205]. Предполагается, что исполнение указанного наказания не позволит виновному совершить новое преступление, связанное с использованием конкретной должности или рода деятельности, что реализуется через определенный механизм воздействия на данную категорию лиц, предполагающий систему карательного воздействия. Лишив лицо права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, уголовное наказание предусматривает в некотором роде изоляцию общественно опасных свойств личности осужденного [4, с. 3; 5].

Из изложенного следует, что в систему ограничений и лишений данного наказания входят трудовые ограничения, состоящие в применяемых ограничениях субъекта в определенной сфере его деятельности и лишениях свобод, что проявляется в запретах устанавливаемых судом прав, например, права на управление транспортным средством. К ним необходимо добавить ограничения финансовые, являющиеся следствием трудовых ограничений, ограничения и лишения прав и свобод, морально-психологическое воздействие, предполагаемое самим фактом осуждения.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается на срок от 1 до 5 лет в качестве основного вида наказания и на срок от 6 месяцев до 3 лет в качестве дополнительного вида наказания. В специальных случаях, установленных в статьях Особенной части УК РФ, карательная строгость чрезвычайно увеличена, так как данный вид наказания предусматривается на срок до 20 лет в качестве дополнительного вида наказания, то есть фактически данное лишение становится для лица безусловным и имеет в ряде случаев пожизненный характер. При применении наказания в качестве дополнительного существуют особые правила исчисления этого вида наказания, которые состоят в том, что при назначении в качестве дополнительного к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, а также при условном осуждении его срок исчисляется с момента вступления приговора суда в законную силу. В случае назначения лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного вида наказания к наказаниям, связанным с изоляцией осужденных от общества, оно распространяется на все время отбывания данных основных видов наказаний, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия. Такое условие существенно повышает карательное воздействие рассматриваемого вида уголовного наказания.

В течение срока отбывания наказания устанавливается режим лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, который обеспечивается установленны-

ми условиями его отбывания. Во время установленного срока осужденному предписывается не нарушать установленные судом запреты в области замещения определенных должностей или занятия определенными видами деятельности. Однако средства обеспечения данных запретов представлены очень скромно: уголовно-исполнительная инспекция в случае выявления нарушения вправе лишь фактически продлить назначенный судом срок, каких-либо серьезных последствий в виде возможности замены на другой вид наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не предусматривает.

Данное обстоятельство наиболее актуально выглядит на фоне того факта, что самым распространенным запретом является лишение права управления транспортным средством в связи с совершением преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ. По нашим подсчетам, среди осужденных к данному наказанию более половины из числа состоящих на учете лишены права управления транспортным средством. При выявлении нарушения и его закреплении в материалах личного дела осужденного сотрудник контролирующего органа вправе лишь продлить назначенный судом срок наказания на период, равный установленному времени нарушения, то есть на данном конкретном примере один день управления транспортным средством влечет за собой продление срока на один день. Фактически происходит не привлечение к ответственности лица, нарушившего режим данного наказания, а приведение в соответствие сроков наказания, восполнение упущенного времени назначенного лишения.

Н. Н. Кулешова справедливо отмечает, что лишения, вытекающие из данного наказания, должны оказывать существенное психологическое влияние, а также ограничивать права и возможности виновного, способствовать очищению государственной службы от преступных элементов и росту ее престижа [4, с. 208].

Компетенция субъекта исполнения данного уголовного наказания при его реализации весьма условна при определении его как элемента карательного потенциала и может быть установлена только путем анализа практики его деятельности. Изучение личных дел осужденных данной категории совместно с проведением опроса и анкетирования сотрудников уголовно-исполнительных инспекций позволило установить, что нередко осужденные уклоняются от исполнения назначенного наказания, при этом сотрудники правоохранительных органов не могут предпринять адекватные меры в силу своей порой функциональной беспомощности (анкетирование и опрос были проведены в 13 субъектах Российской Федерации:

республики Бурятия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, г. Москва, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Липецкая, Московская, Нижегородская и Рязанская области. В них приняли участие 780 представителей суда, прокуратуры, правоохранительных органов и Минобороны России: 70 судей, 120 сотрудников прокуратуры, 420 сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, 95 сотрудников Федеральной службы судебных приставов, 20 сотрудников Минобороны России и 55 сотрудников МВД России).

Как показал опрос сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Центрального федерального округа, некоторые осужденные, лишённые права заниматься медицинской деятельностью, продолжают заниматься запрещенной деятельностью вне пределов мест проживания. Нередко осужденные выезжают в г. Москву, где функционирует огромное количество частных медицинских и фармацевтических организаций. В данных организациях осужденные могут работать вахтовым методом, например, 1 рабочая неделя через 1–3 нерабочие недели. При таких условиях сотрудникам инспекции выявить нарушение будет весьма сложно, а точнее, практически невозможно.

Существуют примеры и ограниченной компетенции уголовно-исполнительной инспекции, что оказывает влияние на качество исполнения уголовного наказания. Так, имеются примеры отказов в предоставлении информации, связанной с исполнением уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы, что мотивируется конфиденциальностью информации и отсутствием необходимых полномочий. Например, отделением Пенсионного фонда России по Владимирской области отказано в предоставлении уголовно-исполнительной инспекции информации о перечислениях денежных средств от физических и юридических лиц, позволяющей получить сведения о трудоустройстве осужденного [9]. Отметим, что подобные проблемы свойственны всем наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, исполняемым уголовно-исполнительными инспекциями.

В связи с этим восприятие виновным данного уголовного наказания, как минимум, в таких случаях находится на очень низком уровне. При анкетировании и опросе осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью мы установили, что 28 % опрошенных примененную меру не считают уголовным наказанием, при этом некоторые из них в устной беседе указали на осведомленность через третьих лиц о факте отсутствия возможности у уголовно-исполнительной инспекции адекватной реакции на допущенные нарушения.

Что касается личного отношения сотрудников субъекта исполнения назначенного наказания к осужденным, как и иных наказаний, исполняемых уголовно-

исполнительными инспекциями, то оно характеризуется относительно низким уровнем предвзятости, что также нашло подтверждение в ходе проведения анкетирования и опроса среди сотрудников инспекций и осужденных, контролируемых ими. Первые из них (89 %) признали, что субъективность присутствует практически всегда, что особенно свойственно в отношении тех из них, которые проживают в небольших городах и населенных пунктах, однако предвзятость к конкретным осужденным как фактор течения назначенного наказания, как правило, отрицается (98 %). На это косвенно указывает и положение дел с нагрузкой на одного сотрудника инспекции. В последние годы в связи с увеличением численности сотрудников произошло и сокращение средней нагрузки на одного сотрудника уголовно-исполнительной инспекции. Между тем еще несколько лет назад в некоторых инспекциях этот показатель составлял 120 осужденных [3, с. 14], а во многих инспекциях, например в Самарской области, средняя нагрузка составляла 212 осужденных на одного сотрудника, а в отдельных районах – до 260 осужденных в год [17, с. 37–39]. В таких условиях сотрудники инспекций успевали осуществлять только учет осужденных, на непосредственную работу, общение с осужденными оставался минимум времени. Например, даже если средняя нагрузка на одного сотрудника инспекции составляла 110 осужденных в год, на осуществление воспитательной работы с подучетными приходилось 40 минут на человека в год [1, с. 2–3], а с учетом возросшего уровня документооборота на работу с осужденным остается еще меньше времени. Следствием превышения норматива нагрузки на сотрудников инспекций часто являлось формальное осуществление контроля за осужденными, что способствовало совершению новых преступлений [16, с. 223]. В связи с

этим мы можем отметить значительную загруженность сотрудников данного органа, что затрудняет реализацию каких-либо субъективных амбиций при наличии таковых.

Следует также отметить, что в отличие от мест принудительной изоляции, где осужденные находятся в постоянном контакте с персоналом учреждения, осужденные без изоляции от общества проживают в домашних условиях и могут контактировать с сотрудником контролирующего органа лишь изредка, например, во время проверки сотрудником осужденного по месту проживания или работы, явки его в инспекцию и т. д. 16 % осужденных указали не просто на субъективность, а на предвзятость, при этом практически все из них (87 %) ранее нарушали условия отбывания назначенной меры уголовно-правового характера, что, в свою очередь, характеризует уровень их субъективизма при освещении данного аспекта.

Подводя итоги рассмотрению карательного содержания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, следует отметить выявленную необходимость пересмотра подходов к установлению его карательного содержания и реализации, в частности, режим данного наказания не проработан в достаточной степени, что находит подтверждение в рамках практической деятельности правоприменителей. Есть также вопросы к компетенции субъектов исполнения рассмотренного наказания, которая не соответствует возможностям решения поставленных перед ними задач. Заложив его неплохую идею, законодатель не предусмотрел достаточно эффективного механизма его реализации. Все это негативно отражается на субъективных факторах исполнения и отбывания рассмотренного наказания.

Список литературы

1. Байсаров Х. А. Сорок минут на перевоспитание? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 2–3.
2. Борисова О. В., Кафиатулина А. В. К вопросу о правовой природе лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 января 2015 г.). М., 2015. С. 248–251.
3. Интервью с заместителем директора ФСИН России В. И. Семенюком и начальником управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, ФСИН России Ф. В. Ручкиным // Преступление и наказание. 2008. № 4. С. 14–15.
4. Кулешова Н. Н. Дополнительные виды наказаний: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. 267 с.
5. Литвина Е. С. Наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью : автореф. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. 21 с.
6. Лядов Э. В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: отдельные вопросы правовой регламентации // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 66–69.
7. Лядов Э. В. Принудительные работы как вид уголовного наказания: реалии и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1. С. 98–101.
8. Наумов А. В. Содержание и пределы модернизации концепции наказания (в контексте истории и современности) // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 40–43.

9. Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Владимирской области. Ответ на запрос № 10/4563 от 8 июля 2015 г.
10. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2010 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837> (дата обращения: 10.02.2016).
11. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2011 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> (дата обращения: 10.02.2016).
12. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2012 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (дата обращения: 10.02.2016).
13. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2013 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 10.02.2016).
14. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2014 года. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 10.02.2016).
15. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2015 г. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 10.02.2016).
16. Расторопов С. В., Звонов А. В., Пичугин С. А. Условное осуждение: законодательная регламентация и практика применения : монография. М., 2013. 296 с.
17. Тарабрин А. Без лишения свободы // Преступление и наказание. 2004. № 8. С. 37–39.
18. Уткин В. А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовное наказание или мера безопасности? // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 58–61.

ANDREY VICTOROVICH ZVONOV,

phd in law,
candidate for a doctor's degree of the department
of educational research personnel training
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: zvonov_av@mail.ru

THE CONTENT OF THE CRIMINAL PENALTY IN THE FORM OF DEPRIVATION OF RIGHT TO HOLD SPECIFIC POSTS OR TO BE ENGAGED IN A CERTAIN ACTIVITY: A SHORT REVIEW

Abstract: the deprivation of the right to hold specific posts or to be engaged in a certain activity is included into group of the punishments which aren't connected with the imprisonment. It has no broad practice of realization in operation of courts (no more than 13 thousand cases a year), at the same time its application prevails as additional punishment .

At the heart of basic restrictions and deprivations of this criminal penalty lie those from them which are based on the Constitution and the federal legislation and are provided by the fact of the conviction.

Taking into account the content of this punishment it should be noted that the system of restrictions and deprivations of directly this criminal penalty consists in deprivations in the sphere of the labor relations that is shown in the measures applied to convicted persons in the form of the bans on certain spheres of their activity, and restrictions of freedoms, consisting in the deprivations of the rights established by court. The financial restrictions corresponding to labor deprivations and the moral and psychological impact on the convicted persons consisting in the conviction of his criminal behavior are in addition shown.

Despite a good basis of the considered criminal penalty, its regime defining an order and conditions of serving of this criminal penalty it is presented by poorly worked system of security means concerning the deprivations appointed by court. Such element as responsibility of condemned persons for the allowed violations of conditions of serving sentence, has only compensation character, that is is practi-

cally absent: at detection of violations the term established by court actually lasts within the period of violation of an order of serving sentence.

Besides, the competence of penal inspections as means of correction of a penalty of the considered punishment is very conditional that is caused by its restrictions connected with a legal status of the subject of execution of the punishment. It should be noted also strong functional load of staff of penal inspectorates that also negatively affects process of the realization of punishment in the form of deprivation of the right to hold specific posts or to be engaged in a certain activity.

The specified negative factors cause also subjective factors of execution and serving of deprivation of the right to hold specific posts or to be engaged in a certain activity: 28 % of the respondents who are condemned to this punishment don't consider it as a criminal penalty.

Key words: crime, conviction, criminal penalty, deprivation of the right to hold specific posts or to be engaged in a certain activity, system of restrictions and deprivations, the regime of criminal penalty, competence of the subject of execution of the punishment, penal inspection, subjective factors, the employee, the convict.

References

1. Baisarov H. A. Sorok minut na perevospitanie? [Forty minutes for reeducation?]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Bulletin of criminal-executive system*, 2008, no. 4, pp. 2–3.
2. Borisova O. V., Kafiatulina A. V. K voprosu o pravovoj prirode lishenija prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju [On the question of the legal nature of the deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities]. *Materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Ugolovnoe pravo: strategija razvitiya v XXI veke» [Materials of the VII International scientific and practical conference «Criminal law: Development Strategy in the XXI century»]*. Moscow, 29–30 January, 2015, pp. 248–251.
3. Interv'ju s zamestitelem direktora FSIN Rossii V. I. Semenjukom i nachal'nikom upravlenija ispolnenija nakazanij, ne svjazannyh s lisheniem svobody FSIN Rossii F. V. Ruchkinym [Interview with the Deputy Director of the Federal penitentiary service of Russia, Semeniuk V. I. and the head of Department of execution of punishments, not connected with imprisonment of the Federal penitentiary service of Russia Ruchkin F. V.]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment*, 2008, no. 4, pp. 14–15.
4. Kuleshova N. N. *Dopolnitel'nye vidy nakazanij: ugolovno-pravovoj i ugolovno-ispolnitel'nyj aspekty*. Diss. kand. jurid. nauk [Additional types of punishments: legal and executive aspects. Cand. legal sci. diss.]. Ryazan, 2006. 267 p.
5. Litvinova E. S. *Nakazanie v vide lishenija prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju*. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk [Punishment in the form of deprivation of right to occupy certain positions or engage in certain activities. Cand. legal sci. diss. abstract]. Tomsk, 2003. 21 p.
6. Lyadov E. V. *Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju: otdel'nye voprosy pravovoj reglamentacii* [Deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: some issues of legal regulation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2012, no. 3, pp. 66–69.
7. Lyadov E. V. *Prinuditel'nye raboty kak vid ugolovnogo nakazaniya: realii i perspektivy* [Forced labor as a form of criminal punishment: realities and prospects]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 1, pp. 98–101.
8. Naumov A. V. *Soderzhanie i predely modernizacii koncepcii nakazaniya (v kontekste istorii i sovremennosti)* [The content and the limits of modernization of the concept of punishment (in the context of history and modernity)]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 3, pp. 40–43.
9. The office of the Pension Fund of the Russian Federation for the Vladimir region. Response to request № 10/4563 on 08.07.2015. Unpublished.
10. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2010. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=837> (Accessed 10 February 2016).
11. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2011. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1272> (Accessed 10 February 2016).
12. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2012. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776> (Accessed 10 February 2016).
13. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2013. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (Accessed 10 February 2016).

14. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2014. Available at : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (Accessed 10 February 2016).
15. A report on the numbers of prosecuted and types of criminal punishment during the 12 months of 2015. Available a t: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (Accessed 25 April 2016).
16. Rastoropov S. V., Zvonov A. V., Pichugin S. A. Uslovnoe osuzhdenie: zakonodatel'naja reglamentacija i praktika primeneniya [Probation: legislative regulation and practice]. Moscow, 2013. 296 p.
17. Tarabrin A. Bez lisheniya svobody [Without deprivation of liberty]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2004, no. 8, pp. 37–39.
18. Utkin V. A. Lishenie prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sja opredelennoj dejatel'nost'ju: ugovnoe nakazanie ili mera bezopasnosti? [Deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: criminal penalty or security measure?]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2013, no. 3, pp. 58–61.

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела
(Академия ФСИН России),
e-mail: editor62@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реферат: в статье рассматривается взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений в процессе раскрытия и расследования преступлений. Взаимодействие как деятельность строго процессуальная не должно носить эпизодический характер, а осуществляться на постоянной основе, пока не будет успешно раскрыто и расследовано преступление и установлено лицо, его совершившее.

Ключевые слова: согласованность планирования, взаимная информация, следственно-оперативная группа, совместное производство следственных и розыскных мероприятий.

Вопросы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов органов внутренних дел в борьбе с преступностью в современных условиях приобретают особую актуальность. Раскрыть и расследовать преступления теневой экономики, организованных преступных групп только средствами уголовно-процессуального характера невозможно, для этого в обязательном порядке должны быть использованы комплексно-процессуальные средства и оперативно-розыскные меры.

Правовой основой взаимодействия следователя с оперативно-розыскными аппаратами является уголовно-процессуальное законодательство, а также приказы, уставы, другие подзаконные акты МВД России, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Сущность взаимодействия проявляется в соединении усилий следователя и оперативного работника в период раскрытия преступления, в согласованности их действий при строжайшем соблюдении законности.

Необходимость во взаимодействии возникает не по всем делам, а лишь в тех случаях, когда требуется сочетание совместных действий следователя и оперативного работника, а именно: при выездах на осмотр места происшествия, в том числе при раскрытии преступлений по горячим следам; при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по оперативным материалам; после возбуждения уголовного дела, расследование которого отнесено к компетенции следователя; в следственно-оперативных группах, создаваемых для расследования сложных дел и дел о преступлениях прошлых лет.

Условиями, обеспечивающими эффективность взаимодействия, являются: соблюдение всеми участниками взаимодействия законности, разделение компетенции следователя и оперативного работника, вытекающее из специфики их деятельности; комплексное использование сил и средств, имеющихся в распоряжении следователя и оперативного работника; организующая и руководящая роль следователя; процессуальная самостоятельность следователя; самостоятельность оперативного работника в выборе средств и тактических приемов осуществления оперативно-розыскных и организационных мероприятий; неразглашение данных предварительного следствия, а также сведений, полученных оперативным путем; поддержание атмосферы сотрудничества и взаимной помощи.

Инициатива во взаимодействии должна исходить при возбуждении уголовного дела, выявлении новых эпизодов и соучастников преступления по данным, полученным в результате оперативно-розыскной деятельности, – от работников уголовного розыска и БЭП; при выезде на место происшествия – от дежурной части; по неочевидным преступлениям – от работников уголовного розыска и БЭП; после возбуждения уголовного дела и на протяжении производства предварительного следствия – от следователя.

Наиболее типичными формами взаимодействия являются: согласованное планирование; совместное производство следственных и розыскных действий; поручения и указания следователя оперативному работнику; взаимный обмен информацией.

Согласованное планирование заключается в составлении следователем с участием оперативного

работника плана проведения неотложных следственных действий или расследования по делу. Оперативный работник самостоятельно составляет план оперативно-розыскных мероприятий, которые после возбуждения уголовного дела осуществляются по согласованию со следователем.

Выдвижение версий и разработка плана мероприятий определяют уровень организации раскрытия и расследования преступлений, качество взаимодействия следствия и других служб органов внутренних дел. До недавнего времени практика согласованного планирования, как правило, включала в работу по раскрытию преступлений следователя, оперуполномоченного уголовного розыска и иногда участкового инспектора. Другие службы органов внутренних дел нередко устранились, что сводило на нет принцип комплексного использования сил и средств в раскрытии и расследовании преступлений. Необходимо шире и чаще планировать следственные и оперативно-розыскные мероприятия межрегионального характера, не ограничиваясь рамками одного района (города), особенно по разоблачению преступников-гастролеров и раскрытию тяжких преступлений. Ограничение работы по раскрытию преступлений в рамках одного района (города), области нередко тормозит установление и задержание преступников.

План должен быть предельно прост, но в то же время содержать в краткой и наглядной форме всю необходимую информацию об обстоятельствах дела, объеме предстоящей работы, намечаемых и выполненных мероприятиях. Форма плана должна быть удобна для его дополнений и возможных изменений.

План по сложным, многоэпизодным, групповым делам целесообразно составлять из нескольких разделов.

1. Общие сведения по делу.
2. План-карточка на каждый эпизод или версию.
3. План-шахматка в виде таблицы (например, по вертикали фамилии или другие данные расхитителей и иных лиц, причастных к хищениям, а по горизонтали – перечень выявленных преступлений).
4. Графическая схема преступных связей. Если по делу привлечено человек 30 из числа участников хищений и выявлено 70–90 эпизодов, то лучше и проще использовать «шахматку», поскольку графическая схема будет чрезмерно громоздкой и сложной.
5. Карточка на лицо, в которой в хронологическом порядке перечисляются совершенные преступления, сведения об ущербе, соучастниках и иные данные.
6. Таблица выполнения основных процессуальных действий.
7. Сводная таблица характеризующего материала, в которой по вертикали перечисляются фамилии

и основные данные лиц, причастных к расследуемым преступлениям, а по горизонтали – отметки о материалах и документах, подтверждающих личность (эту таблицу можно совместить с предыдущей).

8. Таблица по причиненному и возмещенному ущербу, где по вертикали располагаются фамилии, а по горизонтали – сведения о причиненном и возмещенном ущербе.

Для определения примерных затрат времени на расследование уголовного дела в целом или группы эпизодов можно рекомендовать составление таблицы затрат времени, сетевых графиков. Однако метод сетевого планирования эффективен, когда выявлены существенные обстоятельства дела и лица, совершившие преступления.

В следственно-оперативной группе план составляет ее руководитель. Он определяет направления расследования и составляет общий план, не сковывая при этом инициативу других членов групп, а лишь контролируя ее. При расследовании громоздких дел может быть выделен отдельный сотрудник для технического оформления и корректирования плана.

В целом план корректируется руководителем группы, при этом руководитель не должен превращаться в диспетчера, ему необходимо, как более опытному, самому расследовать сложные направления и одновременно контролировать и определять деятельность других.

Следственные поручения. Уголовно-процессуальный закон требует, чтобы поручения следователя доводились до сведения органов дознания в письменном виде. На практике имеет место дача устных поручений.

Нередко оперативные работники отрицательно относятся к письменной форме поручения, видя в ней определенное недоверие со стороны следователя и проявление формализма.

Письменная форма поручения позволяет четко изложить его содержание, указать, какие следственные и розыскные действия должны быть проведены, дать необходимую информацию для исполнителя, а также не оставляет места для последующих кривотолков и недоумений относительно содержания поручений, позволяет протоколировать качество и сроки его исполнения.

Одновременно с дачей письменного поручения следователь должен вступать в устный контакт с оперативным работником, разъясняя ему содержание поручения и необходимость его исполнения для расследуемого уголовного дела.

Следователь предотвратит возможность неверного отношения к поручению, данному в письменной форме, если напомним оперативному работнику о требовании уголовно-процессуального закона к форме поручения и укажет, что в материалах уго-

ловного дела необходимо иметь письменный документ для последующего правильного процессуального оформления результатов взаимодействия.

Устная форма поручения возможна в следующих случаях: когда появится необходимость в ранее направленное органу дознания поручение внести дополнения, уточнения или какие-либо новые тактические рекомендации; если необходимо полностью или частично отменить ранее данное поручение; при работе следователя и оперативного работника в одной следственно-оперативной группе.

Определенные требования должны применяться к стилю поручения: совершенно неуместны приказные выражения, обычно не способствующие установлению отношений сотрудничества и взаимопонимания. Недопустимы они и по другой причине: во взаимодействие вступают два процессуально и организационно независимых органа – следователь и орган дознания, поэтому письменная форма обращения следователя к оперативному работнику должна быть только одна: «прошу».

В поручении следователя могут содержаться определенные указания о тактике выполнения того или иного следственного и розыскного действия. Естественно, что и в этом случае указания необходимо давать в форме совета, рекомендации. Письменное поручение должно быть написано хорошим литературным языком, быть понятным. Следует использовать только общепринятые юридические термины, не употреблять слов и выражений, допускающих двусмысленное толкование. Только в этом случае оно может быть понято правильно, доброкачественно и в срок выполнено.

Практика свидетельствует о том, что если в поручении следователя конкретно указано, какие следственные и розыскные действия необходимо совершить, определены их объем, место, время и другие необходимые для исполнения поручения данные, то все это эффективно способствует формированию делового, добросовестного отношения оперативного работника к поручению следователя. Если же поручение носит самый общий характер (например, в нем указывается только на необходимость принятия мер к раскрытию преступления или установлению преступника, скрывающегося от органов следствия), оно чаще всего остается без фактического исполнения и следователь получает формальную отписку. Такого рода общие поручения следователи нередко дают по приостановленным делам. Исполнение их порождает ряд дополнительных трудностей для оперативного работника. По существу оперативного работника заставляют самостоятельно определять круг лиц, среди которых следует искать преступника, и самому намечать необходимые следственные и розыскные действия. Неконкретность поставленных

вопросов формирует у оперативного работника негативное отношение к поручению следователя.

Уголовно-процессуальный закон не указывает, производство каких следственных действий следователь может поручить органу дознанию. Однако следователь, по нашему мнению, не должен поручать органу дознанию те следственные действия, которые связаны с необходимостью принимать по делу процессуальные решения и оценивать доказательства, то есть производить следственные действия, составляющие исключительную компетенцию следователя (например, назначение экспертизы); требуют от оперативного работника достаточно глубокого и полного знания материалов уголовного дела, объема доказательств; могут оказаться особо важными и неповторимыми (например, предъявление для опознания, следственный эксперимент); требуют от оперативного работника хорошего знания тактики следственных действий и достаточного опыта их производства, которыми он может не располагать.

Если оперативный работник видит, что производство тех следственных действий, о которых идет речь в поручении, выходит за пределы его компетенции, то он должен поставить в известность следователя об отзыве поручения.

Представляется, что поручения следователя оперативным работникам могут даваться главным образом для производства таких следственных действий, которые тесно связаны с реализацией оперативных данных, например, задержание, выемка.

Привлечение оперативного работника может иметь место в таких случаях, когда обстоятельствам дела требуется одновременное проведение ряда однородных следственных действий (допросы свидетелей, обыски), которые следователь один выполнить не может.

Взаимный обмен информацией. Необходимым элементом согласованной деятельности следователя и органа дознания при расследовании преступлений является систематический обмен информацией. К информации и ее использованию предъявляются следующие требования: она должна быть взаимной, полезной и по возможности точной; предоставлена в требуемой форме; использоваться с учетом мнения участника взаимодействия, от которого исходит; результаты использования информации должны быть сообщены участнику взаимодействия, от которого она поступила.

На практике нередко следователи понимают обмен информацией как обязанность оперативных работников поставлять требуемые сведения, необходимые для расследования, не считая нужным своевременно сообщать последним информацию, получаемую при производстве следственных действий. Такую практику нельзя назвать правильной.

Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов как деятельность строго процессуальная должно носить не эпизодический характер, как это нередко бывает на практике, а быть постоянно действующим, пока не будет успешно раскрыто и расследовано преступление и установлено лицо, его совершившее. Правильно организованное взаимодействие должно отвечать следующим принципам:

- строгое соблюдение уголовно-процессуального закона и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;
- сохранение за следователем руководящей роли. Только он в конечном итоге отвечает за своевременное и качественное раскрытие и расследование преступления, а также за доказанность виновности обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении;
- совместное планирование всех предстоящих процессуальных и оперативно-розыскных действий;
- взаимный обмен полной доверительной информацией следователя и сотрудника оперативно-розыскного органа о ходе и результатах выполнения процессуальных и оперативно-розыскных действий;
- целеустремленность в достижении поставленной цели;
- высокий профессионализм и компетентность при выполнении своего служебного долга;
- самокритичность в оценке результатов своей работы;
- правильно организованный, эффективный прокурорский надзор за соблюдением закона и процессуальных норм как в следственной, так и в оперативно-розыскной деятельности.

Успешное раскрытие и расследование преступлений в значительной мере зависит от правильно организованной оперативно-розыскной деятельности.

Сотрудники оперативно-розыскных органов, или, как они себя называют, сыщики, часто сетуют на то, что их инициативу и находчивость при работе в неординарных обстоятельствах сковывают строгие, порой обременительные процессуальные рамки, содержащиеся в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности». Руководствуясь его требованиями, в ряде случаев они избегают применять в сложных ситуациях не предусмотренные Законом тактические приемы, опасаясь преступить грань дозволенного, тем самым упуская реальные возможности для успешного раскрытия преступления и установления лица, его совершившего.

Практика идет впереди законодательства и теоретических концепций, поэтому не следует сковывать инициативу штатных и нештатных сотрудников оперативно-розыскных органов в применении тактических приемов и средств в раскрытии и расследовании преступлений. Здесь должен соблюдаться единственный критерий – не допустить угрозы жизни и здоровью граждан, нарушения или ограничения их конституционных гарантий.

Взаимодействуя со следователем, сотрудник оперативно-розыскных органов не должен подменять его, так как в своей работе они не должны дублировать друг друга, а стремиться к тому, чтобы помогать друг другу и помнить, что в одиночку раскрыть и расследовать преступление, особенно совершенное в условиях неочевидности, невозможно.

VASILY VASILYEVICH FOMIN,
 phd in law,
 leading researcher, research department,
 (Academy of the FPS of Russia),
 e-mail: editor62@yandex.ru

INTERACTION OF INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL SEARCH DIVISIONS IN CASE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract: in this article the relevance of interaction of investigative and operational search divisions in the course of disclosure and investigation of crimes is considered. The interaction as activities strictly procedural does not have incidental character, and is performed on a fixed basis, yet will not the crime is successfully solved and investigated and the person which made it is identified.

Key words: coordination of planning, mutual information, operational-investigations group, coproduction of investigative and search actions

АЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА ХАРЛАМОВА,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
(Уральский юридический институт МВД России),
e-mail: up-kafedra@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА ПОГАШЕНИЯ СУДИМОСТИ ПРИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ

Реферат: в статье анализируются проблемы исчисления срока погашения судимости при условно-досрочном освобождении. Положение ч. 4 ст. 86 УК РФ требует производить расчет «исходя из фактически отбытого срока наказания». Однако реализовать такой порядок расчета не представляется возможным, так как ни один из сроков погашения судимости, установленных в ст. 86 УК РФ, не привязан к сроку наказания, назначенного или отбытого. В связи с этим судебные органы при определении срока погашения судимости вынуждены ориентироваться только на категорию совершенного преступления. Несовершенство уголовно-правовой нормы нередко приводит к ошибкам в ее применении и существенному нарушению прав и законных интересов граждан, в связи с чем предлагается в ч. 4 ст. 86 УК РФ формулировку «исходя из фактически отбытого срока наказания» заменить фразой «исходя из категории совершенного преступления».

На основе анализа нормативных актов и судебной практики разрешается вопрос о том, что считать моментом освобождения: день, когда осужденный покинул исправительное учреждение, или день вынесения постановления об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Закон требует от суда незамедлительно направлять копию постановления об условно-досрочном освобождении в учреждение по месту отбывания наказания. Фактическое содержание осужденного до момента его поступления не должно влиять на исчисление сроков погашения судимости и ухудшать положение лица. Кроме того, судебные органы отсчитывают неотбытую часть наказания со дня, следующего за днем вынесения решения. Следовательно, при исчислении срока погашения судимости необходимо ориентироваться на день вынесения постановления об условно-досрочном освобождении от наказания.

Ключевые слова: погашение судимости, условно-досрочное освобождение, фактически отбытый срок, момент освобождения от отбывания наказания.

Статья 86 УК РФ регулирует вопросы погашения и снятия судимости. В случаях, когда лицу назначено наказание в виде лишения свободы и не применено условное осуждение, срок погашения судимости зависит от категории совершенного преступления. Несудимым лицо будет считаться по истечении трех лет после отбытия наказания за преступление небольшой или средней тяжести; по истечении восьми лет – за тяжкое преступление; по истечении десяти лет – за особо тяжкое преступление.

Если осужденный полностью отбывает назначенный срок лишения свободы, то сложностей с расчетом даты, когда судимость будет погашена, как правило, не возникает. Однако подавляющее большинство отбывающих наказание ходатайствуют перед судом об условно-досрочном освобождении или о замене неотбытой части наказания более мягким видом. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Фе-

дерации в 2010 г. было удовлетворено 118 625 ходатайств об условно-досрочном освобождении, 2011 – 107 545, 2012 – 89 907, 2013 – 65 237, 2014 – 54 504, в 2015 г. – 46 331. Неотбытый срок лишения свободы был заменен более мягким наказанием в 2010 г. 5 054 осужденным, в 2011 – 6 094, 2012 – 6 807, 2013 – 5 782, 2014 – 6 523, в 2015 г. – 7 817 [1].

Часть 4 ст. 86 УК РФ указывает, что «если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания или неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний». Данное положение вызывает массу сложностей у правоприменителей.

Формулировка «в установленном порядке досрочно освобожден от отбывания наказания»

создает неопределенность в видах освобождения, о которых идет речь. Принимая во внимание, что в ч. 2 ст. 86 УК РФ говорится о лицах, освобожденных от наказания, то ч. 4 ст. 86 УК РФ, по всей видимости, распространяется на лиц, которые освобождены от наказания уже после отбытия хотя бы его части, например, в случаях условно-досрочного освобождения, освобождения от наказания актом об амнистии или помилования, освобождения от наказания в связи с болезнью или по другим предусмотренным законом основаниям. Некоторые из оснований освобождения от наказания могут быть применены как при вынесении приговора, так и после, что влечет за собой разные правовые последствия. В первом случае лицо будет считаться несудимым, а во втором – для погашения судимости потребуется от одного года до десяти лет.

Еще больше сложностей создает фраза «исходя из фактически отбытого срока наказания». «Исходя из» – это предлог, который употребляется при указании на основу, основание совершения какого-либо действия и соответствует по значению словам «на основании чего-либо», «на основе чего-либо» [2, с. 813]. Если толковать норму буквально, при исчислении срока судимости необходимо ориентироваться на фактически отбытый срок. Однако каким образом его необходимо принимать во внимание и на что он должен повлиять, ни в уголовном законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не разъясняется.

Допустим, что лицо, осужденное за тяжкое преступление к семи годам лишения свободы, после отбытия пяти лет было условно-досрочно освобождено. Предположим, что правоприменитель должен соотносить этот отбытый пятилетний срок со сроком, положенным в основу деления преступлений на категории, и ориентироваться на срок судимости, установленный для определенной таким образом категории преступления. При применении этого подхода получится, что отбытый пятилетний срок соответствует сроку максимального наказания, предусмотренного за совершение преступления средней тяжести, и срок погашения судимости должен составить три года. Однако представляется сомнительным отождествлять максимальный срок, установленный в санкции статьи, и срок, фактически отбытый осужденным, ведь когда осужденный отбывает наказание полностью, срок судимости не зависит от того, какой срок был назначен судом.

Если ориентироваться на категорию совершенного преступления, а не на фактически отбытый срок, то срок погашения судимости при условно-досрочном освобождении, как и в случае полного отбытия наказания, составит восемь лет. Тогда

фактически отбытый срок будет приниматься во внимание только как необходимое основание для подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении, но никаким образом не будет влиять на срок погашения судимости. Однако именно этот порядок расчета срока погашения судимости, по всей видимости, считает верным Верховный Суд РФ.

Так, приговором Воронежского областного суда от 25 января 2013 г. М. был осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 166 УК РФ на 2 года; по п. «в» ч. 4 п. ст. 162 УК РФ – на 10 лет со штрафом в размере 200 000 рублей; по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ – на 15 лет с ограничением свободы на 2 года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний было назначено 16 лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на 2 года со штрафом в размере 200 000 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор, указав, что М. был осужден 17 ноября 2000 г. по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ (особо тяжкое преступление) к 8 годам лишения свободы (освобожден условно-досрочно 23 ноября 2004 г. на 2 года 26 дней) и на момент совершения преступлений предыдущая судимость за особо тяжкое преступление не была снята или погашена [3].

Если бы суд принял во внимание фактически отбытый срок – 5 лет 11 месяцев 4 дня и, соотнеся его со сроком, положенным в основу при категоризации преступлений, взял для расчетов срок судимости, предусмотренный для тяжких преступлений (на тот момент шесть лет), то 23 ноября 2010 г. судимость М. была бы погашена. Если же взять за основу срок погашения судимости, который предусмотрен для особо тяжких преступлений (на тот момент восемь лет), то судимость М. за первое преступление была погашена только 23 ноября 2012 г. и еще имела место на момент совершения преступления.

Аналогичный порядок расчета используют и другие судебные инстанции.

Так, рассматривая уголовное дело по надзорной жалобе осужденного В. о пересмотре приговора Хорошевского районного суда г. Москвы от 17 февраля 2009 г. и кассационного определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 25 марта 2009 г., Президиум Московского городского суда указал следующее: «Согласно имеющейся в материалах уголовного дела копии справки об освобождении В. освобожден 13 мая 2003 г. Таким образом, срок погашения судимости В. исчисляется с указанной даты и приходится, с учетом того, что преступле-

ние, за которое он осужден по предыдущему приговору, относится к категории тяжких, – на 13 мая 2009 г.» [4].

Президиум Омского областного суда при рассмотрении уголовного дела в надзорном порядке изменил приговор районного суда Омской области от 21 декабря 2010 г. в связи с неверным определением вида рецидива. В обосновании своего решения Президиум указал, что «согласно материалам дела С. ранее судим приговором от 13 ноября 2000 г. за совершение тяжкого преступления, поэтому в силу п. «г» ч. 3 ст. 86 УК РФ срок погашения судимости по данному приговору составляет 6 лет. С. был освобожден 6 августа 2004 г. условно-досрочно на 1 год 9 месяцев 28 дней. На основании ч. 4 ст. 86 УК РФ срок погашения судимости при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания исчисляется со дня фактического освобождения осужденного. Судимость С. по приговору от 13 ноября 2000 г. погашена 6 августа 2010 г.» [5].

Во всех приведенных случаях суды не принимали во внимание фактически отбытый срок и ориентировались только на категорию преступления. Более того, такая практика является повсеместной. В процессе исследования мы не встретили ни одного решения суда, где был бы использован фактически отбытый срок при расчетах срока погашения судимости.

Формулировка «исходя из фактически отбытого срока наказания», по всей видимости, была заимствована из Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., ст. 57 которого устанавливала сроки погашения судимости в зависимости от срока назначенного наказания. Так, лицо, осужденное к лишению свободы на срок до трех лет, считалось несудимым по истечении трех лет со дня отбытия наказания; лицо, осужденное к лишению свободы на срок свыше трех до шести лет, – по истечении пяти лет; лицо, осужденное к лишению свободы на срок свыше шести до десяти лет, – по истечении восьми лет; лицо, осужденное к лишению свободы на срок свыше десяти лет, – по истечении восьми лет. Вполне логично из этого вытекало положение о том, что если лицо было досрочно освобождено от наказания, то срок судимости исчислялся исходя из фактически отбытого срока наказания.

Допустим, лицо было признано виновным в совершении разбоя без отягчающих обстоятельств (ст. 146 УК РСФСР) и приговорено к наказанию в виде лишения свободы сроком на семь лет. Срок погашения судимости согласно положениям УК РСФСР 1960 г. составил бы восемь лет. Однако если бы это лицо было условно-досрочно освобождено после фактического отбытия пяти лет лишения свободы, то срок погашения судимости, исчисленный из фактически отбытого срока, снизился бы до пяти лет.

Так, приговором Курагинского районного суда К. был осужден по п. «в» ч. 2 ст. 131 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ к 8 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Преступления им были совершены 10 июля 2005 г. Снижая назначенный осужденному срок наказания и изменяя место отбывания наказания, суд надзорной инстанции указал: «По приговору от 17 мая 1995 г. К. был осужден по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР к 7 годам лишения свободы, освобожден он из мест лишения свободы условно-досрочно 14 сентября 1999 г. на 1 год 7 месяцев 14 дней, а поэтому срок погашения судимости должен исчисляться из фактически отбытых им 5 лет 4 месяцев 16 дней и согласно п. 6 ч. 1 ст. 57 УК РСФСР составлять 5 лет, в связи с чем данная судимость считается погашенной 14 октября 2004 г. и аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью» [6].

По другому уголовному делу 1 июня 1993 г. М. был осужден к 7 годам 4 месяцам лишения свободы и условно-досрочно освобожден 15 июля 1998 г. на неотбытый срок 1 год 8 месяцев 28 дней. Рассматривая дело в порядке надзора, Президиум Московского областного суда отметил, что срок наказания, отбытый М., составил 4 года 7 месяцев 2 дня. Срок погашения судимости надлежит исчислять исходя из п. 6 ч. 1 ст. 57 УК РСФСР, предусматривающего пятилетний срок для погашения судимости. Таким образом, на момент совершения новых преступлений судимость М. по приговору от 1 июня 1993 г. была погашена 15 июля 2003 г. [7].

Таким образом, в УК РСФСР 1960 г. при исчислении сроков погашения судимости как при условно-досрочном освобождении, так и при его отсутствии за основу были взяты сроки наказаний: в одних случаях назначенные, а в других – отбытые. Действующий порядок исчисления со сроком наказания не связан. Положение ч. 4 ст. 86 УК РФ непонятно правоприменительно, в качестве которого нередко выступают не только сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, но и иные лица. Представляется целесообразным формулировку «исходя из фактически отбытого срока наказания» заменить фразой «исходя из категории совершенного преступления».

Несовершенство уголовно-правовой нормы часто приводит к ее неправильному применению и к существенному нарушению прав и законных интересов граждан. В зависимости от категории, формы вины и объекта совершенного преступления, а также от вида отбытого наказания лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость, могут быть ограничены в допуске к различным видам трудовой или служебной деятельности, к отдельным видам информации, в возможности получить

определенный правовой статус или владеть определенными предметами.

Так, К. был осужден приговором Череповецкого городского суда от 28 сентября 1999 г. по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы. Постановлением Шекснинского районного суда от 16 ноября 2006 г. К. освобожден условно-досрочно сроком на 2 года 7 месяцев 8 дней, фактически освобожден из мест лишения свободы 20 ноября 2006 г. В связи с тем что К. более двух раз в течение года был привлечен к административной ответственности за нарушение общественного порядка, начальник второго отдела полиции УМВД России по г. Череповцу обратился в суд с заявлением об установлении административного надзора. Решением Череповецкого городского суда от 26 января 2012 г. в отношении К. был установлен административный надзор до срока погашения судимости – до 20 ноября 2012 г. Вологодский областной суд пришел к выводу о том, что срок погашения судимости был исчислен неверно и в силу п. 1 ч. 1 и п. 2 ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» суду следовало установить в отношении К. административный надзор сроком на 2 года (не более 2 лет 8 месяцев 14 дней), исчисляемый со дня вступления решения суда в законную силу [8].

При исчислении срока погашения судимости довольно часто возникает вопрос о том, что считать моментом освобождения: день вынесения постановления или день, когда осужденный покинул исправительное учреждение?

Так, Я. был осужден Добровским районным судом 19 июля 2006 г. по ч. 1 ст. 111 УК РФ к 2 годам 2 месяцам лишения свободы и освобожден условно-досрочно 11 октября 2007 г. по постановлению Правобережного районного суда от 27 сентября 2007 г. Соглашаясь с доводами об отсутствии в действиях Я. опасного рецидива преступлений, судебная коллегия по уголовным делам Липецкого областного суда указала: «Поскольку на момент совершения преступления 22 декабря 2013 г. судимость за совершение Я. тяжкого преступления была погашена 11 октября 2013 г., то в его действиях не имеется рецидива преступлений» [9].

Суд в качестве ориентира для расчетов избрал день фактического освобождения, а не день вынесения постановления.

Список литературы

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 13.06.2016).

2. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / сост. Т. Ф. Ефремова. М., 2005. Т. 1: А–Л. 1168 с.

С. был осужден по приговору от 14 октября 2002 г. за преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228 УК РФ, ч. 1 ст. 228 УК РФ, к 2 годам 7 месяцам лишения свободы. 30 августа 2004 г. он был освобожден условно-досрочно на 8 месяцев 24 дня по постановлению суда от 19 августа 2004 г. Новое преступление С. совершил 28 августа 2007 г. Президиум Алтайского краевого суда пояснил, что «...в соответствии с п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ срок погашения судимости за преступление средней тяжести составляет 3 года. Таким образом, к моменту совершения нового преступления предыдущая судимость по приговору от 14 октября 2002 г. была погашена. Исходя из того, что закон требует от суда незамедлительно направлять копию постановления об условно-досрочном освобождении в учреждение по месту отбывания наказания, а ч. 5 ст. 173 УИК РФ предписывает администрации учреждения освобождать лиц в день поступления соответствующих документов и не позднее утра следующего дня, фактическое содержание С. под стражей до 30 августа 2004 г. не может влиять на исчисление сроков погашения судимости и ухудшать положение осужденного» [10]. Именно этот подход необходимо признать правильным, тем более что при вынесении постановления об условно-досрочном освобождении суды не указывают какой-либо даты, с которой необходимо считать осужденного освобожденным.

Так, постановлением Краснотурьинского городского суда Свердловской области от 19 января 2011 г. В. был условно-досрочно освобожден на 2 года 9 месяцев 12 дней. Согласно материалам дела, В. был осужден к 12 годам лишения свободы приговором Верхотурского районного суда от 5 марта 2002 г., срок отбывания наказания начал исчисляться со 2 ноября 2001 г. [11].

Исходя из изложенного можно прийти к выводу о том, что срок, на который осужденный досрочно освобожден, судьи начинают исчислять со дня, следующего за днем вынесения постановления [12, 13].

Как и любое другое решение суда, постановление вступает в силу после истечения 10 дней со дня его вынесения. Однако испытательный срок при условном осуждении исчисляется с момента вступления приговора в законную силу, но время, прошедшее со дня провозглашения приговора, в него засчитывается. Полагаем, что подобным образом необходимо исчислять и сроки погашения судимости.

3. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 2013 г. по делу № 14-АПУ13-11. URL : <http://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.06.2016).
4. Постановление Президиума Московского городского суда от 23 сентября 2011 г. по делу № 44у-229/11. URL : <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 15.06.2016).
5. Постановление Президиума Омского областного суда от 6 июня 2011 г. по делу № 44-У-307. URL : <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 15.06.2016).
6. Обзор кассационной и надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда за 6 месяцев 2009 г. URL : <http://kraevoy.krk.sudrf.ru> (дата обращения: 18.06.2016).
7. Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2012 года. URL : <http://www.mosobsud.ru/> (дата обращения: 18.06.2016).
8. Обобщение практики рассмотрения районными (городскими) судами Вологодской области гражданских дел об установлении административного надзора. URL : <http://oblsud.vld.sudrf.ru/> (дата обращения: 18.06.2016).
9. Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда (второй квартал 2014 г.). URL : <http://oblsud.lpk.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.06.2016).
10. Судебная практика по уголовным делам Алтайского краевого суда за III квартал 2010 г. URL : <http://base.garant.ru/> (дата обращения: 19.06.2016).
11. Постановление Красногвардейского городского суда Свердловской области от 19 января 2011 г. по делу № 4/1-50/2011. URL : <http://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.06.2016).
12. Постановление Медвежьегорского районного суда Республики Карелия от 25 июня 2010 г. по делу № 3-1-23/2010. URL : <http://medvezhegorsky.kar.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.06.2016).
13. Постановление Стародубского районного суда Брянской области от 6 июля 2012 г. по делу № 4/1-144/2012. URL : <http://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.06.2016).

ALYONA ALEKSEEVNA HARLAMOVA,

phd in law,

associate professor, criminal law department

(Ural law institute of the Ministry of the interior of Russia),

e-mail: up-kafedra@mail.ru

ISSUES OF CALCULATION THE DATE OF CANCELLATION OF CONVICTION IN CASE OF PAROLE

Abstract: in this article problems of calculation the date of cancelation of conviction in case of parole are analyzed. The provision of the p. 4 of Art. 86 of the Criminal Code of Russian Federation requires to make calculation «proceeding from actually served punishment sentence». However it is impossible because conviction repayment periods in the criminal code of Russian Federation are not connected with the term of the imposed or served sentence. Judicial authorities are forced to be guided only by category of the committed crime. As imperfection of the criminal precept of law often leads to mistakes in its application and to fundamental breach of the rights and legitimate interests of citizens, it is necessary in the p. 4 of Art. 86 of the Criminal Code of Russian Federation the formulation «proceeding from actually served punishment sentence» to replace with the phrase «proceeding from category of the committed crime».

The law demands from court without delay to send the copy of the resolution on parole to organization in the place of serving sentence. The actual content of the convict until his receipt shall not influence calculation of repayment periods of a criminal record and worsen a situation of the person. Moreover, judicial authorities count unexpired part of the punishment from the date of following behind day of decision. Therefore, in case of calculation of a repayment period of a criminal record it is necessary to be guided on the date of pronouncement of the resolution on parole from punishment.

Key words: cancelation of conviction, parole, actually served sentence, moment of discharge from completion punishment.

References

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Judicial department in case of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at : <http://www.cdep.ru> (Accessed 13 June 2016).

2. Efremova E. F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Modern explanatory dictionary of Russian]. Moscow, 2005. Vol. 1 А–Л. 1168 p.
3. Apelljacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Verhovnogo Suda RF ot 5 nojabrja 2013 g. po delu № 14-APU13-11 [Appeal determination of judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from November 5, 2013 in the matter of No. 14-APU13-11]. Available at : <https://bsr.sudrf.ru/> (Accessed 15 June 2016).
4. Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 23 sentjabrja 2011 g. po delu № 44u-229/11 [The resolution of Presidium of the Moscow city court of September 23, 2011 in the matter of No. 44u-229/11]. Available at : <http://base.garant.ru/> (Accessed 15 June 2016).
5. Postanovlenie Prezidiuma Omskogo oblastnogo suda ot 6 ijunja 2011 g. po delu № 44-U-307 [The resolution of Presidium of Omsk regional court of June 6, 2011 in the matter of No. 44-U-307]. Available at : <http://base.garant.ru/> (Accessed 15 June 2016).
6. Obzor kassacionnoj i nadzornoj praktiki sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Krasnojarskogo kraevogo suda za 6 mesjacev 2009 goda [The overview of cassation and supervising practice of judicial board on criminal cases of Krasnoyarsk regional court in 6 months 2009]. Available at : <http://kraevoy.krk.sudrf.ru> (Accessed 18 June 2016).
7. Bjulleten' sudebnoj praktiki Moskovskogo oblastnogo suda za vtoroj kvartal 2012 goda [The bulletin of court practice of the Moscow regional court for the second quarter 2012]. Available at : <http://www.mosoblsud.ru/> (Accessed 18 June 2016).
8. Obobshhenie praktiki rassmotrenija rajonnymi (gorodskimi) sudami Vologodskoj oblasti grazhdanskih del ob ustanovlenii administrativnogo nadzora [Generalization of practice of consideration by district (city) courts of the Vologda region of civil cases about establishment of administrative supervision]. Available at : <http://oblsud.vld.sudrf.ru/> (Accessed 18 June 2016).
9. Bjulleten' sudebnoj kollegii po ugovolnym delam Lipeckogo oblastnogo suda (vtoroj kvartal 2014 goda) [The bulletin of judicial board on criminal cases of the Lipetsk regional court (the second quarter 2014)]. Available at : <http://oblsud.lpk.sudrf.ru/> (Accessed 19 June 2016).
10. Sudebnaja praktika po ugovolnym delam Altajskogo kraevogo suda za III kvartal 2010 g. [Jurisprudence on criminal cases of the Altai regional court for the III quarter 2010]. Available at : <http://base.garant.ru/> (Accessed 19 June 2016).
11. Postanovlenie Krasnotur'inskogo gorodskogo suda Sverdlovskoj oblasti ot 19 janvarja 2011 g. po delu 4/1-50/2011 [The resolution of Krasnoturyinsky city court of Sverdlovsk region of January 19, 2011 on the case 4/1-50/2011]. Available at : <http://bsr.sudrf.ru/> (Accessed 20 June 2016).
12. Postanovlenie Medvezh'egorskogo rajonnogo suda Respubliki Karelija ot 25 ijunja 2010 g. po delu № 3-1-23/2010 [The resolution of Medvezhyegorsky district court of the Republic of Karelia of June 25, 2010 in the matter of No. 3-1-23/2010]. Available at : <http://medvezhegorsky.kar.sudrf.ru/> (Accessed 20 June 2016).
13. Postanovlenie Starodubskogo rajonnogo suda Brjanskoj oblasti ot 6 ijulja 2012 g. po delu № 4/1-144/2012 [The resolution of Starodubsky district court of the Bryansk region of July 6, 2012 in the matter of No. 4/1-144/2012]. Available at : <http://bsr.sudrf.ru/> (Accessed 20 June 2016).

АННА ВЕНИАМИНОВНА ЗВОНОВА,
преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
(Владимирский юридический институт ФСИН России),
e-mail: salikova.a@yandex.ru

РОЛЬ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат: необходимость осуществления антинаркотической политики в Российской Федерации обусловлена изменениями, происходящими в государстве, а также в мире в целом, возникновением новых угроз, связанных с усилением экстремизма, терроризма, транснациональной преступности. Кроме указанных негативных тенденций, необходимо учитывать появление новых наркотических средств и психотропных веществ, которые масштабно распространяются на территории государства.

В Российской Федерации существует два основных направления антинаркотической политики: первое предусматривает целенаправленное пресечение нелегального производства и оборота наркотиков внутри страны, а также противодействие наркоагрессии; второе – совершенствование системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы.

Антинаркотическая политика не может осуществляться самостоятельно, вне зависимости от иных направлений политики государства. Она взаимосвязана с уголовной политикой, в том числе с уголовно-исполнительной, политикой в сфере судопроизводства, что выражается во введении новых и изменении имеющихся специальных уголовно-правовых норм, отражающих элементы противодействия распространению наркомании в России. Равным образом антинаркотическая политика взаимодействует с социальной государственной политикой, медико-реабилитационной, культурно-ценностной. Данное взаимодействие позволяет эффективно достичь целей и выполнить задачи антинаркотической политики.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, наркомания, государственная стратегия, наркопреступность, наркотическое вещество, психотропное средство, медицинская и социальная реабилитация, профилактика.

Проводимая в последние 20 лет интеграция России в мировое сообщество предусматривает рационализацию ее уголовной политики путем приведения уголовно-правовых норм в соответствие с современными угрозами с учетом отечественного опыта и международного законодательства [4, с. 82]. Одним из направлений реализации государственной политики является деятельность по профилактике, противодействию и борьбе с наркоманией, именуется она антинаркотической политикой.

Необходимость переосмысления антинаркотической политики обусловлена тем, что проблема распространения наркотиков в современной России приобрела характер угрозы национальным интересам [11, с. 4]. В настоящее время количество лиц – потребителей наркотиков стабилизировалось после продолжительного периода роста: в 1999 г. их число составило 364 679 человек, в 2004 г. выросло до 493 647, а в 2009 г. – до 555 272, в дальнейшем оставалось примерно на том же уровне и в 2014 г. составило 547 215 человек. Из них доля лиц, страдающих зависимостью от наркотиков,

также находится приблизительно на одном уровне, если в 1999 г. их число составляло 224 647 человек и в 2001 г. резко выросло до 335 317 с последующим постепенным ростом до 358 120 больных в 2008 г., то к 2014 г. произошло небольшое снижение – 321 796 человек [7; 8].

Однако многие исследователи отмечают, что применительно к лицам с болезненной зависимостью от наркотиков невыявленная или незарегистрированная часть, по некоторым подсчетам, значительно больше зарегистрированной: главный нарколог Минздрава России, эксперт Лиги здоровья нации Е. Брюн в 2012 г. в интервью сообщил, что в России больных наркоманией около 1,5 млн человек, а опыт употребления наркотиков, по экспертным оценкам, имеют 3–4 млн человек [3], не согласны с ним представители ФСКН России, которые называют реальное количество наркоманов в России около 8 млн человек [2; 10].

Эффективное развитие общества, как правило, достигается защитой и охраной здоровья и благосостояния нации. Национальное здоровье является главным приоритетом в прогрессивном функцио-

нировании государства, обеспечивает эффективное развитие экономических отношений, культурных и духовных ценностей, оборонную функцию государства, физическое развитие и спортивные достижения, а также укрепление авторитета государства и его процветание. Борьба с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их профилактика являются основными задачами государства в области охраны национального здоровья [9, с. 3; 12, с. 3–4].

Основополагающим документом в области противодействия наркомании является Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, одной из целей которой является существенное сокращение незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков. Именно данный нормативный акт во многом и предопределил дальнейшее развитие уголовного законодательства в сфере противодействия распространению наркомании.

Достижение результатов планировалось с использованием международного сотрудничества в сфере контроля над наркотиками, что регламентируется гл. 5 документа «Основные направления развития международного сотрудничества».

Первое направление предусматривает пресечение нелегального производства и оборота наркотиков внутри страны, а также противодействие наркоагрессии. Реализации данного направления свойственно два пути: первый основан на изменении действующих норм Общей части УК РФ, а второй – Особенной части УК РФ.

Так, законодателем было реализовано решение о систематизации уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с наркотиками, в Общей части уголовного закона. При этом ужесточению были подвергнуты условия не только назначения наказания за подобные преступления, но и отбывания назначенного наказания. В соответствии с Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в качестве отягчающего обстоятельства было предусмотрено совершение преступления с использованием, кроме прочих, наркотических средств и психотропных веществ.

В свою очередь, изменения Особенной части УК РФ протекали в том же направлении, что и ранее, – введение новых составов преступлений и корректировка действующих.

В соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2012 г. № 54-ФЗ «О внесении изменений в ст. 230 и 232 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» был также расширен круг применения ст. 230 УК РФ, посвященной склонению

к потреблению наркотиков путем включения в нее аналогов наркотических средств и психотропных веществ. Данное нововведение обусловлено изменением качественного состава рассматриваемых запрещенных веществ и развитием науки, применяемой злоумышленниками для разработки новых формул синтетического яда.

Законодатель обратил внимание на проблему наркотизации отдельных мест скопления людей и ввел Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ квалифицированный признак за сбыт наркотических средств, психотропных веществ, совершенный в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательной организации, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга. Путем внесения данных изменений была актуализирована проблема наркотизации, в частности, мест лишения свободы.

Однако остановить развитие негативных явлений не означает победу над ними. Государство осознало необходимость не только противодействия наркомании, но и профилактики данного явления, с чем и связано второе направление – совершенствование системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы. В соответствии с данным направлением была дополнена Общая часть УК РФ в области регламентации реализации ответственности наркозависимых лиц.

В соответствии со ст. 22 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года предусмотрено, что система мер по снижению спроса на наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги состоит:

- а) из государственной системы профилактики немедицинского потребления указанных средств и веществ;
- б) наркологической медицинской помощи;
- в) медико-социальной реабилитации больных наркоманией.

Из представленных направлений последнее было успешно реализовано законодателем в рамках уголовного законодательства путем введения двух новых институтов уголовного права.

Так, с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были введены нормы, предусматривающие институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. На основании вновь введенной ст. 82.1 УК РФ законодателем регламентировано предоставление осужденным, больным наркоманией

нией и признанным виновными в совершении преступлений небольшой или средней тяжести, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и их прекурсоров, возможности выбора между лечением и уголовным наказанием [6, с. 148]. При этом отсрочка может быть применена лишь при совершении впервые преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ.

Получив первые положительные результаты применения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, законодатель решил расширить возможности уголовно-правового регулирования лечения от наркомании и последующей медицинской реабилитации. В соответствии с Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена ст. 72.1 УК РФ, на основании которой в отношении лица, больного наркоманией, осужденного к основному наказанию в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, суд может возложить обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию. При этом контроль за осужденными также возлагается на имеющие опыт подобной работы уголовно-исполнительные инспекции.

Указанные категории лиц с учетом заболевания наркоманией являются опасными для общества и государства, их исправление в местах лишения свободы весьма затруднительно, а порой невозможно и преждевременно без осуществления лечения и реабилитации. К тому же ввиду заболевания наркоманией процесс исправления осужденного может восприниматься им неадекватно. Большинство лиц, отбывающих наказания в уголовно-исполнительных учреждениях, не работают, употребляют наркотические средства и психотропные вещества, ведут антиобщественный образ жизни, не принимают участия в жизни коллектива, их не интересуют выступления на телевидении и в прессе на тему борьбы с преступностью и укрепления правопорядка [5, с. 153–154].

Изложенное позволяет сделать вывод о пересечении антинаркотической политики с уголовно-исполнительной политикой, которая, по утверждению многих ученых, является частью уголовной политики. Указанные направления отечественной антинаркотической политики также были учтены при разработке Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р.

В настоящее время в системе исполнения наказаний функционируют 9 лечебно-исправительных учреждений для больных наркоманией, более 50 тысяч осужденных страдают социально значимым заболеванием – наркоманией. В связи с этим в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года данный факт был учтен и в нее включен раздел, посвященный материальному обслуживанию осужденных, предполагающий развитие медицинской службы уголовно-исполнительной системы в соответствии с основными концептуальными направлениями совершенствования системы здравоохранения Российской Федерации, а также раздел, регламентирующий сферу социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными, предусматривающий разработку и развитие психотерапевтического направления работы психолога, создание при учреждениях уголовно-исполнительной системы отделений социально-психологической реабилитации с целью оказания профильной психологической помощи осужденным, имеющим наркотическую зависимость.

Таким образом, при реализации уголовно-исполнительной политики в части планирования и осуществления мероприятий по развитию уголовно-исполнительной системы были учтены критерии осуществления антинаркотической политики в его основных направлениях.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что антинаркотическая политика не может осуществляться самостоятельно, вне зависимости от иных направлений государственной политики. Антинаркотическая политика напрямую связана с уголовной политикой, в том числе с уголовно-исполнительной ее составляющей, политикой в сфере судопроизводства и т. д., что выражается во введении новых и реформировании имеющихся специальных норм уголовного закона, отражающих элементы противодействия распространению наркомании в России. Как отмечает руководитель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин, обеспечение национальной безопасности носит комплексный характер [1, с. 5].

Таким образом, одной из тенденций изменения уголовного законодательства России в сфере противодействия наркомании является применение «точечных» дополнений и новелл законодательства в сфере противодействия наркопреступности. Это способствовало формированию в России реализуемой современной отечественной антинаркотической политики, составной частью которой является противодействие наркотизации спецконтингента учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы

1. Бастрыкин А. И. Коррупция как один из факторов угрозы национальной безопасности Российской Федерации // Право и безопасность. 2011. № 3–4. С. 5–8.
2. Иванов В. Открываются первые центры по лечению от наркомании по приговору суда. URL : <http://www.rg.ru/2013/12/05/ivanov.html> (дата обращения: 17.11.2015).
3. Главный нарколог страны: эпидемия наркомании в РФ началась с Ельцина? // Аргументы и факты. 2012. 19 сент.
4. Звонов А. В., Дядькин О. Н. Факторы формирования системы уголовных наказаний в современных условиях: краткий аналитический обзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 82–89.
5. Копотун И. Н. Индивидуальная профилактика преступлений в уголовно-исполнительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2. С. 152–156.
6. Кухарук В. В. Отсрочка отбывания наказания большим наркоманией: вопросы теории и реализации // NB: вопросы права и политики. 2013. № 1. С. 148–165.
7. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013–2014 годах. URL : http://www.nncn.ru/2_732.html (дата обращения: 17.11.2015).
8. Показатели общей и первичной заболеваемости наркологическими расстройствами в Российской Федерации в 1999–2009 годах. URL : http://www.nncn.ru/2_195.html (дата обращения: 17.11.2015).
9. Рачеева С. В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконными перевозкой и сбытом наркотических средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 225 с.
10. ФСКН: в России около 8,5 млн наркоманов // Комсомольская правда. 2012. 24 окт.
11. Царев С. А. Инновационная модель оказания наркологической помощи, как механизм снижения социальной стоимости наркомании : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2013. 48 с.
12. Юхман М. А. Правовые меры предупреждения незаконного оборота прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 212 с.

ANNA VENIAMINOVNA ZVONOVA,
lecturer of the penal law department
(VLI of the FPS of Russia),
e-mail: salikova.a@yandex.ru

**THE ROLE OF ANTI-NARCOTICS POLICY OF THE STATE
IN SYSTEM OF MEASURES OF COUNTERACTION OF CRIME**

Abstract: the need of implementation of anti-narcotics policy in the Russian Federation is caused by the changes happening in the state and also in the world in general, emergence of the new threats connected with strengthening of extremism, terrorism, transnational crime. Except the specified negative tendencies, it is necessary to consider emergence of new drugs and psychotropic substances which spread to state territories.

In the Russian Federation there are two main directions of anti-narcotics policy: the first provides the purposeful suppression of illegal production and drug trafficking within the country, and also narcoaggression counteraction; the second – improvement of system of scheduled, medical and rehabilitation maintenance.

The anti-narcotics policy can't independently be carried out, regardless of other directions of policy of the state. It is interconnected with criminal policy, including with criminal and executive, policy in the sphere of legal proceedings that is expressed in introduction new and change of the available special criminal precepts of law reflecting elements of counteraction to spread of drug addiction in Russia. Similarly the anti-narcotics policy interacts with social state policy, medico-rehabilitation, cultural and valuable policy. This interaction allows to achieve effectively the objectives and to carry out tasks of anti-narcotics policy.

Key words: anti-narcotics policy, drug addiction, state strategy, drug related crime, narcotic substance, psychotropic drug, medical and social rehabilitation, prevention.

References

1. Bastrykin A. I. Korrupcija kak odin iz faktorov ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Corruption as one of the factors of threats to the national security of the Russian Federation]. *Pravo i bezopasnost' Law and Security*, 2011, no. 3–4, pp. 5–8.
2. Ivanov V. Otkryvajutsja pervye centry po lecheniju ot narkomanii po prigovoru suda [The first rehab centers is opened for treatment drug addicts by court order]. Available at : <http://www.rg.ru/2013/12/05/ivanov.html> (Accessed 17.11.2015).
3. Glavnyj narkolog strany: jepidemija narkomanii v RF nachalas' s El'cina? [Chief expert in narcology of the country: Did the epidemic of drug addiction in Russia begin with Yeltsin?]. *Argumenty i fakty – Arguments and facts*, 2012, 19 September.
4. Zvonov A. V., Dyadkin O. N. Faktory formirovaniya sistemy ugovolnyh nakazaniy v sovremennyh uslovijah: kratkij analiticheskij obzor [Factors of criminal punishment system's formation in modern conditions: a brief analytical overview]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 82–89.
5. Kopotun I. N. Individual'naja profilaktika prestuplenij v ugovolno-ispolnitel'nyh uchrezhdenijah [Individual prevention of crimes in the criminal-Executive institutions]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2013, no. 2, pp. 152–156.
6. Kukharchuk V. V. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaniej: voprosy teorii i realizacii [Postponement of serving the sentence by drug addicts: Questions of theory and implementation]. *NB: voprosy prava i politiki – NB: questions of law and policy*, 2013, no. 1, pp. 148–165.
7. Main indicators of activity of narcological service in the Russian Federation in 2013-2014. Available at : http://www.nncn.ru/2_732.html (Accessed 17.11.2015).
8. Indicators of general and primary morbidity of substance abuse in the Russian Federation in 1999–2009. Available at : http://www.nncn.ru/2_195.html (Accessed 17.11.2015).
9. Racheeva S. V. Ugolovno-pravovye problemy bor'by s nezakonnymi perevozkoj i sbytom narkoticheskikh sredstv. Diss. kand. jurid. nauk [Criminally-legal problems of struggle against illegal transportation and sale of drugs. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2001. 225 p.
10. FSKN: v Rossii okolo 8,5 mln narkomanov [Federal Drug Control Service: there are 8.5 million drug addicts in Russia]. *Komsomol'skaja pravda – Komsomolskaya Pravda*, 2012, 24 October.
11. Tsarev S. A. Innovacionnaja model' okazaniya narkologicheskoy pomoshhi, kak mehanizm snizhenija social'noj stoimosti narkomanii. Avtoref. diss. d-ra med. nauk [Innovative model of providing drug treatment as a mechanism for reducing the social cost of drug abuse. Dr. med. sci. diss. abstract]. Moscow, 2013. 48 p.
12. Yuhman M. A. Pravovye mery preduprezhdenija nezakonnogo oborota prekursorov narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshhestv. Diss. kand. jurid. nauk [Legal measures to prevent illegal trafficking of precursors of narcotic drugs and psychotropic substances. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2009. 212 p.

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА МАРТЫНОВА,
преподаватель-методист кафедры
организации оперативно-розыскной деятельности
(Академия ФСИН России),
e-mail: martynova.ev@inbox.ru

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, В ПРОЦЕССЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Реферат: в статье рассматриваются обстоятельства (факторы), обуславливающие уровень состояния личной безопасности осужденных к лишению свободы, содержащихся в исправительных учреждениях различных видов режима. В сравнительном изложении исследуются точки зрения ученых на их классификационные признаки, позволяющие сгруппировать их по отдельным признакам с целью более детального анализа и изучения характера и степени влияния на оптимальное состояние уровня личной безопасности осужденных.

Проведенное исследование позволило подразделить названные факторы на следующие классификационные группы: 1) по характеру и сферам жизнедеятельности – территориально-экологические, экономические, политические и социально-демографические; 2) по источникам происхождения – внешние, внутренние, технические, природные, социальные и криминальные; 3) по силе проявления и размеру возможного вреда для осужденного – опасности, угрозы возникновения опасностей, риски. Степень воздействия каждого фактора соответствующей группы на состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении в целом и на состояние личной безопасности осужденных в частности определяется исходя из совокупного влияния всего комплекса объективных и субъективных обстоятельств жизнедеятельности исправительного учреждения и интенсивности функционирования всех его структурных подразделений.

Ключевые слова: обеспечение безопасности, организационно-правовой механизм, изоляция, оперативная обстановка, группировка отрицательной направленности, уголовно-исполнительная система.

Уяснение сущности организационно-правового механизма обеспечения безопасности личности осужденных представляется невозможным без исследования степени и глубины воздействия факторов, влияющих на уровень ее состояния. В зависимости от направлений исследований и круга рассматриваемых проблем факторы принято подразделять на основные и производные, правовые и организационные, а также факторы, характерные сугубо для системы исправительных учреждений (ИУ) [1]. Кроме того, по своей природе факторы подразделяются на физические, климатические, психические, социальные и т. д.

Мнения ряда авторов о понятии безопасности, прежде всего внутренней, личности указывают на то, что под безопасностью как одним из условий нормального развития любого социального явления понимается такая защищенность качественного состояния общественных отношений, которая обеспечивает поступательное движение данного явления в конкретных исторических и природных условиях от опасностей, источником возникнове-

ния которых являются внутренние и внешние противоречия. Взаимодействие последних факторов и вызывает возникновение угрозы безопасности социальной организации. Содержание угрозы, опасности зависит от противоречий интересов различных групп населения, институтов общества и государства, членов социальной организации и других факторов. В различных сферах социальной и государственной жизнедеятельности существуют свои противоречия и причины возникновения угрозы. Имеют специфику они и в уголовно-исполнительной системе (УИС).

Рассмотрим некоторые основные группы факторов, определяющих состояние безопасности осужденных к лишению свободы.

1. По характеру и сферам жизнедеятельности факторы подразделяются на экологические, экономические, социальные, политические, криминогенные, природно-климатические, территориально-географические, социально-демографические. В литературе их еще называют факторами среды функционирования. По мнению Г. Ф. Хохрякова [2], для осужденных фактор внешней среды сосредото-

точен в режиме содержания, то есть это внутренние условия их содержания и внешние условия жизнедеятельности осужденных. Таким образом, можно предположить, что факторами среды функционирования, влияющими на безопасность осужденных, являются их следующие группы:

а) природно-климатические, экологические и территориально-географические условия в районе дислокации ИУ, являющиеся факторами объективного характера (территориально-экологические факторы). Рассматривая этот фактор, следует указать на его основные характеристики, включающие в себя административно-территориальное деление региона; удаленность ИУ от районных областных центров; наличие железных дорог и иных путей, регулярность движения транспорта; характеристика местности (лесная, пустынная, степная, тундра и т. д.); подверженность региона стихийным бедствиям (землетрясения, лесные пожары); климатические особенности (быстрая смена или стабильность погоды, сильные морозы или жара, количество осадков, влажность климата); экологические условия отбывания наказания, связанные с экологической обстановкой в месте дислокации ИУ, с различными объектами повышенного риска (наличие объектов, дающих повышенный радиационный фон, вредных производств, риска возникновения эпидемий и эпизоотий) и другие обстоятельства, которые могут для человека выступать в качестве негативных. Результаты проведенных в этой области исследований отражают прямую зависимость состояния личной безопасности спецконтингента от перечисленных обстоятельств;

б) экономические, политические и социально-демографические факторы. Показатели данных факторов в вопросах безопасности осужденных имеют несколько уровней проявления и соответственно обеспечивающих мероприятий. Например, экономические факторы, негативно сказывающиеся на состоянии безопасности осужденных, проявляются в исправительных учреждениях как недостатки в обеспечении осужденных питанием, вещевым довольствием, медикаментами, спальными местами. Экономический фактор воспроизводит и экономические причины преступности в ИУ, что также немаловажно для состояния безопасности. Опасное воздействие на состояние безопасности личности осужденного могут оказать политические и социальные факторы. История знает много примеров, когда негативное восприятие осужденных в общественном сознании ставило их даже после отбытия наказания в положение изгоев общества, что определяло их поведение в период нахождения в местах лишения свободы. Например, осужденные, лишённые жилой площади в соответ-

ствии с действовавшим в то время жилищным законодательством (ст. 60 ЖК РСФСР) или подпадавшие по формальным признакам под юридические ограничения, налагаемые в рамках включения механизмов административного надзора, уже изначально находились в ущербном положении и, не имея явных стимулов к исправлению, полностью отдавались влиянию лагерной субкультуры, нередко вступая в конфликты между собой, приводившие к кровавым последствиям.

Социально-демографические факторы отражают наиболее динамичный элемент внешней и внутренней среды исправительного учреждения – контингент осужденных. К этой же группе, на наш взгляд, целесообразно отнести уголовно-правовую характеристику осужденных в конкретном учреждении. Показатели данной группы факторов можно анализировать по наиболее общим существенным характеристикам:

– общая численность осужденных в ИУ, плотность размещения в жилых помещениях. Как справедливо отметил В. А. Фефелов, «скученность, размещение осужденных в общежитиях по 100–150 и более человек приводит к тому, что возможность обеспечения их личной безопасности силами администрации сводится к нулю и, наоборот, создаются предпосылки для посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство со стороны лиц, поддерживающих законы и традиции преступной среды» [3]. Если на 1 января 2004 г. в ИУ содержалось 721 056 осужденных, из которых 242 779 – в исправительных колониях общего режима, 302 594 – в исправительных колониях строгого режима, 54 990 – в исправительных колониях особого режима, 1409 – в колониях для пожизненного лишения свободы, включая специализированные участки, 33 864 – в колониях-поселениях различных видов, 40 808 осужденных женщин, 50 856 – в специализированных учреждениях для туберкулезных больных, 8678 – в специализированных лечебных исправительных учреждениях для наркоманов, то на 1 января 2016 г. достигнуто наименьшее за всю новейшую историю УИС количество содержания спецконтингента в охраняемых ИУ – 646 085 осужденных, из них мужчин – 590 545, женщин – 52 683, несовершеннолетних – 2857, 484 223 осужденного содержатся в исправительных колониях различных видов режима [4].

Приведенные цифры ярко отображают общие тенденции и приоритетные направления государственной политики в сфере уголовного правоприменения в динамике;

– социально-психологические особенности осужденных, наличие и соотношение различного рода группировок осужденных, степень подвер-

женности «воровским» законам, традициям, нравам и установкам.

По официальным данным ФСИН России, если на 1 января 2005 г. отбывали уголовные наказания 13 тыс. лидеров уголовно-преступной среды, то на 1 января 2016 г. в местах лишения свободы официально насчитывается 1398 лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности. Настороженность вызывает и то, что около 1/3 лиц, содержащихся в местах лишения свободы, имеют те или иные психические отклонения, более 400 тыс. осужденных склонны к различным формам деструктивного поведения – членовредительству, суициду, агрессии, а также к непредсказуемому поведению.

Приведенные показатели наглядно характеризуют достаточно непростую оперативную обстановку в ИУ.

2. По источникам происхождения факторы подразделяются на внешние и внутренние, технические, природные, социальные, криминальные. Однако поскольку на безопасность осужденного влияют не все группы выделенных факторов, то остановимся лишь на отдельных из них:

а) внутренние факторы, имеющие проявления в условиях лишения свободы. Первоначально следует выделить фактор изоляции от «нормального» общества и негативные последствия для личности, к которым относятся: забывание привычек, навыков, методов общения, используемых вне мест лишения свободы, вследствие чего в условиях изоляции от общества личность, как бы ни хотелось предотвратить этот процесс, изменяется в худшую сторону.

Порождением фактора изоляции от общества является и особая система существующих взаимоотношений: негласная власть неформальных группировок и отдельных осужденных; наличие внутренней субкультуры, насильно подчиняющей личность; строго кастовое распределение осужденных; жестокие методы воздействия на осужденных, приоритет физического и психического насилия в целях насаждения требований и традиций «арестантской» субкультуры. Не случайно подмечено В. Ф. Пирожковым, А. Д. Глоточкиным, Ю. М. Антоняном, И. Б. Бойко, В. А. Верещагиным, исследовавшими так называемую другую жизнь осужденных, что порой складывается впечатление о незнании ими иных методов воздействия, кроме угроз, издевательств, унижений, подавления воли и причинения вреда жизни или здоровью тем, кто в моральном и физическом плане явно слабее. Нередко агрессивность осужденных друг к другу объясняется своеобразным виктимным поведением объекта посягательства, который не только не воспринимает законы и

традиции преступного мира, но и игнорирует элементарные правила поведения людей, вынужденных длительное время находиться в едином скученном пространстве (не соблюдает правила личной гигиены, по характеру является склочным и раздражительным, чудаковатым и т. д.). Исследования, проведенные В. Н. Чорным, демонстрируют, что в 70 % случаев, когда возникает угроза личной безопасности осужденного, она бывает вызвана его провоцирующим поведением [5].

Следующий фактор – особенность социальной среды, негативное антиобщественное, развращающее влияние более общественно опасных осужденных на других. Данный фактор имеет объективный характер и закономерную природу происхождения, так как такое положение в том или ином качестве возникает всегда, когда однополые субъекты объединяются в закрытых изолированных системах. Примером данного утверждения может служить не только пенитенциарная система, но и построенные по казарменному принципу спортивные и так называемые пионерские лагеря, интернаты, военные учебные заведения.

Немаловажный фактор, влияющий на состояние безопасности осужденного, – это обязательность общения и ограничения в выборе партнеров для него. Невозможность уединения, открытость осужденного перед другими, отсутствие каких-либо прикрытий для интимных сторон жизни обуславливают подозрительность осужденных друг к другу, постоянную стрессогенность и конфликтность общения;

б) криминогенные факторы в условиях лишения свободы. Среди них можно выделить факторы, порождаемые конкретным преступлением в момент его совершения, в том числе его последствиями, и факторы, оказывающие влияние на динамику преступности в ИУ. Исследования данных вопросов свидетельствуют о том, что наиболее криминогенные факторы в сфере ИУ – это качественные изменения состава осужденных, недостатки в организации деятельности ИУ, не всегда удовлетворительный надзор за поведением осужденных, упущения в оперативно-розыскной и профилактической деятельности, складывающийся социально-психологический климат в ИУ, который во многом определяет мотивацию поведения осужденных. В конечном итоге эти факторы сказываются и на динамичных показателях безопасности в ИУ. Особенно необходимо обратить внимание на фактор качественного изменения состава осужденных, имеющий как позитивную, так и негативную направленность. Безопасность личности осужденного, таким образом, находится в прямой зависимости от показателей преступности и иных правонарушений в ИУ.

В условиях лишения свободы с позиции безопасности особой оценки заслуживает структура преступности, виды конкретных преступлений и в первую очередь блок посягательств, связанных с насилием над личностью, которые самым существенным образом влияют на состояние безопасности личности. Официальные статистические сведения позволяют судить об уровне криминогенности спецконтингента, содержащегося в исправительных учреждениях УИС. Так, при проведении сравнительного анализа состояния правопорядка и уровня криминогенной напряженности в ИУ за три года становится особенно заметным, что, как минимум, в два раза увеличилось количество преступлений, связанных с дезорганизацией деятельности ИУ, сопровождающихся насилием. Сохраняется устойчивая тенденция к увеличению числа осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления. За последние годы заметно увеличилось количество осужденных при особо опасном рецидиве преступлений (с 1999 г. их количество возросло с 13,4 до 42 тыс. человек и продолжает ежемесячно увеличиваться на 900–1000 человек). Имеет место значительный рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, доля которых составляет 36,8 %, значительно возросло количество побегов, причинами которых нередко становились конфликтные ситуации в среде осужденных, на 62 % увеличилось число грубых нарушений установленного порядка отбывания наказания. На 1 января 2005 г. в учреждениях УИС было зарегистрировано 1171 преступление, из которых 750 были совершены в исправительных колониях, 27 – в воспитательных колониях, 4 – в тюрьмах, 53 – в СИЗО, 298 – в колониях-поселениях, 33 – в лечебных исправительных учреждениях, 5 – в лечебно-профилактических учреждениях и 1 – в ПФРСИ. На 1 января 2016 г. всего в исправительных учреждениях было зарегистрировано 838 преступлений, из которых: 195 – в ИК общего режима, 367 – ИК строгого режима, 31 – ИК особого режима, 183 – в КП, 46 – в ЛИУ, 16 – в ЛПУ, 30 – в женских колониях, 74 – лицами, содержащимися в ЕПКТ, одиночных камерах, ШИЗО, ПКТ и 5 – в ПФРСИ. Значительная часть преступлений совершалась осужденными в состоянии алкогольного или токсического опьянения, с применением колюще-режущих предметов и носила насильственный характер.

Сведения о результатах профилактической работы среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, в сравнительном изложении позволяют говорить о том, что если по состоянию на 1 января 2005 г. только в исправительных колониях было предотвращено 131 449 преступлений, в том числе: по ст. 321 УК РФ – 2355; ст. 206 УК РФ – 562; против личности (VII разд. УК РФ) – 102 630; по ст. 313

УК РФ – 11 781, то на 1 января 2016 г. в исправительных колониях было предотвращено 60 121 преступление, в том числе по ст. 321 УК РФ – 634; против личности (разд. VII УК РФ) – 54 165; по ст. 313 УК РФ – 2025.

Все это говорит о продолжающемся наличии существенных проблем в области обеспечения личной безопасности осужденных структурными подразделениями УИС по ряду показателей на текущем этапе в сравнении с состоянием оперативной обстановки десятилетней давности.

Основным критерием, показывающим итоговое состояние и реальное положение дел в рамках рассматриваемой проблематики, является показатель статистической отчетности, отражающий официально зарегистрированные случаи реализации положений ст. 13 УИК РФ (реализация права осужденных на личную безопасность) и ч. 2 ст. 81 УИК РФ (перевод осужденного в ИУ аналогичного вида и типа) как альтернативного института реализации права осужденного на личную безопасности (в том числе по оперативным сообщениям). Обратимся к официальной статистике. Если на 1 января 2010 г. количество осужденных, изолированных по мотивам личной безопасности, составляло 5030 человек, из которых переведенных в другие ИУ по мотивам обеспечения личной безопасности – 487, то на 1 января 2016 г. – 4364/431 соответственно. Налицо определенная положительная динамика. Вместе с тем очевидно, что проблема продолжает иметь место, а поиск эффективных средств нейтрализации угроз личной безопасности осужденных быть актуальным.

3. По силе проявления и размеру возможного вреда для осужденного факторы в сфере деятельности ИУ могут принимать формы опасности, угрозы возникновения опасности или риска. С учетом этого можно выделить такие группы факторов, составляющих реальную опасность для личной безопасности, как: распространение наркомании, плохие бытовые условия, некачественное медицинское обслуживание, недостаток медикаментов и как результат распространение хронических заболеваний, некриминальное насилие со стороны некоторых типов осужденных (моральное давление, издевательства, иные действия, ущемляющие достоинство личности), криминальные проявления, имеющие объектами посягательств элементы безопасности личности осужденного (общественно опасные деяния, посягающие на жизнь, здоровье, достоинство личности).

По оценкам экспертов, развитие криминогенной ситуации позволяет предположить, что в ИУ России уровень регистрируемой насильственной преступности вряд ли будет иметь тенденцию к снижению [6].

Так выглядят основные группы детерминант (факторов), знание и учет которых влияет на уровень состояния безопасных условий в ИУ, в том числе в обеспечении личной безопасности осужденных. Перечисленные детерминанты своим влиянием охватывают различные стороны организации деятельности ИУ. Их игнорирование, как правило, вызывает негативные последствия как для персонала, так и для осужденных, порождает экстремальные ситуации, о чем свидетельствует многолетняя практика деятельности мест лишения свободы. В связи с этим их действие целесообразно прогнозировать и на этой основе управлять процессами, происходящими в ИУ.

Преломляя некоторые положения теории социального управления в русло интересующей нас проблемы, а также систематизируя существующие точки зрения ученых в области рассматриваемой отрасли знаний, можно обозначить следующие уровни обеспечения безопасности осужденных: а) общие государственные меры; б) меры обеспе-

чения безопасности осужденных, принимаемые региональными органами государственной власти и местного самоуправления; в) меры безопасности, осуществляемые органами управления УИС; г) меры обеспечения безопасности осужденных, предпринимаемые администрацией ИУ в процессе реализации наказания в виде лишения свободы (уголовно-правовые, меры уголовно-исполнительного характера, меры оперативно-тактического характера, а также управленческие и педагогические средства); д) меры, применяемые администрацией ИУ в особых условиях деятельности (ч. 4 ст. 85 УИК РФ).

Таким образом, в русле обеспечения личной безопасности осужденных, содержащихся в ИУ, предполагается, что для ее решения должен быть использован весь комплекс организационных, правовых, оперативно-тактических и иных мероприятий, имеющих вышеисследованные уровни проявления.

Список литературы

1. Чорный В. Н. Безопасность осужденных в условиях лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1996. 26 с.
2. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М., 1991. 224 с.
3. Фефелов В. А. Концепция социально-правовой цивилизации учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы // Наказание: законность, справедливость, гуманизм. Рязань, 1994. С. 56–63.
4. Рудый А. А. Обеспечено стабильное функционирование уголовно-исполнительной системы : доклад на заседании расширенной коллегии ФСИН России об основных результатах деятельности ведомства в 2015 г. и задачах на 2016 г. // Преступление и наказание. 2016. № 4. С. 4.
5. Чорный В. Н. Правовые и организационные вопросы обеспечения безопасности осужденных в исправительных учреждениях : монография. Рязань, 1999. 105 с.
6. Пономарев С. А. Агрессивно-насильственная установка личности осужденного как основание постановки на профилактический учет // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 88–91.

ELENA VIKTOROVNA MARTYNova,

lecturer and education coordinator, organization of detective activities department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: martynova.ev@inbox.ru

THE FACTORS INFLUENCING THE STATE OF PERSONAL SECURITY OF PRISONERS IN THE COURSE OF DETECTIVE ACTIVITIES

Abstract: in the article circumstances (factors) causing the level of prisoners' personal security held in correctional facilities of different types are considered. In a comparative description the views of scientists on the classification traits which allow distinguishing prisoners according to specific criteria are analyzed for the purpose of more detailed analysis and studying the nature and extent of influence on an optimum state of inmates' personal security.

The conducted research allowed to subdivide the mentioned factors into the following classification groups: 1) according to nature and spheres of activity – territorial and ecological, economic, political and social and demographic; 2) according to origin sources – external, internal, technical, natural, social and criminal; 3) according to degree of manifestation and the extent of possible harm for a prisoner – danger, threats of emergence

of dangers, risks. Extent of impact of each factor of the corresponding group on a condition of an operational situation in correctional facility in general and on a condition of personal security of inmates in particular is determined by cumulative influence of the whole set of objective and subjective circumstances of a correctional facility activity and intensity of all its structural divisions functioning.

Key words: safety, organization-legal mechanism, isolation, operational situation, group of a negative orientation, penal system.

References

1. Chornyj V. N. Bezopasnost' osuzhdennyh v uslovijah lishenija svobody. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Safety of convicts in the conditions of imprisonment. Cand. legal sci. diss. abstract]. Ryazan, 1996. 26 p.
2. Hohrjakov G. F. Paradoksy tjur'my [Paradoxes of prison]. Moscow, 1991. 224 p.
3. Fefelov V. A. Konceptija social'no-pravovoj civilizacii uchrezhdenij, ispolnjajushhih nakazaniya v vide lishenija svobody [The concept of a social and legal civilization of the organizations performing custodial sanctions]. Nakazanie: zakonnost', spravedlivost', gumanizm [Punishment: legality, justice, humanity]. Ryazan, 1994, pp. 56–63.
4. Rudyi A. A. Obespecheno stabil'noe funkcionirovanie UIS : doklad na zasedanii rasshirennoj kollegii FSIN Rossii ob osnovnyh rezul'tatah dejatel'nosti vedomstva v 2015 godu i zadachah na 2016 god [A. A. Rudy's report at a meeting of expanded board of FSIN of Russia on the main results of activities of department in 2015 and tasks for 2016 «Stable functioning of penal correction system is provided»]. Prestuplenie i nakazanie – Crime and punishment, 2016, no. 4.
5. Chornyj V. N. Pravovye i organizacionnye voprosy obespechenija bezopasnosti osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [Legal and organizational matters of safety of convicts in correctional facilities]. Ryazan, 1999. 105 p.
6. Ponomarev S. A. Agressivno-nasil'stvennaja ustanovka lichnosti osuzhdennogo kak osnovanie postanovki na profilakticheskij uchet [Aggressive and violent installation of the identity of the convict as the statement basis on preventive accounting]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2011, no. 1, pp. 88–91.

ИРИНА СЕРГЕЕВНА ОНИЩЕНКО,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
(ВИПЭ ФСИН России),
e-mail: onishchirina@mail.ru

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Реферат: одним из важнейших институтов, стимулирующих правопослушное поведение женщин, осужденных к лишению свободы, является условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Необходимо отметить, что законодательство не содержит особенностей условно-досрочного освобождения в отношении женщин, в том числе имеющих малолетних детей, хотя оценка степени их исправления имеет свою специфику и требует дополнительной правовой регламентации.

Следует обеспечить максимальную индивидуализацию процесса условно-досрочного освобождения от наказания, предполагающего индивидуальную подготовку осужденной к освобождению и программу ее социальной реабилитации. Представляется целесообразным не ограничивать осужденным женщинам количество свиданий с родственниками, особенно с детьми.

Многие судьи рассматривают дела об условно-досрочном освобождении осужденных женщин, имеющих малолетних детей, субъективно в связи с тем, что критерии данного вида освобождения указаны в законодательстве недостаточно четко. Отсутствие возможности трудоустроить осужденную или ее небольшой доход не должны являться основным критерием для ее условно-досрочного освобождения. Для оценки степени исправления осужденной женщины требуется введение дополнительных критериев для условно-досрочного освобождения, например ее отношение к состоянию своего здоровья, к своему ребенку. Возможно введение новых оснований для отмены условно-досрочного освобождения осужденной женщины, имеющей малолетних детей, в частности ненадлежащее выполнение своих родительских обязанностей. Целесообразно также закрепить в законодательстве обязанность осужденного, прокурора, а также право иных лиц (психиатры, представители социальных служб) участвовать в судебных заседаниях по рассмотрению вопросов условно-досрочного освобождения осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Ключевые слова: осужденные женщины, условно-досрочное освобождение, отбывание наказания, малолетние дети, критерии степени исправления.

Одним из важнейших институтов, стимулирующих правопослушное поведение лиц, осужденных к лишению свободы, является условно-досрочное освобождение (УДО) от отбывания наказания [5, с. 126–157].

Условно-досрочное освобождение осужденных от отбывания наказания регулируется ст. 79 УК РФ, согласно которой лицо, отбывающее лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для его исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Необходимо отметить, что УК РФ и УИК РФ не содержат особенностей условно-досрочного освобождения в отношении женщин, в том числе имеющих малолетних детей, хотя оценка степени их исправления имеет свою специфику и, следовательно, требует дополнительной правовой регламентации.

Условно-досрочное освобождение от наказания имеет важное значение в контексте исправления

осужденных женщин и усиления борьбы с преступностью, является стимулом к их исправлению и правопослушному поведению, сильным рычагом воздействия и важным шагом на пути к их ресоциализации. Анализ статистики показывает, что условно-досрочное освобождение – наиболее используемый вид освобождения от отбывания наказания и процент осужденных женщин, вышедших из мест лишения свободы условно-досрочно, достаточно велик. Например, в Вологодской области он составляет более 50 %, в Московской – около 60, а в Ленинградской – этот показатель еще выше – 76 %.

Недостаточность нормативного регулирования критериев оценки степени исправления осужденных женщин, в том числе имеющих малолетних детей, приводит в ряде случаев к тому, что осужденные женщины настаивают на подаче ходатайства при наличии непогашенных и неснятых взысканий и, как следствие, отрицательной характеристики администрации исправительного учреждения.

При этом осужденным необходимо разъяснять, что характеристика администрации не является безусловным основанием для суда в предоставлении или отказе в УДО.

Проанализировав судебную практику Вологодской области по предоставлению УДО осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, следует отметить, что в ряде случаев мнение представителя администрации, который присутствует на судебном заседании и представляет интересы администрации колонии, расходится с заключением администрации. Например, администрация дает отрицательное заключение по осужденной, а представитель администрации данного мнения не придерживается и характеризует осужденную положительно. Судья в данном случае может исходя из всех обстоятельств дела в совокупности принять положительное решение об условно-досрочном освобождении осужденной.

Необходимо отметить, что нарушения и взыскания у осужденных женщин также могут быть различного характера и их надо рассматривать в каждом случае индивидуально. Например, взыскание у осужденной может быть за грубое нарушение дисциплины, а может быть и за то, что осужденная просто не надела головной убор. Во втором случае это не будет иметь характер серьезного нарушения и осужденная вполне может рассчитывать на УДО. Как отрицательное заключение администрации ИУ, так и наличие взысканий еще не являются безусловным основанием для отказа в подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденной и отказа судьей в УДО, так как последний оценивает все обстоятельства дела в совокупности. Многие судьи рассматривают дела об УДО осужденных женщин, имеющих малолетних детей, субъективно в связи с тем, что критерии УДО, в том числе в отношении женщин, имеющих детей, прописаны в законодательстве недостаточно четко, что требует их дополнительной правовой регламентации. Между тем положительное заключение администрации ИУ и отсутствие взысканий еще не говорят однозначно о том, что осужденная исправилась и может выйти на свободу досрочно.

В ряде случаев судьи Вологодского суда отказывают осужденным в УДО даже при всех положительных моментах. Например, если осужденная имеет не первую судимость, а, например, пятую за такое преступление, как убийство, у судьи вполне закономерно возникает внутреннее убеждение, что данная осужденная вряд ли смогла исправиться и ее досрочный выход на свободу может нести угрозу безопасности другим гражданам. Как отмечают судьи Вологодской области, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного

освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» не дает четких правовых оснований для отказа в УДО таким осужденным.

Практика условно-досрочного освобождения осужденных женщин, имеющих малолетних детей, в Вологодской области свидетельствует о том, что многие из осужденных женщин, освободившихся условно-досрочно, совершают повторное преступление и возвращаются в места лишения свободы. Исходя из этого Верховный Суд РФ в постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 рекомендует судам, разрешая вопрос о возможности применения условно-досрочного освобождения от наказания, обеспечить строго индивидуальный подход к каждому осужденному.

Согласно ст. 79 УК РФ при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

Исследователи отмечают, что законодатель недостаточно четко сформулировал в ст. 79 УК РФ критерии признания осужденного не нуждающимся в полном отбывании наказания [10, с. 66]. Подобная неопределенность, по справедливому замечанию Д. В. Долгополова, порождает споры при применении указанного вида освобождения от отбывания наказания и, как следствие, неединообразную правоприменительную практику при рассмотрении данного вопроса судами [3, с. 20–23].

В результате в каждом суде имеется собственный субъективный подход к решению данного вопроса [4, с. 15]. В ряде регионов учитывается только один критерий – отсутствие взысканий, что позволяет при отсутствии взысканий и наступлении определенного срока освобождаться условно-досрочно практически автоматически.

При решении вопроса об УДО осужденных женщин, имеющих малолетних детей, суды нередко небезосновательно считают, что на свободе бывшие осужденные смогут иметь больший доход, чем в исправительной колонии, поэтому смогут быстрее возместить ущерб, причиненный в результате преступления [4, с. 15]. Без сомнения, в исправительных учреждениях остро стоит проблема занятости осужденных женщин, в том числе из-за

имеющихся заболеваний: они или не работают, или имеют очень низкую заработную плату.

Отсутствие возможности трудоустроить осужденную или ее небольшой доход не должны являться основным критерием для ее УДО, так как не свидетельствуют о том, что цели уголовного наказания в данном случае достигнуты полностью.

Небезынтересно мнение сотрудников женских исправительных учреждений Московской области. Они выделили основные критерии, которые должны учитываться судом при разрешении вопроса об УДО: поведение осужденной во время отбывания наказания, имеющиеся поощрения и взыскания, отношение к совершенному деянию, тяжесть совершенного преступления, возмещение вреда, причиненного преступлением. Заключение администрации ИУ о целесообразности предоставления УДО сами сотрудники поставили лишь на 6-е место. Такие критерии, как мнение потерпевшего о целесообразности УДО, отношение к учебе и труду, восстановление социальной справедливости, отбытый срок, по мнению сотрудников, являются наименее важными при разрешении вопроса об УДО [9, с. 66].

Мы полагаем, что для оценки степени исправления осужденной женщины, облегчения работы судов и исключения возможности необоснованного применения условно-досрочного освобождения к ней требуется введение дополнительных критериев: например, отношение осужденной к состоянию своего здоровья, к своему ребенку [4, с. 15]. Если осужденная заботится о своем здоровье, прошла курс лечения от алкоголизма или наркомании, это в определенной степени свидетельствует о том, что она действительно настроена вести правопослушный образ жизни.

Если осужденная женщина заботится о своем малолетнем ребенке в пределах исправительного учреждения, значит, с высокой степенью вероятности можно предположить, что и после выхода за его пределы она его не оставит и будет осуществлять должный уход за ним. Если же она и в период отбывания наказания не проявляет интереса к своему ребенку, то скорее всего это говорит о том, что она не будет заботиться о нем и после выхода на свободу и о том, что она исправилась. Только положительное и непопустительское отношение к своему ребенку может свидетельствовать о том, что осужденная женщина действительно встала на путь исправления, готова реализовывать свои материнские права и обязанности на добровольной основе. Можно также предположить, что такая женщина будет стремиться к поиску работы, чтобы обеспечить своему ребенку должный уровень существования, и вести правопослушный образ жизни на свободе.

Проследить отношение осужденной женщины к своему малолетнему ребенку несложно, особенно если он находится в доме ребенка при исправительном учреждении, так как осужденная все свободное от работы время может проводить вместе с ним.

По убеждению В. А. Андриенко, необходимо обеспечить максимальную индивидуализацию процесса УДО от наказания, предполагающего индивидуальную подготовку осужденного к освобождению и индивидуальную программу его социальной реабилитации [1, с. 203].

Суть индивидуализации УДО от отбывания наказания должна состоять в подготовке осужденной к условиям жизни вне исправительного учреждения, помощи ей после освобождения и контроле за ее поведением. Предпосылки для успешной адаптации осужденных женщин создаются уже в период отбывания наказания. К ним можно отнести следующие: сохранение социальных связей, в том числе с прежним трудовым коллективом; сохранение семейных связей, прежде всего с их малолетними детьми, и оптимизация внутрисемейных отношений; правильная организация трудового процесса в местах лишения свободы, повышение общеобразовательного уровня осужденных женщин, правильный режим их содержания. В связи с этим представляется целесообразным для укрепления родственных связей осужденных женщин, стремящихся к исправлению, не ограничивать количество свиданий с родственниками, особенно с детьми. Предполагаем, что это позволит выработать или усилить материнские чувства осужденной женщины и будет способствовать ее правопослушному поведению в пределах исправительного учреждения, а также создаст дополнительный стимул для условно-досрочного освобождения.

Для того чтобы освободиться условно-досрочно, осужденная может использовать ряд средств, предусмотренных УИК РФ: соблюдение режима отбывания наказания, добросовестное отношение к учебе и труду, активное участие в культурно-массовых мероприятиях, принятие инициативных мер к ресоциализации, деятельное раскаяние в совершенном преступлении и др. Положительное решение вопроса об УДО будет напрямую зависеть от того, какие действия предпримет осужденная и как она сможет убедить суд в том, что не нуждается в дальнейшем отбывании наказания.

Существует также неединообразная практика судов по предоставлению УДО в случае погашения ущерба родственниками, а не лично осужденными женщинами. С одной стороны, у осужденной по объективным причинам может не быть заработка в местах лишения свободы (например, она инвалид или ВИЧ-инфицированная), либо он доста-

точно низкий для возмещения ущерба, причиненного преступлением, при наличии еще ряда удержаний. С другой стороны, осужденная может иметь заработок в местах лишения свободы и возможность возместить ущерб потерпевшему, но не реализовывать это. В последнем случае данное обстоятельство расценивается судьями негативно и, как правило, является основанием для отказа в УДО.

При условно-досрочном освобождении важное значение имеет помощь администрации учреждений в трудовом и бытовом устройстве, так как наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются осужденные женщины при освобождении, касаются жилья и трудоустройства. Общество не должно оставлять человека без внимания в момент его освобождения. Отмечая большую роль администрации в ресоциализации осужденных женщин, особенно имеющих малолетних детей, необходимо подчеркнуть, что остается актуальным вопрос создания общегосударственной системы помощи гражданам, освободившимся из мест лишения свободы.

Сотрудникам администрации необходимо более тесно работать с центрами трудовой занятости, органами местного самоуправления, здравоохранения, социальной защиты населения, опеки и попечительства, различными организациями для оказания содействия осужденным женщинам в трудовом и бытовом устройстве. Одним из направлений совершенствования данной сферы является оказание помощи со стороны органов местного самоуправления. Она может выражаться в виде строительства специализированных общежитий для кратковременного проживания женщин, отбывших наказание и не имеющих жилья, создания центров социальной адаптации, которые будут заниматься предоставлением освобожденным временного места жительства, оказания им содействия в трудоустройстве, материальной, правовой, медицинской и иной помощи [8, с. 12–17].

В деятельности исправительных учреждений все чаще имеют место случаи освобождения женщин из мест лишения свободы без предварительного решения вопроса об их трудовом и бытовом устройстве, хотя на это рассчитывают обычно до четверти всех осужденных. Причина – отсутствие прочной законодательной базы, регулирующей взаимодействие администрации учреждения с органами исполнительной власти в решении данных вопросов. В связи с этим необходимо содействовать трудоустройству освободившихся женщин, курировать их связи с кадровыми агентствами, помогать осужденным женщинам в получении специальностей. Целесообразно также привлечение сотрудников центра занятости населения для проведения разъяснительных бесед с осужденными и

обсуждения с ними возможных вариантов трудоустройства.

После освобождения женщины ожидают помощи не только от администрации исправительных учреждений, но и от родственников, друзей, близких. Однако около 30 % лиц указанной категории были лишены моральной и материальной поддержки [2, с. 46–47]. В связи с этим представляется целесообразным для укрепления родственных связей осужденных женщин, стремящихся к исправлению, и для возможного получения УДО не ограничивать количество свиданий с родственниками, а в социальной и психологической работе уделять внимание мерам, способствующим сохранению семейных связей.

В целях облегчения решения вопросов, связанных с трудовым и бытовым устройством, законодателем закрепляются краткосрочные выезды осужденных для предварительного решения вопросов их трудового и бытового устройства после освобождения (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ). Однако администрация ИУ часто отказывает в предоставлении таких выездов, так как ее главным опасением является возможность невозвращения осужденной или совершение правонарушения во время проведения выезда. Подобные выезды осужденных связаны с определенным риском, который во многих случаях оправдан, учитывая тот факт, что в скором времени они так или иначе будут освобождены. Положительным моментом будет являться и то, что при предоставлении выезда осужденная постепенно начинает привыкать к условиям свободы, сможет своевременно решить проблемы, связанные с ее последующим трудовым и бытовым устройством, и все это будет проходить под контролем со стороны администрации учреждения, а также семьи и родственников [7, с. 79–80]. К тому же у нее будет дополнительный шанс выйти на свободу условно-досрочно.

Социальная и психологическая помощь условно-досрочно освобожденным женщинам не исключает строгого контроля за их поведением. Обычно к женщинам, условно-досрочно освобожденным, суды не предъявляют каких-либо требований к поведению. Это следует признать существенным недостатком современной практики [1, с. 203]. Конституция РФ и Семейный кодекс РФ обязывают родителей воспитывать и содержать своих несовершеннолетних детей, но в случае невыполнения этой обязанности органы опеки и попечительства могут лишь обратиться в суд с иском о лишении или ограничении родительских прав. Мы предлагаем в качестве дополнительной санкции за ненадлежащее выполнение своих родительских обязанностей отмену условно-досрочного освобождения осужденной женщины, имеющей малолетних детей. Нередко

осужденные женщины используют своих детей, чтобы условно-досрочно освободиться, а выйдя на свободу, не заботятся или вообще отдают их в детский дом. Чтобы искоренить эту негативную практику, предлагаем суду возлагать на условно-досрочно освобождаемую женщину обязанности по воспитанию и содержанию своих малолетних детей как способ закрепления достигнутого позитивного результата процесса ее исправления.

Существует также ряд пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве, регулирующем правомочия лиц, участвующих в соответствующем судебном заседании. Как отмечают Ю. А. Кашуба и А. П. Скиба, в данном судебном заседании по непонятной причине не обязан участвовать ни осужденный, ни прокурор (хотя они вправе обжаловать решение суда), а представитель администрации учреждения, исполняющего наказание, обязанный в нем участвовать, наоборот, не имеет права обжаловать решение суда [4, с. 15]. Это обстоятельство позволяет суду в какой-то мере вообще не учитывать мнение администрации ИУ, что является нелогичным, так как именно администрация ИУ имеет более полное представление о данной осужденной и о степени ее исправления.

Законодатель также не предусматривает вызов в судебное заседание иных лиц, которые в той или иной степени принимают участие в деятельности по исполнению лишения свободы в целом и в отношении конкретной осужденной в частности. Так, вызову могли бы подлежать психиатры и другие врачи, лечившие осужденную и знающие ее предрасположенность к совершению повторных преступлений, представители родительских коми-

тетов и попечительских советов в отношении несовершеннолетних осужденных, представители общественных наблюдательных комиссий и другие лица [4, с. 15]. Применительно к осужденным женщинам, имеющим малолетних детей, это могут быть, например, представители социальных служб. Мы разделяем мнение О. В. Макаровой, которая считает, что при решении вопроса об УДО необходимо обязательное привлечение психологов, имеющих возможность углубленно изучить поведение и личность осужденной женщины [6, с. 74].

Считаем целесообразным закрепить в законодательстве обязанность осужденного, прокурора, а также право иных лиц участвовать в судебных заседаниях по условно-досрочному освобождению осужденных женщин, имеющих малолетних детей.

Таким образом, проблемы правового регулирования условно-досрочного освобождения осужденных женщин, имеющих малолетних детей, отсутствие единообразной судебной практики по данному вопросу снижают значение условно-досрочного освобождения как поощрительного института уголовного и уголовно-исполнительного права, стимулирующего их правопослушное поведение. Корректировка положений уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в области применения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных женщин, имеющих малолетних детей, позволит унифицировать практику применения данного вида досрочного освобождения от отбывания наказания, а также повысить эффективность достижения целей уголовного-исполнительного законодательства.

Список литературы

1. Андриенко В. А. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения женщин от отбывания уголовного наказания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 1. С. 202–203.
2. Батищева Е. В. Роль и основные направления социальной работы с женщинами, находящимися в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4. С. 46–47.
3. Долгополов Д. Практика применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Уголовное право. 2010. № 4. С. 20–23.
4. Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 14–17.
5. Крымов А. А., Скиба А. П. Исполнение лишения свободы в отношении больных осужденных : монография / под общ. ред. Ю. А. Кашубы. Рязань, 2015. 257 с.
6. Макарова О. В. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и его применение // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 72–78.
7. Михлин А. С. О переводе на полусвободный режим. Освобождение от отбывания наказания // Совершенствование законодательных основ исполнения уголовных наказаний : сб. науч. тр. М., 1988. С. 79–80.
8. Ратникова Н. Д., Ковтуненко Л. В. Ресоциализация осужденных женщин в России на основе международного опыта // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 5. С. 12–17.
9. Соколов А. А. Реализация прав и законных интересов осужденных женщин, связанных с условно-досрочным освобождением из исправительных учреждений Московской области // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : сб. материалов

межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.) / под ред. О. А. Димони. Вологда, 2016. С. 64–69.

10. Соколова О. Основания применения условно-досрочного освобождения: анализ правоприменительной практики // Уголовное право. 2013. № 1. С. 66–70.

IRINA SERGEEVNA ONISHCHENKO,

lecturer, civil disciplines department

(VIPE of the FPS of Russia),

e-mail: onishchirina@mail.ru

**DISCHARGE ON PROBATION AHEAD OF TIME OF CONVICTED WOMEN
WITH INFANT CHILDREN:
PROBLEMS AND APPLICATION PRACTICE**

Abstract: one of the major institutes stimulating right obedient behavior of the women condemned to imprisonment is discharge on probation ahead of time from serving sentence. It should be noted that legislation doesn't contain peculiarities of discharge in respect to women having juvenile children though assessment of the degree of their correction has its own specific characteristics and requires additional legal regulation.

It is necessary to provide the maximum individualization of the process of setting free from the punishment assuming individual preparation of the condemned to the discharge on probation ahead of time, it is necessary to provide the program of social resettlement of the woman. It is advisable not to limit to the condemned women the number of meetings with relatives, especially with children.

Many judges consider cases of discharge on probation ahead of time of the condemned women having juvenile children subjectively because criteria of this type of discharge are not given in the legislation precisely enough. Lack of the opportunity for the condemned woman to be employed or her small income should not be the main criteria for the discharge on probation ahead of time. Assessment of extent of correction of the condemned woman demands adopting additional criteria for discharge on probation ahead of time, for example, her concern about her health, relationship with her child. It is possible to introduce new grounds for cancellation of discharge on probation ahead of time of the condemned woman having juvenile children, in particular, for example inadequate accomplishment of the parental responsibilities. It is also reasonable to enshrine in the legislation the right of the convict, of the prosecutor, and also the right of other persons (psychiatrists, social workers) to participate in the court sittings on the questions of discharge of the condemned women having juvenile children.

Key words: the condemned women, discharge on probation ahead of time, serving sentence, juvenile children, criteria of extent of correction.

References

1. Andrienko V. A. Aktualnye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya zhenschin ot otbyvaniya ugovnogo nakazaniya [The actual problems of parole of women serving a sentence]. Chernye dyry v rossiyskom zakonodatelstve – «Black holes» in the Russian legislation, 2007, no. 1, p. 203.

2. Batischeva E. V. Rol' i osnovnye napravleniya sotsialnoy raboty s zhenschinami, nakhodyaschimisya v mestakh lisheniya svobody [The role and main directions of social work with women sentenced to imprisonment]. Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta – The Vladimir law institute herald, 2007, no. 4, pp. 46–47.

3. Dolgoplov D. Praktika primeneniya sudami uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya [Court practice of granting parole to persons serving a sentence]. Uголовное право – Criminal law, 2010, no. 4, pp. 20–23.

4. Kashuba Yu. A., Skiba A. P. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: novyy vzglyad [The parole institution: a new look]. Chelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment, 2011, no. 1, p. 15.

5. Krymov A. A., Skiba A. P. Ispolnenie lisheniya svobody v otnoshenii bolnykh osuzhdennykh: monografiya [Execution of imprisonment in relation to sick convicts]. Under the editorship of Yu. A. Kashuba. Ryazan, 2015. 257 p.

6. Makarova O. V. Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya i ego primeneniye [The parole from serving a sentence and its application]. Zhurnal rossiyskogo prava – The Russian law journal, 2014, no. 10, p. 74.

7. Mikhlin A. S. O perevode na polusvobodnyy rezhim. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya [About transition to the semi-free regime. Exemption from punishment]. Sovershenstvovanie zakonodatelnykh osnov ispolneniya ugovolnykh nakazaniy [Improvement of the legislative basis of criminal punishments execution]. Moscow, 1988, pp. 79–80.

8. Ratnikova N. D., Kovtunenکو L. V. Resotsializatsiy osuzhdennykh zhenschin v Rossii na osnove mezhdunarodnogo opyta [Resocialization of convicted women in Russia on the basis of international experience]. Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoy sistemy – Sheets of a penal system, 2012, no. 5, pp. 12–17.

9. Sokolov A. A. Realizatsiya prav i zakonnykh interesov osuzhdennykh zhenschin svyazannykh s uslovno-dosrochnym osvobozhdeniem iz ispravitelnykh uchrezhdeniy Moskovskoy oblasti [Realization of convicted women's rights and legal interests concerning their parole from correctional facilities of the Moscow region]. Sbornik materialov mezhtseoblastnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy ispolneniya nakazaniya i resotsializatsii zhenschin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody» (Vologda, 22–23 iyunya 2016 g.) [Proc. the inter-regional scientific and practical conference «Problems of punishment execution and resocialization of women sentenced to imprisonment» (Vologda, 22–23 June, 2016)]. Vologda, 2016, pp. 64–69.

10. Sokolova O. Osnovaniya primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: analiz pravoprimeritelnoy praktiki [The parole application base: the law enforcement practice analysis]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2013, no. 1, p. 66.

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛИК,

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, почетный адвокат России
(Институт проблем эффективного государства и гражданского
общества Финансового университета при Правительстве РФ),
e-mail: 7226905@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Реферат: анализ судебной практики в области обеспечения правовой защиты осужденных позволил сделать выводы, которые необходимо учитывать при разработке законодательства в сфере уголовного судопроизводства.

Случаи реагирования со стороны государственных органов, направленного на обеспечение правовой защиты осужденных, крайне редки. В основном это инициатива самой личности, попавшей под уголовное преследование. В связи с этим большинство актов Конституционного Суда Российской Федерации направлены на смягчение различного рода ограничений в сфере правового статуса осужденных и имеют правозащитный характер. Содержание таких актов в данной сфере, как правило, связано с устранением ограничений, препятствующих осужденному получать юридическую помощь.

Акты Верховного Суда Российской Федерации являются более разнообразными как по своей направленности, так и по содержанию. Анализ этих актов не позволяет однозначно определить их правозащитную направленность в отношении осужденных. По своему содержанию большинство из них связано с определением режима исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Далее следуют акты, конкретизирующие объем прав и обязанностей осужденных, и лишь относительно небольшое число среди последней группы непосредственно направлены на обеспечение правовой защиты осужденных.

Ключевые слова: судебная практика, правовая защита осужденных, уголовно-исполнительное законодательство, права и свободы осужденных.

Как отмечает профессор В. И. Селиверстов, «за прошедшие 15 лет (с 1 июля 1997 г. по 30 декабря 2012 г.) было издано 58 федеральных законов, которыми в УИК РФ были внесены многочисленные изменения и дополнения. В Кодексе появились 29 новых статей, утратили силу 16 статей и одно приложение. Некоторые изменения и дополнения были обусловлены прошедшей корректировкой уголовного законодательства, являющегося базовым для уголовно-исполнительного, другие – реализацией правовых реформ в целом в государственной системе и в ее отдельных звеньях. Третьи имели самостоятельное значение и были направлены на совершенствование процесса исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, а также применения к осужденным мер исправительного воздействия. Однако достаточному числу из них присуща общая черта: они не соответствуют общепринятым приемам законодательной техники, что существенно снижает качество уголовно-исполнительного закона» [1].

По нашему мнению, отдельные изменения явились следствием правоприменительной деятельности,

которая выразилась в материалах судебной практики высших судебных органов, приведших в последующем к корректировкам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Конституционный Суд РФ осуществляет позитивное и негативное правотворчество, а потому его решения могут рассматриваться в качестве источников права [2, 3, 4]. Так, Н. В. Витрук выделяет следующие правотворческие полномочия Конституционного Суда РФ: 1) негативные законодательные полномочия, в пределах которых данный суд отменяет законы и другие нормативные акты, международные и внутригосударственные договоры, их отдельные положения в случае их несоответствия Конституции РФ; 2) позитивные законодательные полномочия, которые заключаются в рекомендациях законодателю осуществлять необходимое нормативно-правовое регулирование в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ [5].

Есть все основания для признания источниками права, в том числе уголовно-исполнительного,

именно решений Конституционного Суда РФ. Подобное мнение существует в науке как уголовного, так и уголовно-процессуального права. При этом одни авторы склонны рассматривать акты Конституционного Суда РФ в качестве источников, реализующих функции негативного правотворчества. Так, А. В. Наумов считает, что, «если соответствующие уголовно-правовые законы или отдельные их нормы будут признаны неконституционными, суды обязаны выносить свои решения (приговоры) на основе решения Конституционного Суда, то есть прецедент этого суда приобретает легальное официальное значение» [6].

Полагаем, что можем согласиться с таким подходом. Подтверждением полномочий по негативному правотворчеству Конституционного Суда РФ могут служить следующие нормативные положения. В ч. 2 ст. 125 Конституции РФ определено, что Конституционный Суд РФ уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации, Государственной Думы, не вступивших в силу международных договоров РФ. Согласно ч. 6 ст. 125 Конституции РФ акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению. В ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закрепляется положение о том, что решения Конституционного Суда РФ обязательны на всей территории России для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Конституционный Суд РФ обладает и позитивными правотворческими полномочиями. На это указывает также зафиксированная им правовая позиция. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Л. Верещака, В. М. Гладкова, И. В. Гольшева и К. П. Данилова» отмечается, что данная Конституционным Судом РФ оценка проверяемой правовой нормы как несоответствующей или, напротив, как соответствующей Конституции РФ и выявленный им конституционный смысл правовой нормы считаются обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя и не могут быть отвергнуты или преодолены в законодательной и правоприменительной практике. В связи с этим ни суды общей юрисдикции, разрешающие уголовные дела, ни органы, исполняющие наказание, реализуя свои полномочия, не

вправе придавать соответствующему нормативному положению какое-либо иное значение, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в его постановлении.

Таким образом, решения Конституционного Суда РФ содержат уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные нормы, поэтому могут рассматриваться в качестве источников данных отраслей в случае: 1) признания неконституционными отдельных норм; 2) определения конституционного смысла и содержания норм в ходе их толкования.

Другим примером правотворчества высших судебных органов в сфере уголовного права являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, по поводу природы и значения которых ведется давняя дискуссия.

Многие авторы считают, что постановления Пленума Верховного Суда РФ не есть источник права, в том числе уголовно-исполнительного, так как: 1) отрицают правотворческие функции за Верховным Судом РФ; 2) указывают на отсутствие в руководящих разъяснениях норм права; 3) апеллируют к тому, что Верховный Суд РФ не рассматривает себя как правотворческий орган; 4) полагают, что соответствующие акты содержат только интерпретационные нормы (нормы о нормах, нормы-разъяснения) о применении юридических норм; 5) считают данные акты не общеобязательными, а рекомендательными, поскольку такая общеобязательность не предусмотрена законом; 6) полагают, что общеобязательность данных актов не соответствовала бы зафиксированному в ст. 120 Конституции РФ принципу независимости судей и подчинения их только федеральному закону, а также положениям ст. 1, 3 УК РФ, ст. 1 УПК РФ, ст. 3 УИК РФ [7, с. 148; 8, с. 150–157; 9, с. 355]. В частности, А. И. Парог обращает внимание на теоретическую и практическую необоснованность отдельных положений, содержащихся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, и видит высшую ценность и основу подлинного правосудия вне зависимости суда от данных разъяснений [10].

Существует и иная точка зрения на рассматриваемую проблему, согласно которой постановления Пленума Верховного Суда РФ являются источниками уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, поскольку они: 1) обязательны для судов; 2) формулируют новые нормы уголовного права, расширительно и ограничительно толкуют данные нормы; 3) конкретизируют, уточняют и дополняют содержание уголовного закона; 4) являются нормативными правовыми актами, обладают всеми признаками правовой нормы, в том числе имеют общеобяза-

тельную силу в соответствии со ст. 56 Закона РФ «О судостроительстве», которая разъяснения Верховного Суда именуется руководящими; 5) используются в судебной практике [11, с. 206–208; 12, с. 39; 13, с. 126–127; 14, с. 47–48].

Авторы, предлагающие признать постановления Пленума Верховного Суда РФ источниками уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права, обращают внимание также на то, что на основе указанных актов осуществляется фактическая криминализация определенных деяний без изменения буквы уголовного закона, поскольку Верховный Суд РФ своим пониманием этой буквы расширяет сферу преступного и наказуемого [15, с. 20]. По мнению ученых, постановления Пленума Верховного Суда РФ выполняют функцию фактического, нелегального источника, что рассматривается как вынужденная мера [16].

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ часто содержатся положения, отсутствующие в тексте закона, но не противоречащие ему и развивающие его нормы. Это дает повод рассмотреть указанную проблему с несколько иной точки зрения. Норма права может быть представлена как совокупность суждений, представляющих собой связь между понятиями. Содержанием понятия называется совокупность существенных признаков предмета, которая мыслится в данном понятии, то есть все то, что содержит такие признаки, – неотъемлемая часть понятия, следовательно, нормы права.

На основании изложенного предлагается рассматривать постановления Пленума Верховного Суда РФ в качестве источников уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права в той мере, в какой они развивают положения существующего законодательства и не противоречат ему.

Переходя к непосредственному исследованию основополагающих материалов судебной практики в области обеспечения правовой защиты осужденных, следует отметить, что большинство актов Конституционного Суда РФ связаны с различными нарушениями правового режима предоставления юридической помощи осужденным к лишению свободы.

Частью 2 ст. 10 УИК РФ установлено, что «при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации».

Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что «...установление ограничений прав и свобод должно быть соразмерно защищаемым Конституцией и законами ценностям правового

государства. Эти ограничения должны учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства». Суд подчеркивает, что «принципы определенности и соразмерности требуют также установления законодателем четких и разумных временных рамок, допускаемых ограничений прав и свобод» (определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-О). Данное положение корреспондируется с мнением по данному вопросу В. Д. Зорькина: «Вопрос заключается в том, до каких пределов можно идти в ограничении конституционных прав человека? Где та черта, за которой ограничение прав человека превращается в их отрицание? Во имя чего и кого проводятся эти ограничения? Как обеспечить баланс безопасности государства и соблюдения прав человека?» [17].

Право на получение юридической помощи гарантируется осужденным ст. 12 УИК РФ. Для ее получения осужденному, согласно ч. 4 ст. 89 УИК РФ, по его заявлению предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи. По желанию осужденного и указанных лиц свидания могут предоставляться наедине.

26 декабря 2003 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича». Рассматривая жалобу, Конституционный Суд РФ подчеркнул, что ч. 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи каждому гражданину, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления, – право на помощь адвоката (защитника) соответственно с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Исходя из Конституции это должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении наказания.

В судебной практике встречались случаи, когда осужденный ходатайствовал о предоставлении ему адвоката для защиты интересов в суде за счет государства, как это установлено ст. 48 Конституции РФ. Подобного рода ходатайства фактически оставались без удовлетворения, и дела рассматривались без участия адвоката. В связи с этим Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 января 2004 г. в отно-

шении осужденного П., отметил следующее: «Право подозреваемого и обвиняемого на защиту при производстве по уголовному делу закреплено в ст. 16 УПК РФ в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, в силу чего положения данной статьи распространяются на все стадии уголовного процесса. По смыслу ст. 16, 50 УПК РФ (регламентирующих порядок реализации права на защиту) приглашение, назначение, замена адвоката (защитника) и оплата его труда в отношении осужденного осуществляется по тем же правилам, что и в отношении подозреваемого и обвиняемого. Иное толкование положений ст. 16 и 50 УПК РФ противоречило бы ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, гарантирующей каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, и означало бы ничем не оправданное ограничение процессуальных прав осужденного по сравнению с такими же правами, предусмотренными законом для лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Более того, сам по себе переход от одной процессуальной стадии к другой не может повлечь за собой ограничение права на защиту, закрепленного в качестве принципа уголовного судопроизводства» (постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 марта 2006 г. № 934-П05-ПР).

Значимым в вопросе обеспечения правовой защиты осужденных является определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 428-О-П «По жалобе гражданки Кирюхиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пунктом 6 статьи 14 Закона Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“».

Как следует из представленных материалов, по настоянию сотрудника исправительной колонии строгого режима УШ-382/3 (г. Балашов Саратовской области) адвокат И. П. Кирюхина, прибывшая для оказания юридической помощи в составлении надзорной жалобы осужденному К. А. Даниеляну, несмотря на то что предварительно ею были сданы все личные вещи, кроме ручки, бумаги, брошюры с текстом Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и договора поручения, была вынуждена пройти личный досмотр, в ходе проведения которого ей пришлось раздеться до пояса. В ответах на жалобы И. П. Кирюхиной на правомерность действий сотрудников учреждения УШ-382/3 начальник этого учреждения и прокурор Саратовской областной прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Саратовской области разъяснили, что проведение досмотра было осуществлено в полном со-

ответствии с предписаниями ч. 6 ст. 82 УИК РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», которые, закрепляя соответствующее полномочие администрации исправительного учреждения, не устанавливают каких-либо исключений, в том числе в отношении адвокатов.

Между тем оказание квалифицированной юридической помощи – важная публичная функция, благодаря которой обеспечиваются как защита прав личности, так и решение задач, стоящих перед правосудием. Право на получение квалифицированной юридической помощи как одно из наиболее значимых закреплено в Конституции Российской Федерации (ст. 48), провозглашается в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 5). Соответственно государство, гарантируя данное право, обязано создать надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, – для эффективного осуществления их деятельности.

Конституционный Суд РФ определил, что «положения части шестой статьи 82 УИК РФ и пункта 6 статьи 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не могут рассматриваться как допускающие произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, – без достаточных фактических оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и результата соответствующих действий».

Кроме того, ряд определений Конституционного Суда РФ вынесен в связи с нарушением конституционных прав граждан и проверкой конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ в части оказания адвокатами юридической помощи подозреваемым, обвиняемым и осужденным. В частности, необходимость усиления гарантий независимости адвоката и соблюдения адвокатской тайны была подтверждена в определении Конституционного Суда от 29 мая 2007 г. № 516-О.

Ряд актов Верховного Суда РФ касаются обеспечения возможности самозащиты своих прав осужденным. Так, в целях соблюдения основополагающих принципов судопроизводства, обеспечения права на защиту при исполнении уголовных наказаний в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике услов-

но-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» подчеркивается, что при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания судья по просьбе осужденного обязан обеспечить ему личное участие в судебном заседании либо посредством видеосвязи для изложения своей позиции и представления в ее подтверждение необходимых сведений.

Определенные аспекты обеспечения правовой защиты осужденных содержатся также в постановлениях Верховного Суда РФ от 20 декабря 2008 г. № 16 и от 11 января 2007 г. № 2, а также в 16 нормативных актах высших судебных органов Российской Федерации, которые были изданы за последние 5 лет.

Большое число материалов в данной области касается режима содержания осужденных, значительное количество постановлений Верховного Суда РФ связано с конкретизацией самого порядка исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. При этом необходимо отметить довольно плохую изученность судебной практики в области уголовно-исполнительного права, отсутствие в этой сфере каких-либо теоретических обобщений, классификаций, обозначения основных тенденций развития.

Завершая анализ судебной практики в области обеспечения правовой защиты осужденных, можно

сделать следующие выводы, которые необходимо учесть при разработке законодательства в сфере уголовного судопроизводства.

1. По результатам исследования материалов судебной практики можно отметить крайне редкие случаи реагирования со стороны государственных органов, направленные на обеспечение правовой защиты осужденных. Как правило, это является инициативой со стороны самой личности, попавшей под уголовное преследование. В связи с этим большинство актов Конституционного Суда РФ направлены на смягчение различного рода ограничений в сфере правового статуса осужденных и имеют правозащитный характер. При этом содержание актов Конституционного Суда РФ в данной сфере в большинстве случаев связано с устранением различных ограничений, препятствующих осужденному получать юридическую помощь.

2. Акты Верховного Суда РФ являются более разнообразными как по своей направленности, так и по содержанию. Анализ этих актов не позволяет однозначно определить их правозащитную направленность в отношении осужденного. По своему содержанию большинство этих актов связано с конкретизацией режима исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, далее следуют акты, конкретизирующие объем прав и обязанностей осужденных, и лишь относительно небольшое число среди последней группы непосредственно направлены на обеспечение правовой защиты осужденных.

Список литературы

1. Селиверстов В. И. Новый уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: содержание и перспективы принятия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 15. С. 69–87.
2. Бахрах Д. Н., Бурков А. Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 11–22.
3. Морозова Л. А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 19–23.
4. Романова О. В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 7. С. 84–87.
5. Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 99–100.
6. Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58.
7. Шаргородский М. Д. Избранные труды. М., 2004. 313 с.
8. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. 432 с.
9. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1981. Т. 1. 361 с.
10. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 53–57.
11. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. 262 с.
12. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985.
13. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. М., 2005. 112 с.
14. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право. М., 2010. С. 109–115.

15. Наумов А. В. Источники уголовного права. М., 2005.
16. Коняхин В. П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. 1988. № 1. С. 42–43.
17. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развитии Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 83–87.

VALERY NIKOLAEVICH BELIK,

phd in law, associate professor,
leading researcher, honourable lawyer of Russia
(Institute of problems of the effective state
and civil society financial university in case of the Government of the Russian Federation),
e-mail: 7226905@mail.ru

**THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE LEGAL PROTECTION
OF CONVICTED PERSONS TO IMPRISONMENT:
ANALYSIS OF MATERIALS OF JUDICIARY PRACTICE**

Abstract: the analysis of court practice in the field of providing legal protection of convicts allowed the author to draw the following conclusions which need to be considered in case of development of the legislation in the sphere of criminal trial.

It should be noted that the reaction cases from state bodies aimed at providing legal protection of convicts are extremely rare. Generally it is an initiative of the personality who got under criminal prosecution. With respect thereto the majority of acts of the Constitutional court of the Russian Federation are directed to different mitigation of restrictions in the sphere of legal status of convicts and have human rights nature. Contents of such acts in this sphere are, as a rule, connected with elimination of various restrictions interfering the convict to receive legal aid.

Acts of the Supreme court of the Russian Federation are more various both on the orientation, and on content. The analysis of these acts doesn't allow to determine unambiguously their human rights orientation concerning convicts. On the content most of them is connected with determination of the mode of execution of criminal sanction in the form of imprisonment. Further the acts concretizing amount of the rights and obligations of convicts follow, and only relatively a small number among the last group are directly aimed at providing legal protection of convicts.

Key words: court practice, legal protection of convicts, penal legislation, rights and freedoms of convicts.

References

1. Seliverstov V. I. Novyj ugovolno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: sodержanie i perspektivy prinjatija [New Penal Code of the Russian Federation: contents and prospects of acceptance]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of the Moscow state linguistic university, 2014, no. 15, pp. 69–87.
2. Bahrah D. N., Burkov A. L. Akty pravosudija kak istochniki administrativnogo prava [Acts of justice as sources of administrative law]. Zhurnal rossijskogo prava – Magazine of Russian law, 2004, no. 2, pp. 11–22.
3. Morozova L. A. Eshhe raz o sudebnoj praktike kak istochnike prava [Once again about jurisprudence as a right source]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2004, no. 1, pp. 19–23.
4. Romanova O. V. K voprosu o ponjatii i pravovoj prirode pravovyh pozicij Konstitucionnogo Suda RF [To a question of a concept and the legal nature of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2001, no. 7, pp. 84–87.
5. Vitruk N. V. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: ponjatie, priroda, juridicheskaja sila i znachenie [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept, nature, validity and value]. Konstitucionnoe pravo: vostochno-evropejskoe obozrenie – Constitutional law: East European review, 1999, no. 3, pp. 99–100.
6. Naumov A. V. Sblizhenie pravovyh sistem kak itog razvitija ugovolnogo prava XX v. i ego perspektiva v XXI v. [Rapprochement of legal systems as a result of development of criminal law of the 20th century and its prospect in the 21st century]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 1998, no. 6, pp. 50–58.
7. Shargorodskij M. D. Izbrannye trudy [Chosen works]. Moscow, 2004. 313 p.

8. Cherdancev A. F. Teorija gosudarstva i prava [Theory of the state and law]. Moscow, 2002. 432 p.
9. Alekseev S. S. Obshhaja teorija prava [General theory of law]. In 2 vol. Moscow, 1981. Vol. 1. 361 p.
10. Rarog A. I. Pravovoe znachenie raz'jasnenij Plenuma Verhovnogo Suda RF [Legal value of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2001, no. 2, pp. 53–57.
11. Kropachev N. M. Ugolovno-pravovoe regulirovanie. Mehanizm i sistema [Criminal and legal regulation. Mechanism and system]. St. Petersburg, 1999. 262 p.
12. Kulygin V. V. Jetnokul'tura ugovnogo prava. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Ethnoculture of criminal law. Cand. legal sci. diss. abstract]. Moscow, 1985.
13. Konjahin V. P. Teoreticheskie osnovy postroenija Obshhej chasti rossijskogo ugovnogo prava [Theoretical bases of creation of the General part of the Russian criminal law]. Moscow, 2005. 112 p.
14. Pudovochkin Ju. E. Juvenal'noe ugovnoe pravo [Juvenile criminal law]. Moscow, 2010, pp. 109–115.
15. Naumov A. V. Istochniki ugovnogo prava [Sources of criminal law]. Moscow, 2005.
16. Konjahin V. P. Istochniki ugovno-pravovyh norm Obshhej chasti [Sources of criminal precepts of law of the General part]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1988, no. 1, pp. 42–43.
17. Zor'kin V. D. Rol' Konstitucionnogo Suda v obespechenii stabil'nosti i razvitii Konstitucii [A role of the Constitutional Court in ensuring stability and development of the Constitution]. Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie – Comparative constitutional review, 2004, no. 3, pp. 83–87.

БОРИС АНДРЕЕВИЧ БЫКОВ,
адъюнкт заочной формы обучения
(Академия управления МВД России),
e-mail: editor62@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Реферат: в статье рассмотрены различные научные подходы к формулированию научного понятия «экономическая безопасность». На основе правового анализа Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года предлагается авторское определение понятия национальной экономической безопасности, рассматривается его содержание и структура. Делается вывод о том, что национальная экономическая безопасность – состояние общественных отношений, характеризующееся наличием в государстве целостной, упорядоченной, стабильной системы политических, правовых, экономических, финансовых, культурных и иных средств, при которых экономика приобретает свойство поддерживать устойчивость и способность к самосохранению и динамическому развитию, обеспечению национальных интересов вне зависимости от внешних или внутренних факторов, упоминаемых в качестве угроз в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года или иных документах стратегического планирования в рассматриваемой области.

Ключевые слова: экономическая безопасность, стратегия, угрозы национальной безопасности, понятие национальной безопасности.

Отсутствие нормативной трактовки термина «экономическая безопасность» обуславливает наличие бесконечного множества научных определений данного понятия. Они сводятся в основном к указанию целей обеспечения экономической безопасности государства, целей военного и оборонного характера, не обозначая при этом, каким образом будут учтены вопросы экономической безопасности личности, объединений экономической направленности и общества, опускаются также другие важнейшие составляющие, такие как угрозы в экономической сфере, экономические интересы.

Вот лишь немногие определения экономической безопасности.

С. А. Афонцев указывает на то, что «экономическая безопасность – устойчивость национальной экономической системы к эндогенным и экзогенным шокам экономического или политического происхождения, проявляющаяся в ее способности нейтрализовать потенциальные источники негативных шоков и минимизировать ущерб, связанный с реально произошедшими шоками» [1, с. 66].

Ю. С. Курочкин определяет экономическую безопасность как «способность экономики удовлетворять внутренний спрос и компенсировать предложение (оплатить восполнение спроса) извне собственными ресурсами» [2, с. 1153].

Л. И. Абалкин считает, что экономическая безопасность – «это совокупность условий и факто-

ров, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [3, с. 110–111].

Р. Ф. Исмагилов указывает, что «экономическая безопасность – один из наиболее важных элементов национальной безопасности. Ее можно рассматривать как состояние национальной экономики, способное обеспечить эффективное удовлетворение общественных потребностей, а также технико-экономическую независимость страны в условиях внешних и внутренних угроз» [4, с. 27].

Профессор В. К. Сенчагов отмечает, что «сущность экономической безопасности можно определить как такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [5, с. 117].

Теоретико-философское осмысление рассматриваемой проблемы с точки зрения диалектического подхода и системного анализа позволяет предложить собственное видение ее решения. Оно, по нашему мнению, заключается в необходимости уйти от выработки универсального для применения (как внутри страны, так и за ее пределами) понятия экономической безопасности (что практически невозможно) в сторону формулирования тако-

го определения с конкретно-исторической и территориальной точки зрения – для решения практических задач обеспечения экономической безопасности Российской Федерации с последующим закреплением его в документах стратегического планирования на ближайшие 5–7 лет. Такое определение правомерно обозначать только как национальную экономическую безопасность, что в лучшей степени подчеркнет его сущностную характеристику.

Рассмотрение национальной экономической безопасности с конкретно-исторической точки зрения позволит эффективно координировать ее систему и как функциональную структуру, то есть отражающую процессы взаимодействия интересов и угроз, и как организационную структуру, отражающую построение органов, сил, средств, организаций, общества в рамках решения задач по обеспечению экономической безопасности с учетом наибольшей актуальности для текущего момента.

Ввиду конкретно-исторического содержания определения за рамками национального понимания применение данного термина бессмысленно. Здесь используется конкретный анализ явлений, угрожающих экономике страны в определенный период, их взаимосвязь и степень остроты.

Несмотря на то что в России нет самостоятельного правового документа, содержащего перечень угроз в сфере национальной экономической безопасности, обратимся к Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и попытаемся вычленил эти угрозы.

Обращает на себя внимание логика документа, выстроенная таким образом, что внешние и внутренние угрозы национальной экономической безопасности хотя текстуально и не выделены, но все же перечислены в соответствующей последовательности. Среди внешних угроз выделены:

- углубление разрыва между уровнями благосостояния стран, борьба за ресурсы и доступы к рынкам сбыта, борьба за контроль над транспортными артериями и лидерство в освоении ресурсов Мирового океана и Арктики (п. 13);

- глубокий социально-экономический кризис на Украине, превращающий ее в длительный очаг нестабильности непосредственно у границ России (п. 17);

- ослабление устойчивости системы международных экономических отношений, растущая суверенная задолженность, волатильность рынка энергоресурсов (п. 24).

Внутренних угроз выявлено значительно больше:

- коррупция, которая признана препятствием устойчивому развитию Российской Федерации (при этом коррупция упоминается в качестве угрозы как экономической, так и государственной и

общественной безопасности сразу в двух пунктах – 43 и 46 соответственно);

- неблагоприятная динамика развития экономики, отставание в технологическом развитии, введение ограничительных экономических мер против Российской Федерации, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, усиление дифференциации населения по уровню доходов, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг (п. 51);

- низкая конкурентоспособность экономики, сохранение экспортно-сырьевой модели развития, высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая труднедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы населения (п. 56);

- глобальные и региональные экономические кризисы, усиление недобросовестной конкуренции, неправомерное использование юридических средств, нарушение стабильности тепло- и энергоснабжения субъектов национальной экономики, а в перспективе дефицит минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов (п. 57).

Представленный перечень содержит значительное число угроз криминального характера, что должно быть непосредственным ориентиром для деятельности правоохранительных органов. Среди них названы: коррупция, нецелевое расходование бюджетных ассигнований, теневая экономика, усиление недобросовестной конкуренции и некоторые другие.

Появление в рамках рассмотрения вопроса об экономической безопасности любых объективных характеристик предопределяет переход мыслительного процесса от общетеоретических умозрительных формул к фиксации реально существующего системного явления, коим предстает национальная экономическая безопасность при наделении ее конкретно-временными показателями. Ее системный характер предопределяется в первую очередь взаимодействием таких компонентов, как угрозы и интересы, которые порождают бесчисленное мно-

жество разнообразных правоотношений, связанных с реализацией правовой охраны в экономической сфере.

Таким образом, по своей природе система национальной экономической безопасности – это функциональная система, отражающая процессы (динамику правоотношений) в рамках взаимодействия национальных интересов и угроз в области экономики. Следуя логике, связка явлений «интересы – угрозы» выступает столь же неразрывным диалектическим противоречием, что и «опасность – безопасность», постоянно коррелируя и развивая друг друга. Как и в любой социальной среде, взаимодействие указанных компонентов не замкнуто, а развивается под влиянием как внешних объективных факторов, так и факторов внутрисистемного порядка.

Изучение научных работ позволяет сделать вывод о том, что вопрос о структуре системы национальной экономической безопасности является далеко не однозначным. Более того, многие авторы его игнорируют даже в докторских диссертациях (например, В. З. Карданов [6], С. Н. Максимов [7]) или описывают поверхностно, что, на наш взгляд, совершенно неоправданно, поскольку именно понимание экономической безопасности как системного явления способствует формированию основ административно-правового регулирования государственного управления в рассматриваемой области.

Так, Р. Ф. Исмагилов указывает, что «экономическая безопасность является сложным системным явлением, в составе которого выделяются различные ее виды, реализуемые с помощью различных, порой разнонаправленных мер, так как конкретные параметры экономической безопасности страны являются производными от реально проводимого политического и экономического курса» [4, с. 27].

В диссертации А. К. Есяна «система экономической безопасности государств – членов евразийских международных организаций представлена трехуровневой структурой: «нижний (базисный) уровень экономической безопасности составляет материальная база, включающая в себя: материальное производство (промышленность и сельское хозяйство); финансовую систему; бюджетную систему и бюджетное финансирование всех уровней; систему налогов и сборов (механизм, обеспечивающий приток достаточных средств в федеральный бюджет, бюджеты субъектов Федерации и муниципальных образований); средний уровень экономической безопасности состоит из организационной и правовой основ; верхний уровень системы экономической безопасности составляют меры ее обеспечения» [8]. На наш взгляд, представленная система весьма сомнительна, поскольку в ней пе-

речисляются разноуровневые компоненты, которые в своей множественности хотя и взаимосвязаны одним предметным полем, но в своей совокупности не составляют единое целое по отношению к ключевому понятию экономической безопасности.

А. В. Сюсюкин включает в структуру экономической безопасности две составляющие: «во-первых, это такое состояние подлежащих правовому регулированию общественных отношений, при котором поведение субъектов права в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ соответствует установленным правовым предписаниям; во-вторых, это такое состояние законодательства, регулирующего сферу экономических отношений, при котором оно соответствует требованиям безопасности» [9, с. 11]. Автор не называет указанные компоненты системой, но и не рассматривает этот вопрос более подробно.

В определении Г. Ю. Малумова происходит подмена понятия «система экономической безопасности» другим – «система обеспечения экономической безопасности», что по своей теоретико-правовой природе должно различаться как статика и динамика соответственно. Он, в частности, пишет: «Система экономической безопасности представляет собой целенаправленно сформированную на основе принципов и норм Конституции Российской Федерации структуру (механизм) взаимодействия специальных субъектов (органов государственной власти, правоохранительных органов), деятельность которой обеспечивает состояние устойчивости и защищенности общественных отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ от воздействия внешних и внутренних факторов, представляющих угрозу их функционированию и развитию, а также препятствующих реализации конституционных прав и свобод, законных интересов всех субъектов экономического взаимодействия и надежно обеспечивающих существование и прогрессивное развитие личности, общества и государства и последовательную реализацию национально-государственных интересов» [10].

Одной из немногих работ, в которой уделено значительное внимание структурированию системы экономической безопасности, является учебник «Экономическая безопасность России» профессора В. К. Сенчагова, в которой автор выделяет семизвенную структуру указанной системы, а именно включает в нее «концепцию национальной безопасности, национальные интересы России в сфере экономики, угрозы экономической безопасности, индикаторы экономической безопасности, пороговые значения индикаторов экономической безопасности, организационную структуру экономи-

ческой безопасности, правовое обеспечение экономической безопасности» [11].

Несмотря на справедливость указанных компонентов, по нашему мнению, представленную профессором структуру без угрозы для ее содержания можно было бы сократить до трех основных компонентов: национальные интересы в сфере экономики, угрозы экономической безопасности, система обеспечения экономической безопасности. В последний из указанных компонентов вполне укладываются такие компоненты, как индикаторы экономической безопасности, пороговые значения индикаторов экономической безопасности, организационная структура экономической безопасности, правовое обеспечение экономической безопасности. Упомянутая же профессором концепция национальной безопасности в настоящее время заменена Стратегией национальной безопасности, которая укладывается в рамки правового обеспечения и не нуждается в самостоятельном выделении.

Подобные рассуждения вполне соответствуют выводам некоторых фундаментальных работ в области национальной безопасности. Например, И. Б. Кардашова указывает, что «можно представить национальную безопасность как систему, состоящую из элементов: интересы; угрозы и другие факторы воздействия на интересы; система обеспечения национальной безопасности. Интересы и угрозы, в свою очередь, постоянно испытывают воздействие со стороны других элементов системы национальной безопасности: факторов внутренней и внешней окружающей среды и действий управляющей системы» [12, с. 24–25].

На основе приведенных рассуждений можно сделать вывод о том, что в систему национальной экономической безопасности входят: национальные интересы Российской Федерации в экономической сфере, угрозы национальным интересам, система обеспечения экономической безопасности, внутренние и внешние факторы окружающей среды.

Объективная особенность системы экономической безопасности – ее дуалистическая природа, заключающаяся в том, что она является, во-первых, самостоятельной полноценной системой, стремящейся к самосохранению, во-вторых, элементом системы более высокого порядка – системы национальной безопасности, в отношении которой выполняет охранительные функции в соответствующем секторе безопасности. Исследователь теории без-

опасности Н. В. Щедрин справедливо указывает на свойства систем безопасности, наличие которых способствует их сохранению и успешному функционированию. В частности, он пишет: «Утрата хотя бы одного из названных свойств означает разрушение системы. Чтобы этого не произошло, всякая система должна обеспечивать свою безопасность, то есть состояние целостности, упорядоченности, устойчивости, а также способности к самоуправлению и управлению» [13, с. 71–73]. Автор подробно описывает каждое из названных свойств. «Целостность – единство управляющих и управляемых частей системы, обеспечиваемое информационными, энергетическими, транспортными (пространственно-временными, причинно-следственными) связями, необходимое для реализации ее главной и функциональной целей. Упорядоченность – структура (строение, организованность, целесообразное размещение частей системы и их качественное своеобразие). Устойчивость – стабильность, динамическое равновесие в статическом смысле (в определенных пределах), сопротивляемость, живучесть. Самоуправление – взаимодействие частей системы, направленное на достижение главной цели системы – самосохранения. Управление – взаимодействие системы как части (подсистемы) и вышестоящей системы в направлении движения функциональной цели – сохранения вышестоящей системы» [13, с. 71–73].

Приведенные рассуждения относительно сущностных, целевых, системных, функциональных аспектов национальной экономической безопасности, а также обозначенных в Стратегии национальной безопасности угроз в сфере экономики позволяют сформулировать определение национальной экономической безопасности с конкретно-исторической точки зрения. По нашему мнению, национальная экономическая безопасность – состояние общественных отношений, характеризующееся наличием в государстве целостной, упорядоченной, стабильной системы политических, правовых, экономических, финансовых, культурных и иных средств, при которых экономика приобретает свойство поддерживать устойчивость и способность к самосохранению и динамическому развитию, обеспечению национальных интересов, вне зависимости от внешних или внутренних факторов, упоминаемых в качестве угроз в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года или иных документах стратегического планирования в рассматриваемой области.

Список литературы

1. Афонцев С. А. Дискуссионные проблемы концепции национальной экономической безопасности // Россия XXI. 2001. № 2. С. 66.
2. Курочкин Ю. С. Экономическая война. Новосибирск, 2001. 1192 с.
3. Экономическая безопасность Российской Федерации : учеб. для вузов / под общ. ред. С. В. Степашина. М. ; СПб., 2001. Ч. 1.

4. Исмагилов Р. Ф. Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000.
5. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России : учебник. М., 2005. 896 с.
6. Карданов В. З. Правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 207 с.
7. Максимов С. Н. Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 313 с.
8. Есаян А. К. Криминологические основы обеспечения евразийской экономической безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 431 с.
9. Сюсюкин А. В. Административно-правовое регулирование в сфере обеспечения экономической безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 191 с.
10. Малумов Г. Ю. Конституционно-правовой статус системы экономической безопасности Российской Федерации и ее субъектов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 209 с.
11. Экономическая безопасность России. Общий курс : учебник. 2-е изд. / под ред. В. К. Сенчагова. М., 2005. 896 с.
12. Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2006. 494 с.
13. Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск, 1999. 180 с.

BORIS ANDREEVICH BYKOV,

adjunct of the correspondence course

(The Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia),

e-mail: editor62@yandex.ru

HOMELAND ECONOMIC SAFETY: SCIENTIFIC APPROACHES, DETERMINATION OF THE CONCEPT, STRUCTURAL ANALYSIS

Abstract: in article various scientific approaches to a formulation of the scientific concept «economic safety» are considered. On the basis of the legal analysis of Strategy of a homeland security of the Russian Federation author's determination of a concept of a homeland economic safety is offered, its content and structure is considered.

The author comes to a conclusion that a homeland economic safety – the condition of the public relations which is characterized by availability in the state of the complete, ordered, stable system of political, legal, economic, financial, cultural and other resources in case of which the economy purchases property to maintain stability and a capability to self-preservation and dynamic development, ensuring national interests, regardless of the external or internal factors mentioned as threats of the Strategy of a homeland security of the Russian Federation or other documents of strategic planning in the considered area.

Key words: economic safety, strategy, threats of a homeland security, concept of a homeland security.

References

1. Afoncev S. A. Diskussionnye problemy koncepcii nacional'noj jekonomicheskoy bezopasnosti [Debatable problems of the concept of a homeland economic safety]. Rossiya XXI – Russia, 2001, no. 2, p. 66.
2. Kurochkin Ju. S. Jekonomicheskaja vojna [Economic war]. Novosibirsk, 2001. 1192 p.
3. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii [Economic safety of the Russian Federation]. Under the editorship of S. V. Stepashin. Moscow, St. Petersburg, 2001. Part 1.
4. Ismagilov R. F. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii (teoretiko-pravovoj analiz). Dis. d-ra jurid. nauk [Economic safety of Russia (teoretiko-legal analysis). Dr. legal sci. diss.]. St. Petersburg, 2000.
5. Senchagov V. K. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii [Economic safety of Russia]. Moscow, 2005. 896 p.
6. Kardanov V. Z. Pravovoe obespechenie jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Dis. d-ra jurid. nauk [Legal support of an economic safety of the Russian Federation. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2004. 207 p.
7. Maksimov S. N. Administrativno-pravovoe obespechenie jekonomicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: konceptual'nye i metodologicheskie aspekty. Dis. d-ra jurid. nauk [Administrative legal support of an economic safety in the Russian Federation: conceptual and methodological aspects. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2014. 313 p.

8. Esajan A. K. Kriminologicheskie osnovy obespechenija evrazijskoj jekonomicheskoy bezopasnosti. Dis. d-ra jurid. nauk [Criminological bases of ensuring the Euroasian economic safety. Dr. legal sci. diss.]. Moscow, 2011. 431 p.
9. Sjusjukin A. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie v sfere obespechenija jekonomicheskoy bezopasnosti. Dis. kand. jurid. nauk [Administrative legal regulation in the sphere of ensuring an economic safety. Cand. legal sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 191 p.
10. Malumov G. Ju. Konstitucionno-pravovoj status sistemy jekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii i ee sub'ektov. Dis. kand. jurid. nauk [Constitutional legal status of system of an economic safety of the Russian Federation and its subjects. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2009. 209 p.
11. Jekonomicheskaja bezopasnost' Rossii. Obshhij kurs [Economic safety of Russia. General rate]. The 2nd edition. Under the editorship of V. K. Senchagov. Moscow, 2005. 896 p.
12. Kardashova I. B. MVD Rossii v sisteme obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [The Ministry of Internal Affairs of Russia in system of ensuring national security of the Russian Federation]. Moscow, 2006. 494 p.
13. Shhedrin N. V. Vvedenie v pravovuju teoriju mer bezopasnosti [Introduction in a legal theory of security measures]. Krasnojarsk, 1999. 180 p.

ЛЮБОВЬ АНАТОЛЬЕВНА МАЛЕНКОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
начальник кафедры бухгалтерского учета,
анализа, финансов и налогообложения
(Академия ФСИН России),
e-mail: mla11@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Реферат: в настоящее время уголовно-исполнительная система, как и многие другие хозяйствующие субъекты, находится на наиболее сложном этапе реформирования. Одним из перспективных направлений развития производственного комплекса уголовно-исполнительной системы является совершенствование организации учета и отчетности в федеральных государственных унитарных предприятиях Федеральной службы исполнения наказаний, призванных обеспечить рост экономической эффективности и занятости осужденных на производственных объектах.

В статье определяется порядок составления, представления и использования внутренней управленческой отчетности как основы для принятия правильных решений на всех уровнях управления. Существенное значение при этом имеют доступное расположение и подача информации в формах внутренней отчетности. В качестве основных форм представления управленческой отчетности отмечены таблицы, графики, текст, а также их различные комбинации. К основным принципам отнесены релевантность, оперативность, адресность (цель), достаточность (полнота), достоверность, сопоставимость, эффективность, контролируемость, наглядность и конфиденциальность.

В методологии формирования управленческой отчетности выделены три основных этапа: подготовительный, основной и заключительный.

В целях создания единых норм и правил формирования внутренней отчетности необходимо разработать положение о внутренней управленческой отчетности с указанием конкретных форм и требований к их заполнению.

Ключевые слова: бухгалтерская отчетность, внутренняя управленческая отчетность и ее формы, принципы, методы, управленческие решения.

В условиях современной рыночной экономики конкурентоспособность и надежность предприятий во многом зависит от сложившейся системы информационного обеспечения для качественного и оперативного управления их деятельностью.

Не являются исключением федеральные государственные унитарные предприятия Федеральной службы исполнения наказаний (ФГУП ФСИН России), которые в современном мире находятся под воздействием не только рыночных процессов и постоянного изменения законодательства в области экономики, но и реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Поскольку существующая система бухгалтерского учета и отчетности предприятий УИС не лишена недостатков и не способна обеспечить необходимой информацией руководителей всех уровней управления, их дальнейшее развитие не-

возможно без хорошо организованной системы учета и отчетности, в частности управленческой, основанной на подготовке информации для принятия оперативных и прогнозных управленческих решений [5, с. 26].

Общее представление внутренней управленческой отчетности можно выразить в виде итоговых данных управленческого учета, которая в отечественной литературе освещена достаточно слабо.

Управленческая отчетность в работах таких авторов, как В. Б. Ивашкевич, В. Э. Керимов, А. Д. Шеремет, представляется в виде системы взаимосвязанных фактических, плановых, прогнозных данных и расчетных показателей, характеризующих условия и результаты деятельности предприятия (хозяйствующего субъекта) как экономической и производственной единицы, а также составляющих его элементов (областей бизнеса) за истекший период [1, с. 517; 2, с. 102; 7, с. 428].

Следует отметить, что «истекший период» в условиях организации управленческого учета не имеет конкретного измерения во времени, его значение зависит от ряда требований, предъявляемых к управленческой отчетности. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением Е. Е. Ляльковой о том, что предложенный авторами комплекс включает в себя также совокупность данных и показателей как по предприятию в целом, так и по структурным и производственным подразделениям, центрам затрат и прибылей, что является аналогом составления сегментарной отчетности [4, с. 26].

Несколько иное понятие управленческой отчетности дает Н. А. Ковалева, считая, что это результат сбора и систематизации финансовой и нефинансовой информации (в том числе натуральных показателей, данных о времени платежей и т. п.) на основе анализа которого менеджеры принимают решения для достижения своих целей. Если взять такое понимание за основу, то становится ясно: каковы цели и основные зоны ответственности, такова должна быть и система данных, с которой руководитель работает [3, с. 191]. Такой подход и понимание, на наш взгляд, требуют уточнения в части конкретизации информации, относящейся к финансовой и нефинансовой, а также форм ее представления руководителям различных уровней управления.

В связи с тем что данные управленческой отчетности служат информационной базой для принятия управленческих решений, минимальное количество показателей в формах внутренней отчетности должно быть определено законодательно на уровне руководства предприятия.

Именно в условиях рыночных отношений особенно важна систематическая информация о ходе и результатах деятельности каждого предприятия УИС в отдельности, а также о направлениях их деятельности для анализа и оценки полученных результатов.

Основной задачей управленческой отчетности, по нашему мнению, является своевременность, аналитичность и точность отражения эффективности использования всех видов ресурсов и финансовых результатов в центрах финансовой отчетности. [6, с. 762].

Процесс формирования внутренней управленческой отчетности реализуется в системе управленческого учета. При этом принципы и порядок составления внутренней управленческой отчетности в отечественной экономической литературе и в существующей системе нормативного регулирования учета и отчетности практически не разработаны.

Вопросы составления и представления всех форм и видов отчетности ФГУП ФСИН России

регулирует финансово-экономическое управление (ФЭУ) ФСИН России, в связи с чем его объективной необходимостью становится определение общих правил и принципов составления внутренней отчетности ФГУП ФСИН России.

Принципы формирования внутренней отчетности должны зависеть от набора показателей в установленных формах управленческой отчетности, характеризующих эффективность и результативность деятельности предприятий УИС и их структурных подразделений, а также регламента подготовки, представления и хранения полученной информации.

К основным принципам, необходимым при разработке и использовании любых форм внутренней управленческой отчетности ФГУП ФСИН России, следует отнести:

- релевантность – информация о будущем, обеспечивает полезность для принятия правильных управленческих решений;

- оперативность – формирование и представление отчетности по иерархии в максимально короткие сроки;

- адресность (цель) – зависимость показателей от запросов адресатов (руководителей различных уровней) и конкретных целей;

- достаточность (полнота) – содержание показателей форм отчетности для правильного понимания, оценки, анализа и принятия решений;

- достоверность – представление учетных данных с минимальной степенью погрешности;

- сопоставимость – возможность выявления отклонений в выполнении плановых показателей и динамике;

- эффективность – представление важной информации, не снижающей качества управленческого анализа и контроля;

- контролируемость – осуществление оперативного контроля за качеством представляемых показателей форм отчетности на всех уровнях управления;

- наглядность – представление информации в различных видах и цветовой гамме для обращения внимания на наиболее важные аспекты;

- конфиденциальность – сохранность сведений, представляющих коммерческую тайну.

Применение каждого из указанных принципов, а также их удачное сочетание возможно в условиях понимания актуальности отчета соответствующим пользователем.

На наш взгляд, главными критериями сводной управленческой отчетности должны стать: единый вид и формат представления, набор показателей и методика их расчета, периодичность и сроки представления, ответственные исполнители.

Соблюдение всех принципов формирования внутренней управленческой отчетности создает

основу для экономической конкурентоспособности предприятия, завоевания им передовых позиций в масштабах экономики страны в целом и уголовно-исполнительной системы в частности.

Выполнение предприятием поставленных текущих и стратегических задач возможно только при наличии хорошо отлаженной методики формирования внутренней управленческой отчетности. В методологии ее формирования целесообразно выделить три основных этапа: подготовительный, основной и заключительный.

Подготовительный этап заключается в сборе и аккумулировании информации, которая позволит внутренним пользователям определенного уровня управления осуществлять прогноз, контроль и анализ показателей деятельности предприятия, характеризующих степень достижения его основных целей, а также в определении объектов внутренней управленческой отчетности, выборе модели ее формирования в зависимости от специфики предприятия и организации системы управленческого учета.

Правильно составленная и своевременно представленная внутренняя управленческая отчетность предприятий позволит ФСИН России:

- осуществить оперативный и всеохватывающий обзор деятельности;
- выделить моменты, указывающие на потенциальные проблемы в будущем;
- выявить существующие проблемы и недостатки;
- обеспечить информацией для принятия оперативных и стратегических решений.

Основной этап состоит в непосредственном формировании пакета внутренней управленческой отчетности, который должен включать в себя создание перечня показателей, максимально удовлетворяющих информационные требования пользователей внутренней отчетности. При этом матрицы для внутренней управленческой отчетности разрабатываются в зависимости от пользователя и вида отчета, но целевые и контрольные показатели включаются в формы отчетов обязательно. Данный этап требует применения системы автоматизации в виде разработки технического задания, выбора подходящих программ и обучения персонала.

Заключительный этап – это представление внутренней отчетности ФГУП ФСИН России заинтересованным пользователям, ее анализ и оценка.

Управленческая отчетность должна стать информационно-аналитической базой управленческих решений по оптимизации деятельности ФГУП ФСИН России в целом.

Сроки, периодичность представления внутренней управленческой отчетности – вопрос индивидуальный. Однако общим критерием периодизации составления отчетности является удовлетворение внутренних пользователей информацией для принятия обоснованных управленческих решений.

На данном этапе, в случае необходимости, осуществляется разработка рекомендаций по совершенствованию процедуры составления внутренней управленческой отчетности.

Таким образом, эффективное управление деятельности любого предприятия сильно зависит от качества и количества информации, формируемой в системе управленческого учета и внутренней управленческой отчетности.

Для каждого типа направления деятельности ФГУП ФСИН России должны быть специальные, присущие только им формы внутренней управленческой отчетности, согласованные с ФЭУ ФСИН России. Как было отмечено, стандартного набора внутренней отчетности с единым видом и формами быть не может, она индивидуальна.

Основными формами представления отчетности являются таблицы, графики, текст или их всевозможные комбинации, позволяющие пользователю легко и однозначно оценить сложившуюся ситуацию.

На наш взгляд, эффективное и качественное применение внутренней отчетности в деятельности ФГУП ФСИН России возможно при одновременном совершенствовании организации бухгалтерского учета с расширением элементов управленческого. К учетной политике предприятий должно быть разработано положение о внутренней управленческой отчетности с указанием конкретных форм, правил и требований их заполнения.

Применение элементов управленческого учета и использование форм внутренней отчетности для ФГУП ФСИН России позволит, с одной стороны, руководителям предприятий избежать ошибок при принятии оперативных управленческих решений, с другой стороны, руководству ФСИН России владеть реальной «развернутой» информацией о результатах работы федеральных государственных унитарных предприятий, используя ее для достижения стратегических целей УИС.

Список литературы

1. Ивашкевич В. Б. Бухгалтерский управленческий учет : учебник. М., 2011. 574 с.
2. Керимов В. Э. Бухгалтерский управленческий учет : учебник. М., 2008. 475 с.
3. Ковалева Н. А. Основные предпосылки и принципы составления внутренней управленческой отчетности в научных организациях // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2013. № 3. С. 191–197.

4. Лялькова Е. Е. Учетная политика в системе управленческого учета: методика формирования и информационное значение // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 6. С. 26–29.
5. Маленкова Л. А. Совершенствование учетной политики ФГУП ФСИН России в части формирования оценочных резервов и обязательств // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 11. С. 26–30.
6. Маленкова Л. А. Роль управленческого учета и анализа в управлении ФГУП ФСИН России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 9. С. 762–765.
7. Управленческий учет : учеб. пособие / А. Д. Шеремет [и др.] ; под ред. А. Д. Шеремета. М., 2001. 510 с.

LYUBOV ANATOLEVNA MALENKOVA,
phd in economy, associate professor,
head, accounting, analysis, finance and taxation department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: mla11@mail.ru

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF MANAGEMENT REPORTING IN THE FEDERAL STATE UNITARY ENTERPRISES OF THE FEDERAL SERVICE OF EXECUTION OF PUNISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: at present, the penal system, like many other businesses, is the most difficult stage of the reform. One of perspective directions of development of industrial complex of the Penal system is to improve the organization of accounting and reporting in the Federal state unitary enterprises of the Federal service of execution of punishments of the Russian Federation, designed to ensure the growth of economic effectiveness and employment of convicts at production facilities.

The aim of this work is to determine the procedure of preparation, provision and use of internal management reports as the basis for making the right decisions at all levels of management. Significant importance in this activity is accessible location and presentation of information in forms of internal reporting. The main forms of performance of management reporting are marked tables, graphs, text, and their various combinations. The main principles include: relevance, efficiency, targeting (target), the sufficiency (completeness), accuracy, comparability, efficiency, accountability, visibility and privacy.

There are three main stages in the methodology of management accounting: preparatory, basic and final.

In order to create uniform standards and rules of formation of internal reports the need for the development of Regulations on internal management reports, with specific forms and requirements for filling them is expressed.

Key words: accounting, reporting, internal management reporting and its forms, principles, methods, administrative decisions.

References

1. Ivashkevich V. B. Buhgalterskij upravlencheskij uchet [Management accounting]. Moscow, 2011. 574 p.
2. Kerimov V. E. Buhgalterskij upravlencheskij uchet [Management accounting]. Moscow, 2008. 475 p.
3. Kovaleva N. A. Osnovnye predposylki i printsipy sostavleniya vnutrennej upravlencheskoj otchetnosti v nauchnyh organizatsiyah [Background and Basis of internal management reports in scientific organizations]. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Bulletin of the Rostov State University of Economics, 2013, no. 3, pp. 191–197.
4. Lyalkova E. E. Uchetnaya politika v sisteme upravlencheskogo ucheta: metodika formirovaniya i informatsionnoe znachenie [Accounting policy for management accounting system: formation technique and informative knowledge]. Audit i finansovyj analiz – Audit and financial analysis. 2007, no. 6, pp. 26–29.
5. Malenkova L. A. Sovershenstvovanie uchetnoy politiki FGUP FSIN Rossii v chasti formirovaniya otsenочnyh rezervov i obyazatel'stv [Improving accounting policies FSUE Russian Federal Penitentiary Service in the form of the estimated reserves and liabilities]. Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy – Bulletin of the penitentiary system, 2014, no. 11, pp. 26–30.
6. Malenkova L. A. Rol' upravlencheskogo ucheta i analiza v upravlenii FGUP FSIN Rossii [Role of managerial accounting and analysis in the management of FSUE FPS of Russia]. Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economics and Entrepreneurship, 2014, no. 9, pp. 762–765.
7. Upravlencheskij uchet [Management accounting]. A. D. Sheremet and others. Under the editorship of A. D. Sheremet. Moscow, 2001. 510 p.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЫМОВ,
доктор юридических наук, доцент,
начальник академии
(Академия ФСИН России),
e-mail: apu-fsin@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ)

Реферат: образовательные организации ФСИН России обладают огромным потенциалом для развития личности курсантов, который предоставляет образовательная среда. Период обучения наиболее важен для молодого человека в плане происходящего в это время реального становления его как личности в процессах профессионального и личностного самоопределения. Так как ценностные ориентации служат регулятором действий, поступков и поведения личности, то соответственно одна из важнейших задач воспитательной работы в образовательных организациях ФСИН России состоит в последовательном расширении и углублении представлений курсантов о ценностях и ценностных ориентациях в различных сферах жизни общества.

Одной из главных особенностей образовательных организаций ФСИН России, где всегда обучались курсанты разных национальностей, является полиэтничность. Работа по формированию межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИН России должна проводиться как в процессе преподавания гуманитарных дисциплин, так и во внеаудиторное время. На решение поставленных задач должны быть направлены усилия профессорско-преподавательского состава, руководства учебно-строевых подразделений, сотрудников воспитательных аппаратов, а также кураторов учебных групп и индивидуальных наставников курсантов.

Ключевые слова: образовательные организации ФСИН России, развитие личности курсантов, межэтническая и межконфессиональная толерантность.

Россия – многонациональное и многоконфессиональное государство. Разнообразие и многообразие этнического состава населения составляет культурное богатство России [в настоящее время на территории Российской Федерации проживают представители более 180 национальностей (этнических групп)], которое всегда таит в себе возможность возникновения и обострения противоречий и конфликтов на национальной почве. Перед российским обществом стоит непростая и ответственная задача консолидации как одного из важнейших условий обеспечения национальной безопасности и движения вперед. Предпосылкой ее решения в многонациональном обществе является воспитание, утверждение и культивирование в массах населения национальной и религиозной терпимости, установок толерантного сознания и поведения.

Проблема формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИН России в последние годы приобретает особую значимость, так как ее решение позволяет сотруднику уголовно-

исполнительной системы (УИС) осуществлять свою деятельность конструктивно.

Сегодня наше общество оказалось перед лицом надвигающейся нравственной катастрофы. Глубокую тревогу вызывают безудержное падение нравственности, стремительный рост преступности, терроризма, религиозного и политического экстремизма, алкоголизма и наркомании, разрушающих душу и тело, саму личность человека и в конечном итоге угрожающих самоуничтожением нации. Причина этих и многих других проблем нашего общества имеет духовный характер.

О важности создания и применения в образовательных организациях ФСИН России программ, направленных на формирование межэтнической толерантности у курсантов, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу, говорится в Национальной доктрине образования в Российской Федерации (на период до 2025 г.), проекте Концепции развития поликультурного образования, приказах Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства культуры Российской Федерации, материалах всероссийских конференций, посвященных

вышеуказанной проблематике, а также ведомственных нормативных актах.

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации (на период до 2025 г.) отмечается, что система образования должна воспитать бережное отношение к историческому и культурному наследию народов России, воспитать граждан, проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважающих традиции и культуру других народов, развить культуру межэтнических отношений.

В настоящее время на базе образовательных организаций ФСИИ России осуществляется подготовка специалистов для подразделений и служб уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по целому ряду специальностей и направлений подготовки. Анализ действующих федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) показывает, что независимо от профиля специалиста УИС этнокультурная компетентность признается ведущей личностной и профессиональной характеристикой. Под этнокультурной компетентностью понимается степень проявления личностью знаний, навыков и умений, позволяющих ей правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия. Подобное формирование этнокультурной толерантности сотрудника уголовно-исполнительной системы должно осуществляться на основе многовековых нравственных устоев и уважительного отношения к народам и народностям многонационального Российского государства.

Одной из главных особенностей образовательных организаций ФСИИ России является полиэтничность. В вузах ФСИИ России всегда обучались курсанты разных национальностей. Анализируя национальный состав курсантов вузов ФСИИ России на примере Академии ФСИИ России в хронологической последовательности, можно сделать вывод о том, что полиэтничный состав учебно-строевых подразделений становится более разнообразным. Если в 2000 г. в академии обучались курсанты 30 различных национальностей, в 2005 г. – 37, то уже в 2015 г. данный показатель достиг 40 (статистические данные службы организации работы по противодействию коррупции и инспекции по личному составу отдела по работе с личным составом Академии ФСИИ России). Таким образом, прослеживается тенденция к увеличению числа курсантов различных национальностей, обучающихся в академии. В культурном смысле вузы ФСИИ России представляют собой закрытую сре-

ду, в которой происходит смешение культур различных национальностей и конфессий.

На сегодняшний день в образовательных организациях ФСИИ России обучаются курсанты не только различных национальностей, но и различных вероисповеданий. Так, в Академии ФСИИ России обучаются курсанты христианского вероисповедания: украинцы, белорусы, русские; мусульманского вероисповедания: татары, башкиры, аварцы и др.; буддисты: калмыки, буряты, тувинцы.

Работа по формированию межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России, по нашему мнению, должна проводиться как в процессе преподавания гуманитарных дисциплин, так и во внеаудиторное время. На решение поставленных задач должны быть направлены усилия профессорско-преподавательского состава, руководства учебно-строевых подразделений, сотрудников воспитательных аппаратов образовательных организаций ФСИИ России, а также работа сотрудников, являющихся кураторами учебных групп и индивидуальными наставниками курсантов.

Следует отметить, что признаки интолерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России можно наблюдать уже на стадии формирования учебных коллективов по следующим критериям: язык (неосознанно в разговоре друг с другом курсанты употребляют оскорбительные выражения и намеки); стереотипы (негативные обобщения в разговорах о религиозных и национальных группах, отличающихся от них); предубеждения; сегрегация (тенденция собираться, общаться группами, сформированными по религиозным и национальным признакам). Замыкание в рамках национальных диаспор, национальная разобщенность в значительной мере осложняют межнациональное взаимодействие курсантов и тем самым могут спровоцировать возникновение конфликтов на национальной и религиозной почве. Подобные неудачи в межэтническом взаимодействии следует рассматривать не как наличие «непреодолимых» противоречий, а в первую очередь как отсутствие определенных знаний и умений, способствующих эффективности данного процесса и межэтническому взаимопониманию.

Анализируя работу Академии ФСИИ России по формированию межэтнической толерантности среди курсантов, считаем, что в содержание таких дисциплин, как «Культурология», «История», «Религиоведение», «Философия», «Педагогика», необходимо включить этнокультурную проблематику в значительно большем объеме. Кроме того, работа с обучающимися по формированию межэтнической толерантности во внеаудиторное время

представляет собой разрозненные мероприятия, не носящие системный характер, что, в свою очередь, определяет необходимость выработки общей концепции осуществления данного направления деятельности.

Процесс формирования ценностных ориентаций межэтнической и межконфессиональной толерантности у курсантов Академии ФСИН России осуществляется по следующим направлениям: в учебной – через содержание учебных дисциплин; во внеучебной – через содержание воспитательных мероприятий; организацию работы по проведению праздников, концертов, конкурсов, проведение дней национальных культур, выставок; деятельность научных кружков; организацию и проведение спортивных мероприятий; служебную деятельность (во время несения службы в суточном наряде); участие в мероприятиях по патриотическому воспитанию (торжественные церемониалы и др.). В рамках дисциплинарной практики в работе с обучающимися необходимо неукоснительно соблюдать принцип равенства перед законом, то есть не допускать дискриминации на почве вероисповедания и национальности. Наиболее эффективны при этом формы «непрямого воздействия», в рамках реализации которых акцент делается на то, что естественным образом сближает: досуг, спорт, дух здорового соперничества и состязательности, различные направления волонтерства, проще говоря, на те формы общения, которые создают позитивный эмоциональный фон и при этом способствуют формированию общих ценностей на базе близости возрастных предпочтений и интересов.

Необходимо обратить особое внимание на работу кураторов учебных групп, деятельность которых играет одну из ведущих ролей в воспитательном процессе. Одной из форм внеучебной воспитательной деятельности куратора является кураторский час, задача которого – помочь курсантам и студентам сориентироваться в потоке событий, выработать свою активную гражданскую позицию, почувствовать собственную социальную значимость. Кураторский час способствует решению следующих задач: формирование и развитие коллектива группы; усвоение курсантами умений и навыков познавательной и практической деятельности; содействие проявлению и развитию индивидуальности, раскрытию личностных отношений личности курсанта; формирование и развитие эмоционально-чувственной сферы и ценностных отношений личности курсанта. Именно куратор имеет возможность сформировать и закрепить у молодых людей такие ценностные установки, как уважительное отношение к личности, патриотизм, социальная ответственность, профессиональная идентичность.

Считаем, что назрела необходимость пересмотреть содержание рабочих программ дисциплин по реализуемым образовательным программам высшего и дополнительного образования в образовательных организациях ФСИН России («Религиоведение», «Педагогика», «Философия», «Политология», «Культурология», «Профессиональная этика и служебный этикет») в части, касающейся освещения вопросов межэтнической и межконфессиональной толерантности. Повышение общекультурной компетенции по данной проблематике позволит обучающимся в процессе освоения образовательной программы формировать устойчивое конструктивное поведение, выражающееся в способности понимать движущие силы и закономерности исторического процесса, уважительного и бережного отношения к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социально-культурные различия. При модернизации дополнительных образовательных программ, реализуемых в вузах ФСИН России, необходимо включить для обязательного рассмотрения тему «Противодействие радикализации населения России». Целью изучения данной темы должно являться повышение этнокультурной компетенции и формирование устойчивого конструктивного поведения сотрудника при встрече с проявлениями радикализма в профессиональной деятельности.

В Правительстве Российской Федерации находится проект федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». В случае принятия данного закона должны быть внесены изменения и принят ряд ведомственных нормативных правовых актов, в том числе предусматривающих условия недопущения заключения и своевременного расторжения контрактов о службе в уголовно-исполнительной системе с лицами, имеющими недостаточный уровень межэтнической и межконфессиональной толерантности, выражающийся в первую очередь в проявлениях деструктивного радикализма. Такой контракт может содержать специальные условия его расторжения при совершении лицом административного правонарушения, затрагивающего конституционные права граждан, в том числе право на свободу совести и свободу вероисповедания.

Резюмируя изложенное, отметим, что образовательные организации ФСИН России обладают огромным потенциалом для развития личности курсантов, который предоставляет образовательная среда. Обусловлено это тем, что, во-первых, именно здесь обучающиеся получают специальные знания, умения и навыки, накапливают опыт социальных и профессиональных отношений, у них формируются определенное мировоззрение и про-

фессионально-ценностные ориентации; во-вторых, в среде образовательных организаций молодые люди, приобщаясь к определенной культуре, становятся ее носителями. Именно период обучения наиболее важен для молодого человека в плане происходящего в это время реального становления его как личности в процессах профессионального и личностного самоопределения. Так как ценност-

ные ориентации служат регулятором действий, поступков и поведения личности, то соответственно одна из важнейших задач воспитательной работы в образовательных организациях ФСИН России состоит в последовательном расширении и углублении представлений курсантов о ценностях и ценностных ориентациях в различных сферах жизни общества.

ALEXANDER ALEKSANDROVICH KRYMOV,
doctor of juridical science, associate professor,
head of the Academy
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: apu-fsin@mail.ru

**FORMATION OF INTERETHNIC AND INTERRELIGIOUS TOLERANCE
AT CADETS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FPS OF RUSSIA
(BY THE EXAMPLE OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA)**

Abstract: the educational establishments of the FPS of Russia have the huge potential for development of the identity of cadets which is provided by the educational environment. The period of training is most important for cadets in respect of his real formation happening at this time as persons in processes of professional and personal self-determination. As valuable orientations serve as the regulator of actions, acts and behavior of the personality, respectively one of the most important tasks of educational work in the educational establishments of the FPS of Russia consists in consecutive expansion and deepening of ideas of cadets of values and valuable orientations in various spheres of life of society.

Polyethnicity is one of the main features of the educational organizations of FPS of Russia where cadets of different nationalities always studied. Work on the formation of interethnic tolerance at cadets of the educational establishments of FPS of Russia has to be carried out both in the course of teaching humanitarian disciplines, and in the extracurricular. Efforts of the faculty, the management of educational and front divisions, employees of educational devices, and also curators of educational groups and individual mentors of cadets have to be directed to the solution of objectives.

Key words: educational establishments of the FPS of Russia, development of the identity of cadets, interethnic and interreligious tolerance.

ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ВАСИЛЬЕВА,кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
(Академия ФСИН России),
e-mail: irina-vas2009@yandex.ru**КРИТЕРИАЛЬНО-ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ
ОЦЕНИВАНИЯ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ
ИНВАРИАНТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ**

Реферат: процесс гуманизации системы исполнения наказаний предполагает отказ от жестких форм давления на личность, приоритетное использование педагогических и психологических методов воздействия на осужденных. В силу этого наряду с профессиональными компетенциями особую актуальность на данном этапе приобретают общекультурные компетенции будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы. Социально-личностные компетенции составляют тот сегмент блока общекультурных компетенций, который предопределяет продуктивное сотрудничество на основе ценностей гуманистического взаимодействия, способность урегулировать или предотвратить конфликты. Условием эффективности развития социально-личностных компетенций является возможность критериальной оценки уровня их сформированности.

В статье освещены частные результаты оригинального исследования автора, рассматривается вопрос критериального оценивания инвариантных социально-личностных компетенций курсантов вузов ФСИН России, определены критерии, показатели, уровни их развития, предложены соответствующие методы диагностики.

Ключевые слова: социально-личностные компетенции курсантов вузов ФСИН России, критерии, показатели, уровни, методы диагностики.

Реформирование системы исполнения наказаний в настоящее время предполагает отказ от жестких форм давления на личность, установление доверительных отношений между персоналом исправительных учреждений и осужденными, акцентирование внимания на педагогических и психологических методах воздействия на правонарушителей. Вследствие этого вузы ФСИН России должны создавать максимально возможные условия для формирования профессионально компетентных, инициативных, высоко-нравственных сотрудников, способных решать стоящие перед учреждениями и органами УИС оперативно-служебные и производственно-хозяйственные задачи и создавать здоровый морально-психологический климат в служебных коллективах, в том числе в среде осужденных.

В связи с тем что основной задачей сотрудника УИС является ресоциализация заключенных, возвращение их к нормальной жизни в обществе, особую актуальность наряду с широкими и системными профессиональными компетенциями приобретают общекультурные компетенции будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы, поскольку именно их сформированность предопределяет

нравственное поведение личности во всех сферах жизнедеятельности. При этом социально-личностные компетенции составляют именно тот сегмент блока общекультурных компетенций, который предопределяет продуктивное сотрудничество, умение работать в команде, регулировать конфликты ненасильственно или предотвращать их, переплетаясь с профессиональными компетенциями выпускника вуза ФСИН России и способствуя успешному выполнению профессиональных задач в сфере «Человек – Человек».

Обязательным условием эффективности развития социально-личностных компетенций является возможность критериальной оценки уровня их сформированности, что детерминирует актуальность проблемы установления критериев, показателей и уровней их развития.

Нами теоретически обоснованы инвариантные социально-личностные компетенции обучающихся в высших учебных заведениях: «социальная идентичность» и «диалогичность» [4]. Социальная идентичность представляет собой способность к осознанию и принятию собственной индивидуальности, целостности собственного Я и готовность к самоопределению в социуме в определенный момент жизненного

пути в соответствии с истинными ценностями социальной действительности, то есть непротиворечивость личностных тенденций с требованиями и нормами общества, способность адекватно воспринимать себя в социуме, жить в гармонии с собой и окружающим миром. Диалогичность есть способность к внемлющему, слышащему отношению к собеседнику как к равноправному Другому, готовность строить уважительные, равноправные и конструктивные отношения с другими субъектами межличностного взаимодействия на основе ценностей диалогического общения.

Для определения критериев и показателей развития выделенных социально-личностных компетенций был проведен анализ психологических, социологических и педагогических исследований. Основываясь на характеристиках самоактуализирующейся личности, выявленных Дж. Бьюдженталем [3], К. Роджерсом [8], идее социальной психологии о том, что социальная и личностная идентичность составляют два аспекта единого целого, на теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона, ядром которой является эго-идентичность как «субъективное чувство непрерывной самотождественности», иными словами, аутентичности, которая «предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» [7], а также на положении Дж. Бьюджентала о том, что обязательства и ответственность – «один из определяющих атрибутов экзистенциальной аутентичности» [3], основными критериями развитой социальной идентичности можно определить аутентичность как «соответствие бытия личности в мире собственной внутренней природе» [2], как способность человека отказаться от различных социальных ролей, позволяя проявляться подлинным, свойственным только данной личности мыслям, эмоциям и поведению, как способность быть самим собой [8], то есть способность понимать, слышать и принимать себя, поскольку, не понимая себя, невозможно ориентироваться в ценностях человеческого бытия; рефлексивность как способность к самоанализу и самооцениванию, анализу и оцениванию окружающей действительности и ответственность как способность принимать на себя ответственность за свои действия, поведение и их последствия.

Исходя из того что «диалогические отношения... – это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отноше-

ния и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение...», что «только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается человек в человеке, как для других, так и для себя», что «личность жива только в своей обращенности к другим, значит, личность есть там, где есть диалог, а диалог есть всеобщая основа человеческого взаимопонимания» [1, с. 288–290], личность с развитой диалогичностью должна быть способна устанавливать и поддерживать контакты на основе ценностей диалогического общения, сочувствовать, сопереживать и терпимо относиться к равновеликому Другому. Соответственно критериями и показателями развития диалогичности являются коммуникативность (способность устанавливать и поддерживать контакты на основе ценностей диалогического общения); эмпатийность (способность к сопереживанию и сочувствию, отзывчивость, умение поставить себя на место другого) и толерантность (способность принимать другого человека в его индивидуальности с его достоинствами и недостатками, умение считаться с мнением другого, прощать ошибки).

Критериями и показателями развития социальной идентичности определены аутентичность (адаптивность, принятие себя, автономность, эмоциональный комфорт); рефлексивность (способность к анализу и самоанализу, оцениванию и самооцениванию, планированию и прогнозированию деятельности и ее результатов) и ответственность (уважение к моральным нормам, стойкость моральных принципов, способность отвечать за свои поступки и их последствия) [5, с. 38–40].

В соответствии с выделенными критериями и показателями социальной идентичности и диалогичности как основополагающих социально-личностных компетенций курсанта вуза определены уровни развития:

1) оптимальный: высокий уровень развития аутентичности, рефлексивности и ответственности, компетентный тип коммуникативности, высокий уровень эмпатии и коммуникативной толерантности. Ярко выражены адаптивность, самопринятие, автономность, эмоциональный комфорт. При осознании собственных достоинств и недостатков личность проявляет позитивное самоотношение, стремится к самосовершенствованию; на высоком уровне владеет умениями анализа и самоанализа, способна корректировать свою деятельность и поведение по их результатам; нести ответственность за свое поведение, деятельность и их последствия, принимать решения, владеет самоконтролем, умеет устанавливать и поддерживать контакты на основе ценностей диалогического общения, способна к соучастию и сопереживанию, отзывчива, принимает Другого как равновеликую

сущность независимо от его расовой, национальной, социальной принадлежности, умеет поставить себя на место Другого, сотрудничает в диалоге;

2) допустимый: развитие социальной идентичности и диалогичности находится на среднем уровне, то есть испытуемый отличается средним уровнем развития аутентичности, в целом позитивным самоотношением, в основном не испытывает трудности в адаптации к изменяющимся обстоятельствам, чаще всего стремится действовать в соответствии со своей честью и совестью, но возможны и отступления от моральных норм, как правило, проявляет зависимо-компетентный тип коммуникативности, не во всех ситуациях готов проявлять сочувствие, не всегда терпим к окружающим, при этом способен к адекватному анализу и самоанализу, оцениванию себя и окружающего мира, проявляет готовность к самосовершенствованию, осознает свои недостатки и борется с ними;

3) недостаточный: низкий уровень развития аутентичности, рефлексивности и ответственности, зависимый или агрессивный тип коммуникативности, низкий или очень низкий уровень эмпатии и коммуникативной толерантности. Проявляется социально-психологическая дезадаптированность, неуверенность в себе или чрезмерная самоуверенность; на низком уровне находится способность анализу и самоанализу. Человек имеет завышенную или заниженную самооценку, испытывает трудности с координацией своих действий, проявляет пренебрежение к моральным нормам или неустойчивость моральных принципов, при необходимости решения определенных задач теряется и стремится переложить ответственность на других; не способен к конструктивному взаимодействию, сотрудничеству в диалоге, нетерпим к альтернативному мнению, проявляет агрессивность, презрение или замкнутость во взаимодействии с окружающими.

В соответствии с критериями и показателями развития социально-личностных компетенций был отобран комплекс методов диагностики, позволяющий проследить динамику развития социальной идентичности и диалогичности [5, с. 48–49].

Кратко представим особенности каждой методики. В основе шкалы социально-психологической адаптации (СПА) К. Роджерса и Р. Даймонда лежит концепция личности как субъекта собственного развития, способного отвечать за свои поступки. Показатели аутентичности (принятие себя, внутренний контроль, эмоциональный комфорт), аргументированные британским психологом А. Вудом и его соавторами на основе трудов К. Роджерса, Дж. Т. Барретт-Леннарда, К. Хорни, соответствуют интегральным характеристикам личности шкалы СПА [5, с. 48], что позволяет использовать ее для диагностики аутентичности.

Семиступенчатая шкала состоит из 101 суждения, из которых 39 соответствуют показателям аутентичности (адаптивность, принятие себя, эмоциональный комфорт). Для студенческого возраста средний показатель располагается обычно в пределах 39–44 баллов, что соответствует оптимальному уровню развития аутентичности. Соответственно индексы СПА в пределах 34–39 баллов относятся к допустимому уровню, а индексы менее 34 баллов соответствуют недостаточному уровню развития.

Диагностика рефлексивности осуществляется с помощью разработанной А. В. Карповым методики, позволяющей учесть три главных вида рефлексии, выделяемых по так называемому временному принципу: ситуативную (актуальную), ретроспективную и перспективную рефлексии, а также «интра- и интерпсихическую» рефлексии. Первая означает способность к самовосприятию содержания собственной психики и его анализу, вторая – способность к пониманию психики других людей. Опросник представляет собой 27 утверждений с семью вариантами ответа, за каждый ответ начисляется от 0 до 6 баллов. Полученные баллы переводятся в стандартные единицы (стенды). Результаты методики, равные или большие, чем 7 стенов, характеризуют оптимальный уровень развития рефлексивности; 4–7 стенов – допустимый уровень рефлексивности; менее 4 стенов – недостаточный уровень рефлексивности.

Способность принимать на себя ответственность определяется по шкале совестливости психодиагностического теста В. В. Мельникова и Л. Т. Ямпольского, предназначенной для измерения степени уважения к социальным нормам и этическим требованиям. Для лиц с высоким значением фактора совестливости характерны такие особенности личности, влияющие на мотивацию поведения, как чувство ответственности, добросовестность, стойкость моральных принципов, соблюдение этических стандартов, выполнение социальных требований, хороший самоконтроль. Шкала состоит из 15 утверждений, интерпретация результатов позволяет оценить степень ответственности. 1–2 стенов соответствуют недостаточному уровню развития ответственности, 3–7 стенов – допустимому уровню, 8–10 стенов – оптимальному уровню.

Коммуникативность можно диагностировать с помощью теста коммуникативных умений Л. Михельсона в адаптации Ю. З. Гильбуха. Тест представляет собой разновидность теста достижений, то есть построен по типу задачи, у которой есть правильный ответ. Опросник содержит описание 27 коммуникативных ситуаций, к каждой из них предлагается 5 возможных вариантов поведения, из которых нужно выбрать один.

В соответствии с ключом к тесту определяется способ общения: зависимый, зависимо-компетентный, компетентный или агрессивный. Компетентный тип соответствует оптимальному уровню развития коммуникативности, зависимо-компетентный – допустимому, зависимый или агрессивный – недостаточному.

Для диагностики эмпатийности может быть использован опросник для диагностики способности к эмпатии А. Мехрабиена и Н. Эпштейна. Данная методика представляет собой шкалу из 33 утверждений и позволяет выявить уровень развития эмпатических способностей (эмоциональная отзывчивость, внимание к другим людям, стремление оказывать помощь). Высокий уровень эмпатийности определяется в диапазоне 33–26 баллов у мужчин, 33–30 баллов – у женщин, что в контексте нашего исследования соответствует оптимальному уровню, показатели среднего уровня располагаются в диапазоне 25–17 баллов у мужчин, 29–23 балла – у женщин и соответствуют допустимому уровню, низкий – 16–8 баллов (мужчины), 22–17 баллов (женщины) и очень низкий уровень развития эмпатийности – 7–0 баллов (мужчины), 16–0 баллов (женщины) – рассматривается как недостаточный.

Толерантность может быть выявлена с помощью опросника, разработанного В. В. Бойко. Восьмиступенчатая шкала состоит из 45 утверждений и позволяет диагностировать толерантные и интолерантные установки личности, проявляющиеся в процессе общения (умение принимать другого человека с его достоинствами и недостатками, категоричность или лояльность, умение считаться с мнением другого, способность поступиться своими интересами ради другого, умение прощать ошибки). Чем выше количество набранных респондентом баллов, тем выше степень его нетерпимости к окружающим. Значения от 0 до 44 баллов соотносятся с оптимальным уровнем развития толерантности, 45–89 баллов соответ-

ствуют допустимому уровню, 90–135 баллов – недостаточному уровню.

Для определения среднего показателя было установлено, что оптимальный уровень можно оценить в 3 балла, допустимый – в 2, недостаточный – в 1 балл. Результаты по каждому критерию развития социально-личностных компетенций, полученные в ходе диагностического исследования курсантов, были соотнесены с соответствующим уровнем их развития: оптимальным, допустимым и недостаточным. За оптимальный уровень принят условно средний показатель от 2,5 до 3 баллов (оценка определялась путем вычисления среднего арифметического по трем критериям). Соответственно допустимый уровень рассматривается в пределах от 1,5 до 2,4 балла, недостаточный – соответствует значениям в диапазоне 1–1,4 балла.

Результаты диагностики, их достоверность целесообразно проверять с помощью статистического пакета STADIA. Для ненормально распределенных данных, ранговых выборок и выборок малого объема более эффективно применять так называемые непараметрические методы, использующие предположения о случайном характере исходных данных и о непрерывности генеральной совокупности, из которой они извлечены. Для ранговой шкалы в случае, когда число градаций больше или равно трем, имеет смысл использовать критерий Хи-квадрат (χ^2), который в отличие от других непараметрических методов применим к достаточно большим выборкам, представленным в форме гистограмм [6, с. 146–148].

В заключение отметим, что предлагаемый критериально-диагностический инструментальный доказал свою состоятельность в экспериментальной работе. Представленный пакет методов диагностики способен оптимизировать процесс развития социально-личностных компетенций курсантов вузов ФСИН России, поскольку позволяет проследить динамику их развития.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 412 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2008. 811 с.
3. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб., 2001. 304 с. URL : <http://psychotropinka.tut.su/art.html> (дата обращения: 20.09.2016).
4. Васильева И. В. Общекультурные и социально-личностные компетенции выпускника вуза // Российский научный журнал. 2011. № 2. С. 158–163.
5. Васильева И. В. Развитие социально-личностных компетенций студентов вузов в процессе гуманитарного образования (на материале иностранного языка) : монография / под науч. ред. Л. А. Байковой. Рязань, 2014. 120 с.
6. Кулаичев А. П. Методы и средства анализа данных в среде Windows. STADIA : в 3 т. М., 1999. Т. 1. 341 с.
7. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. 342 с.
8. Rogers C. On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy. Boston, 1961. URL : <http://acha73.narod.ru/texts/rogers.doc> (дата обращения: 20.06.2016).

IRINA VYACHESLAVOVNA VASIL'EVA,
phd in pedagogy,
associate professor of foreign languages department
(The Academy of the FPS of Russia),
e-mail: irina-vas2009@yandex.ru

CRITERIA AND DIAGNOSTIC TOOLS OF ESTIMATION OF THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF INVARIANT SOCIAL AND PERSONAL COMPETENCES OF CADETS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF FSIN OF RUSSIA

Abstract: process of a humanization of system of execution of the punishment assumes refusal of tough forms of pressure on the personality, priority use of pedagogical and psychological methods of impact on convicts. Owing to this fact along with professional competences special relevance at this stage is acquired by common cultural competences of future employee of a penal correction system. Social and personal competences make that segment of the block of common cultural competences which predetermines a productive cooperation on the basis of values of humanistic interaction, a capability structurally to solve or prevent the conflicts.

Condition of efficiency of development of social and personal competences is the possibility of criteria assessment of level of their formation. Private results of an original research of the author are covered in article. The question of criteria estimation of invariant social and personal competences of cadets of higher education institutions of the FPS of Russia is considered, criteria, indicators, levels of their development are determined, the corresponding methods of diagnostics are offered.

Key words: social and personal competences of cadets of higher education institutions of the FPS of Russia, criteria, indicators, levels, diagnostics methods.

References

1. Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal creativity]. Moscow, 1979. 412 p.
2. *Bol'shoj psihologicheskij slovar'* [Big psychological dictionary]. Under the editorship of B. G. Meshherjakov, V. P. Zinchenko. Moscow, 2008. 811 p.
3. *B'judzhtental' Dzh. Iskusstvo psihoterapevta* [Art of the psychotherapist]. St. Petersburg, 2001. 304 p. Available at : <http://psychotropinka.tut.su/art.html> (Accessed 20 September 2016).
4. Vasil'eva I. V. *Obshekul'turnye i social'no-lichnostnye kompetencii vypusknika vuza* [Common cultural and social and personal competences of the university graduate]. *Rossijskij nauchnyj zhurnal – Russian scientific magazine*, 2011, no. 2, pp. 158–163.
5. Vasil'eva I. V. *Razvitie social'no-lichnostnyh kompetencij studentov vuzov v processe gumanitarnogo obrazovanija (na materiale inostrannogo jazyka)* [Development of social and personal competences of students of higher education institutions in the course of arts education (on material of a foreign language)]. Under the scientific editorship of L. A. Bajkova. Ryazan, 2014. 120 p.
6. Kulaichev A. P. *Metody i sredstva analiza dannyh v srede Windows. STADIA* [Methods and means of the analysis of data in the environment of Windows]. In 3 vol. Moscow, 1999. Vol. 1. 341 p.
7. Jerikson Je. *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow, 2006. 342 p.
8. Rogers C. *On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy*. Boston, 1961. Available at : <http://acha73.narod.ru/texts/rogers.doc> (Accessed 20 June 2016).

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ МАЛЫШЕВ,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры огневой подготовки,
e-mail: malichevag@mail.ru;
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ МИЩУК,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: mam1982.09@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы особую значимость приобретает необходимость совершенствования уровня морально-психологической подготовки сотрудников.

Правоохранительная деятельность относится к числу профессий повышенного риска и характеризуется достаточно высоким уровнем экстремальности и профессионального стресса. Служба в пенитенциарных учреждениях содержит в себе элементы отрицательного воздействия, противостоять которым способна лишь личность с высоким уровнем сформированности морально-психологических качеств. В силу этого существует необходимость повышения эффективности процесса их формирования у сотрудников учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний, что, в свою очередь, будет способствовать достижению целей и решению задач, определенных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Ключевые слова: морально-психологическая подготовка, морально-психологические качества, экстремальные ситуации, профессиональная подготовка, эффективность деятельности.

Профессиональная деятельность персонала органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) относится к таким видам деятельности, которые сопряжены с повышенным риском, предельным уровнем экстремальности и профессиональным стрессом. Сложно представить себе эффективную пенитенциарную систему без морально и психологически устойчивых сотрудников.

Количество ситуаций в деятельности сотрудников УИС, определяемых как экстремальные, не снижается. Данное обстоятельство связано со сложной криминогенной обстановкой как на региональном, так и на федеральном уровне. В связи с этим все большее внимание уделяется вопросам совершенствования психологической подготовленности личного состава учреждений и органов ФСИН России для действий в сложной оперативной обстановке. Ведь противостоять отрицательным элементам профессиональной деятельности способна лишь личность со сформировавшимися

морально-психологическими качествами. От уровня их сформированности зависит отношение сотрудника к выполнению служебных обязанностей, к другим людям и к самому себе. Высокий уровень сформированности у сотрудников УИС морально-психологических взглядов, убеждений, мотивов и качеств выступает гарантией умелого выполнения профессиональных задач в обстановке любой сложности. Опыт показывает, что эффективная реализация служебных задач зависит не только от знания нормативной базы, требовательности руководителей, но и от уровня сформированности у персонала морально-психологической устойчивости, определяющей его поведение в критических ситуациях.

Особый социальный статус сотрудников пенитенциарной службы и специфика выполняемой ими сложнейшей задачи государственной важности, направленной в первую очередь на сохранение правопорядка и стабильности в исправительных учреждениях, вызывают неподдельный интерес науки и

практики к проблеме совершенствования формирования у персонала морально-психологических качеств [2].

Морально-психологические качества сотрудников УИС социальны по своей природе, но индивидуальны по формам выражения. Их суть определяется, с одной стороны, нормативно закрепленными государственными и общественными требованиями к профессии, а с другой – внутренними нравственными установками на неукоснительное следование им. В соответствии с квалификационными требованиями к сотрудникам основных служб УИС к морально-психологическим качествам персонала мы можем с уверенностью отнести [1]:

- профессиональную этику;
- глубокое уважение закона и социальных ценностей правового государства, чести и достоинства граждан;
- честность и порядочность;
- гуманность и доброжелательность;
- развитое чувство профессионального долга;
- моральную ответственность за судьбу людей и порученное дело;
- принципиальность в обеспечении прав, свобод и законных интересов личности, ее охраны и социальной защиты;
- чувство нетерпимости к любому нарушению закона.

Правоохранительный характер службы в УИС сопряжен с опасностью для жизни и здоровья, поэтому выполнение задач, возложенных на ФСИН России, требует наличия у сотрудника таких качеств, как дисциплинированность, решительность, умение сохранять самообладание, правильно и быстро действовать в экстремальных ситуациях, обладая значительным резервом физических и моральных сил. Перечисленные качества должны составлять единство с гибким профессиональным мышлением, высоким уровнем психологической устойчивости, физической и моральной подготовленностью и др.

Элементы формирования морально-психологических качеств сотрудников мы можем наблюдать на всех этапах профессиональной подготовки персонала, при проведении как теоретических, так и практических занятий. Особое значение в процессе формирования морально-психологических качеств персонала имеет такая учебная дисциплина, как

«Огневая подготовка». Для качественного повышения уровня сформированности морально-психологических качеств сотрудников органов и учреждений УИС предлагаются следующие проверенные практикой проведения занятий по огневой подготовке с курсантами Академии ФСИН России методики развития психологической устойчивости:

– *соревновательная методика* – характеризуется выполнением определенных упражнений в форме соревнований между обучаемыми; может использоваться в качестве средства повышения уровня подготовленности, сокращения временного интервала на выбор цели и ее поражение, развития волевых качеств при стрельбе;

– *методика с добавлением шумовых эффектов* (звук сирены и т. д.) – дезориентирует обучающихся и приближает к действиям в экстремальных условиях, позволяя выработать способность концентрации внимания, сосредоточенности на устойчивом поражении цели;

– *методика выполнения упражнения, определяемого руководителем стрельбы на рубеже открытия огня*, – характеризуется полным отсутствием у сотрудника представления об ожидаемом упражнении, то есть его нахождением в стрессовой ситуации; позволяет развивать мышление, быстроту реакции, избавиться от чувства растерянности, неспособности сосредоточиться на выполняемой задаче, а также от лишних, импульсивных движений и действий либо, наоборот, резкой скованности и заторможенности.

Применение данных методик позволяет сформировать у обучаемых оптимальное психологическое состояние и внутреннюю готовность к действиям в сложной оперативной обстановке и других экстремальных ситуациях.

Таким образом, применение предложенных методик проведения практических занятий по огневой подготовке способствует повышению уровня сформированности морально-психологических качеств, позволяющих сотрудникам органов и учреждений уголовно-исполнительной системы эффективно выполнять служебные задачи в условиях, сопряженных с повышенным риском, предельным уровнем экстремальности и профессиональным стрессом.

Список литературы

1. Квалификационные требования к сотрудникам основных служб уголовно-исполнительной системы : метод. рек. М., 2006. 52 с.
2. Психологическая подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений к действиям в экстремальных ситуациях : учеб.-метод. пособие / сост. А. И. Ушатилов, О. Г. Ковалев, В. А. Семенов. Рязань, 1997. 144 с.

ANDREY GENNADEVICH MALYSHEV,

phd in pedagogy,

associate professor, fire training department,

e-mail: malichevag@mail.ru;

ALEXANDER MIKHAYLOVICH MISHHUK,

adjunct training

of the research and educational personnel department

(Academy of the FPS of Russia),

e-mail: mam1982.09@mail.ru

THE IMPORTANCE OF FIRE TRAINING IN FORMING OF MORAL AND PSYCHOLOGICAL QUALITIES OF PENAL SYSTEM OFFICERS

Abstract: at the present stage of development of penal system the special importance is purchased the need of improvement of the level of moral and psychological training of penal officers.

Law-enforcement activity is among professions of highened risk and is characterized by rather high level of extremeness and professional stress. The service in penal institutions comprises elements of negative impact to which only the personality with the high level of formation of moral and psychological qualities is capable to resist. Due to this fact today there is a need of increase of the efficiency of the process of their forming at the staff of organizations and bodies of the FPS of Russia that in turn will promote the achievement of the goals and the solution of the tasks determined in the Concept of development of a penal system of the Russian Federation till 2020.

Key words: moral and psychological training, moral and psychological qualities, extreme situations, professional training, efficiency of the activity.

References

1. Kvalifikacionnye trebovaniya k sotrudnikam osnovnyh sluzhb ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Qualification requirements to the staff of the main services of penal system]. Moscow, 2006. 52 p.
2. Psihologicheskaja podgotovka sotrudnikov penitenciarnyh uchrezhdenij k dejstvijam v jekstremal'nyh situacijah [Psychological training of staff of penal institutions for actions in extreme situations]. Compilers A. I. Ushatkov, O. G. Kovalev, V. A. Semenov. Ryazan, 1997. 144 p.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА МИНИНА,кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
(Псковский филиал Академии ФСИН России),
e-mail: irimin@rambler.ru**ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ КУРСАНТОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ**

Реферат: повышению эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы будет способствовать снижение показателей текучести кадров. В современных условиях управленческие позиции руководства вынужденно направлены на использование человеческих ресурсов для достижения необходимых целей, что препятствует личностному развитию профессионала. Наличие смысла в работе, преданность организации до некоторой степени защищает людей от негативных последствий стресс-факторов служебной деятельности.

Преодолению хронического профессионального стресса может способствовать отношение сотрудника уголовно-исполнительной системы к себе как к специалисту, имеющему аванс доверия и уважения общества.

Прикладные исследования выявили преимущественно нейтральное отношение граждан к уголовно-исполнительной системе. Отрицательные ассоциации вызывает сама служба, а не ее сотрудники. Потенциал положительного восприятия профессии присутствует в чувстве социальной стабильности, наличии перспективы карьерного роста и социальной значимости служебных обязанностей.

Исследование ценностных ориентиров профессионального становления проведено среди 90 курсантов Псковского филиала Академии ФСИН России. Применены методика незаконченных предложений в виде формализованного интервью и методика диагностики симптомов эмоционального выгорания В. В. Бойко. В качестве смысловых элементов контент-анализа использованы вербальные обозначения эмоционального восприятия условий, престижности и социальной значимости избранной профессии. Анализ результатов показал, что чем выше показатели осмысленности профессионального выбора, осознания привлекательных сторон своей специальности и ее соответствие жизненным ценностям, тем меньше выражены симптомы эмоциональной напряженности, вызываемой специфическими условиями профессионально ориентированного обучения.

На повышение престижа службы и закрепление курсантов в осваиваемой профессии будут оказывать влияние целенаправленная агитационная работа среди молодежи, регулярные мероприятия воспитательного характера и убежденность педагогических наставников в ценности профессиональной самореализации по обеспечению потребности граждан жить в безопасном и законопослушном обществе.

Ключевые слова: выбор профессии, подготовка специалистов, курсанты, престиж службы, ценностные ориентации, эмоциональная напряженность, текучесть кадров.

Перемены, происходящие в стране, оптимизация расходов федеральных органов исполнительной власти требуют повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников силовых структур. Этому будет способствовать закрепление на службе квалифицированных кадров и проведение мероприятий по профилактике профессионально обусловленных личностных деструкций персонала правоохранительных органов.

Отношение к профессии формируется на этапе профессионально ориентированного обучения в

образовательной организации. Ответственное профессиональное самоопределение оказывает положительное влияние на способность сотрудника к успешному преодолению трудностей процесса профессионализации. Недостаточно осмысленный выбор профессии, не принимающий во внимание личностные особенности, ценности и стремления человека, со временем приведет к разочарованию и снижению мотивации в процессе профессиональной деятельности, следствием которого становится снижение результативности труда. Между тем трудовая деятельность занимает основную часть

жизни человека и определяет существенные направления для самоактуализации личности. Тщательное изучение процесса профессионально-пенитенциарного становления курсантов образовательных организаций ФСИН России становится особенно актуальным в ситуации, когда под влиянием социальных изменений формируется новый стиль организации труда уголовно-исполнительной системы, отличающийся гуманистической направленностью. Анализ ценностно-мотивационных особенностей курсантов на этапе обучения способствует поиску путей сохранения в системе исполнения наказаний сотрудников, получивших профильное образование в образовательных организациях ФСИН России.

С целью исследования выдвинуто предположение о том, что наличие ценностной установки престижности и социальной значимости избранной профессии сотрудника ФСИН России определяет состояние субъективного благополучия курсантов в процессе профессионального становления и формирует профессиональную мотивацию.

В последнее время выбор ведомственной образовательной организации, подготовка в ней и даже сама офицерская служба не гарантируют определение личностью службы государству в качестве основного и долгосрочного вида трудовой деятельности. Только комплексный подход к решению вопросов повышения престижа службы на благо государства может принести реальные результаты в сохранении кадрового потенциала силовых ведомств и повышении эффективности профессиональной деятельности их сотрудников.

Деформирующее влияние на личность сотрудника уголовно-исполнительной системы оказывает специфическая среда, в которой осуществляется профессиональная деятельность. Е. Л. Сучкова, изучая влияние субкультуры осужденных на персонал исправительных учреждений, выявила снижение доверия сотрудников пенитенциарной системы по отношению к окружающим их людям. Под влиянием субкультуры осужденных персонал становится более циничным и жестоким. Для участников исследования такие личностные качества, как открытость в восприятии окружающих и доверие к людям, были более важными в тот период, когда они еще не были связаны со службой в уголовно-исполнительной системе [7].

К особенностям влияния профессиональной среды можно отнести и специфичность организации службы, осуществляемой на принципах единоначалия и строгой субординации во взаимоотношениях. По мнению Д. Д. Шатохина, «управление персоналом подразделения уголовно-исполнительной системы – это формирование кадрового потенциала системы, способного успешно

решать задачи, стоящие перед УИС, и системное, планомерно организованное воздействие на персонал подразделения в целях обеспечения эффективного функционирования учреждения и всестороннего развития занятых в нем работников» [8]. В этом определении совмещено желаемое и действительное положение дел в области кадрового менеджмента правоохранительных органов. Однако в настоящее время управленческие позиции руководства силовых структур в большинстве случаев можно назвать установкой на использование человеческих ресурсов, которая противоположна по своей сути установке на актуализацию потенциалов. Такая система управления дает конкретный результат – достижение необходимой цели, однако препятствует процессу личностного развития профессионала.

Выходу из сложившейся ситуации хронического профессионального стресса в связи с регулярным увеличением должностных обязанностей и повышением требований к сотрудникам, носящим погоню, может способствовать отношение сотрудника правоохранительных органов к себе как к представителю престижной профессии, которая имеет «социальный аванс» доверия и уважения.

По мнению Н. А. Родионовой, под социальным престижем следует понимать закрепленную в общественном сознании значимость какого-либо объекта (индивида, социальной группы, института) или его деятельности, разделяемую обществом на основании существующей в нем системы норм и ценностей. Она отмечает, что престиж профессии является оценочной формой отношения людей к тому или иному виду трудовой деятельности. Для его анализа существенными оказываются два аспекта: массовая популярность и общественное признание [6].

Престиж профессии складывается под воздействием реального (социального) положения представителей данной профессии в обществе. Тем самым в нем выражаются не столько содержание конкретного вида деятельности, сколько социальные последствия для тех людей, которые ее осуществляют. Высоким авторитетом наделяются, поощряются те профессии, которые наилучшим образом соответствуют ценностным и нормативным стандартам и которые выгодны, благотворны и значимы для общества [9].

В ряде публикаций встречается предположение, что большая преданность организации до некоторой степени защищает людей от негативных последствий стресса. Малоинтересная работа или работа, в которой индивидум видит мало смысла, является одним из стрессогенных факторов, связанных с деятельностью организации [4].

Каждый человек, достигая определенного возраста, думает о выборе направления своего профессио-

нального развития. Помимо размера заработной платы, личных интересов, перспектив и возможностей, большинство людей учитывают имидж организации и востребованность будущей профессии.

В настоящее время в российском обществе сложилась необходимость повышения уровня престижа службы во ФСИН России среди молодежи. Для этого нужно организовать эффективную систему управления повышением престижа уголовно-исполнительной системы среди законопослушной молодежи, активизировать деятельность государства в сфере социально-экономического стимулирования этой социальной группы на государственную службу, а не только на получение высшего образования за счет бюджетных ассигнований.

В Хабаровском и Приморском краях было проведено исследование стереотипов восприятия профессии сотрудника ФСИН России [2]. Т. А. Бондаренко выявила, что на вопрос о престижности службы в уголовно-исполнительной системе больше всего получено положительных ответов (64,0 %) по показателю «служба в Федеральной службе исполнения наказаний дает ее сотрудникам ощущение социальной стабильности». Высоко оценивается «перспектива профессионального (карьерного) роста» – 47,0 %, под которым понимаются возможности получения специального звания, как очередного, так и досрочного; бесплатного обучения в высшем учебном заведении и т. п. Критерий «социальная значимость выполнения служебных обязанностей» оценен респондентами всего на 40,0 %. Значительно меньше (всего по 7,0 %) оценены такие показатели престижа профессии, как «желание нести службу в силовом ведомстве» и «степень популярности среди граждан представителей силового ведомства».

По результатам семантического анализа определено, что в отношении к такому силовому ведомству, как ФСИН России, преобладает нейтральное мнение (67,0 % от всех ответов) и в то же время практически отсутствует положительное (всего 4,3 %), причем отрицательные ассоциации вызывает сама служба исполнения наказаний, а не ее сотрудники [2]. Таким образом, престижные оценки службы в силовых ведомствах находятся в прямой зависимости от общественной системы ценностей и модифицируются с ее изменением.

После прохождения этапа профессиональной подготовки молодые сотрудники уголовно-исполнительной системы в процессе самостоятельного несения службы в пенитенциарных учреждениях получают возможность реализации своих ценностных ориентиров и социокультурных установок. В период с 2012 по 2015 год проведено исследование ценностно-мотивационных особенностей личности курсантов, проявляющихся в процессе профессио-

нального становления. В нем приняли участие 90 курсантов Псковского филиала Академии ФСИН России второго и третьего курсов обучения.

Для выявления личностных факторов отношения к профессии использован проективный метод, который позволяет сочетать высокую информативность и трудность фальсификации. Именно поэтому для целей исследования спектра отношений к ценностям выбранной профессии применена авторская форма интервью, состоящая из 30 незаконченных предложений с включенными в нее утверждениями профессиональной направленности [3]. Данные предложения подразумевают проявление от участников эмпирического исследования положительной либо отрицательной оценки актуального отношения к выбранной ими профессии. Применение этого инструментария позволяет изучить индивидуальные отношения будущих сотрудников ФСИН России к службе и вероятностные внутриличностные противоречия профессионального развития.

С целью обработки полученных результатов применялся контент-анализ. В качестве его смысловых элементов использованы вербальные обозначения эмоционального восприятия условий, престижности и социальной значимости избранной профессии.

Подсчет осуществлялся путем субъективной оценки эмоционально окрашенной смысловой нагрузки предложений. В критерии «привлекательность профессии» в 1 балл оценивались ответы типа: «Моя профессия хорошо оплачивается», «Моя профессия очень важна для общества», «Моя профессия мне нравится», «Моя работа связана с исправлением осужденных», «Я всегда хотел стать юристом» и т. п. Ответы типа «Моя профессия – курсант ФСИН России», «Моя профессия нормальная», «Моя работа связана с осужденными» считались индифферентными и в расчет не принимались.

Каждый сотрудник способен воспринимать как достоинства, так и минусы избранной профессии. В качестве непривлекательных сторон и обстоятельств службы отражается только лично значимая информация. В критерии «минусы профессионального выбора» в 1 балл оценивались такие ответы, которые свидетельствуют о неосознанном либо вынужденном выборе профессии, желании по достижении пенсии сразу уйти со службы, явном сожалении о виде своего профессионального самоопределения. Например: «Моей самой большой ошибкой было поступление в это учебное заведение», «Достигнув в УИС права на пенсию, я непременно из нее уйду», «Я выбрал службу в УИС, потому что так настояли родители», «Если я не иду на службу, значит, мне повезло». Утвер-

ждения типа «Лучше всего мне работается в тишине и спокойствии» явно свидетельствуют о несоответствии требуемых условий деятельности реальным обстоятельствам службы сотрудника исправительного учреждения. В качестве критерия «актуальное отношение к профессии» подсчитывалась разница между количеством утверждений, свидетельствующих о привлекательности выбранной профессии, и количеством утверждений, указывающих на осознаваемые минусы профессионального выбора.

Дополнительным фактором, определяющим успешность профессиональной деятельности специалистов в любой области, может являться развитая способность к компенсации негативных состояний по отношению к выполняемой работе. На этапе обучения утверждать об эмоциональном выгорании курсантов необоснованно, их эмоции в связи с непродолжительным влиянием особенностей профессии на личность выгореть еще не могут. Однако наличие признаков формирования и развития симптомов эмоциональной напряженности, ведущих к снижению работоспособности, будут подтверждением истощения внутренних компенсаторных ресурсов организма курсанта противостоять особенностям и сложным условиям профессионально ориентированного обучения.

С помощью методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко определено наличие эмоциональной напряженности курсантов в процессе профессионального становления и определен ее уровень [1].

С целью исследования силы и направления взаимосвязи декларируемых профессиональных ценностей уголовно-исполнительной системы с выраженностью симптомов уровня эмоциональной напряженности курсантов был применен расчет коэффициента линейной корреляции Пирсона.

По результатам исследования составлена матрица корреляционных связей между показателями симптомов эмоциональной напряженности и характеристиками отношения к профессии по группе респондентов. В ней представлены статистические взаимосвязи, которые выявлены между показателями шкал «Привлекательность профессии», «Минусы профессионального выбора», «Актуальное отношение к профессии».

В ходе исследования корреляционный анализ показал отрицательные связи шкалы «Привлекательность профессии» с фазами «Напряжение» ($r = -0,39$, $p < 0,001$) и «Истощение» ($r = -0,24$, $p < 0,05$), положительные связи по шкале «Минусы профессионального выбора» и фазами «Напряжение» ($r = 0,53$, $p < 0,001$), «Резистенция» ($r = 0,35$, $p < 0,001$) и «Истощение» ($r = 0,45$, $p < 0,001$) и отрицательные взаимосвязи шкалы «Актуальное

отношение к профессии» и фазами «Напряжение» ($r = -0,51$, $p < 0,001$), «Резистенция» ($r = -0,23$, $p < 0,05$), «Истощение» ($r = -0,37$, $p < 0,01$). С высокой степенью достоверности выявлена отрицательная взаимосвязь итогового показателя актуального отношения к профессии и интегрального показателя эмоциональной напряженности курсантов ($r = -0,42$, $p < 0,001$). Это означает, что чем выше показатели осмысленности профессионального выбора, осознания привлекательных сторон своей специальности и ее соответствия жизненным ценностям, тем меньше выражены симптомы нежелательной эмоциональной напряженности, вызываемой специфическими условиями профессионально ориентированного обучения.

Результаты исследования согласовываются с научными выводами А. Я. Найна о наличии в трудовых коллективах стабильной и подвижной части. Наибольшей фактической и потенциальной подвижностью характеризуются лица в возрасте 18–25 лет, наименьшей – 35–40 лет. Исследования А. Я. Найна показали, что в возрасте до 25 лет молодые сотрудники составляют преобладающую часть лиц, увольняющихся по собственному желанию. Повышенную подвижность молодых рабочих в этом возрасте он объясняет стремлением к престижности и привлекательности профессии, высокой требовательностью к производственной обстановке, активным поискам своего места в жизни [5]. Именно поэтому важно найти пути закрепления на службе выпускников образовательных организаций ФСИН России, обладающих указанной выше потенциальной подвижностью. При исчерпании психологических ресурсов и смысла своего труда молодые специалисты уголовно-исполнительной системы будут стремиться к своей реализации в других отраслях и производствах.

Поскольку уровень престижности прохождения службы в правоохранительных органах в значительной мере определяется системой социальных ценностей, направленностью общественных и профессиональных потребностей и мотивов личности, формирующихся в образовательно-воспитательном процессе, управление данным социальным феноменом целесообразно осуществлять уже на стадии предварительного выбора профессии и совершенствовать в период профессионально ориентированного обучения.

Мероприятия воспитательного характера и ритуалы с государственной символикой помогают курсантам идентифицировать себя с образом государственного служащего. Однако, чтобы закрепить человека в уголовно-исполнительной системе, надо активно транслировать преимущества данной службы. Если преподаватели этого не осознают, то поделиться с курсантами мотивами профессионального долголетия они не могут. Возникает пре-

вентивная необходимость последовательной воспитательной работы с высокообразованным и интеллектуальным педагогическим коллективом.

Модернизация институтов современного общества, дальнейшее повышение денежного довольствия, укрепление социальной и правовой защищенности сотрудников силовых ведомств с одновременным возрождением военно-патриотического воспитания, традиций и ценностей государственной службы позволят привлечь в уголовно-

исполнительную систему образованных молодых людей с высоким уровнем не только интеллектуальных, но и моральных качеств. Важно, чтобы они поверили в то, что в период социальной напряженности и экономического спада государственная служба остается оплотом стабильности и надежности, позволяющим молодым людям реализовать свой профессиональный потенциал и потребности граждан жить в безопасном и законопослушном обществе.

Список литературы

1. Бойко В. В. Психознергетика. СПб., 2008. 416 с.
2. Бондаренко Т. А. Престиж профессии и стереотип восприятия сотрудника ФСИН России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 1. С. 8–9.
3. Иванова С. П., Минина И. Н., Почебут Л. Г. Соотношение профессиональных ценностей личности и эмоционального выгорания у курсантов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России // Проблемы управления рисками в техносфере. 2011. № 4. С. 162–168.
4. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента : пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. Л. И. Евенко. М., 1998. 799 с.
5. Найн А. Я. Мой тернистый путь в науку: избранное : монография. Челябинск, 2010. 319 с.
6. Родионова Н. А. Пути повышения престижа военной службы среди студентов российских вузов // Труд и социальные отношения. 2009. № 6. С. 114–118.
7. Сучкова Е. Л., Штефан Е. Ф. Влияние субкультуры осужденных на ценностно-мотивационную сферу сотрудников УИС // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4. С. 94–96.
8. Шатохин Д. Д. Понятие и сущность организации управления персоналом подразделений уголовно-исполнительной системы: теоретический аспект // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 91–95.
9. Ядов В. А. Социально-структурные общности как субъекты жизнедеятельности // Социологические исследования. 1989. № 4. С. 60–63.

IRINA NIKOLAEVNA MININA,

phd in psychology,
senior lecturer, social, humanitarian and natural-science disciplines department
(Academy of the FPS of Russia (Pskov branch)),
e-mail: irimin@rambler.ru

VALUE-MOTIVATIONAL PECULIARITIES OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF MILITARY STUDENTS OF THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA

Abstract: the increase of the efficiency of the penal system activity will reduce the level of staff turnover. In modern conditions managerial positions are forcedly directed to the use of human resources to achieve the required goals, which impedes personal development of a professional. The presence of personal motivation in work, commitment to the organization to some extent protects people from the negative consequences of stressors in service activities.

Self-perception of the penal system officer as a specialist who is trusted and respected by society, can help in overcoming chronic job-related stress.

Sociological studies have revealed a predominantly neutral attitude of citizens to the prison system. The negative associations arise due to the nature of the service and not the staff. The potential to have a positive perception of the profession is in the sense of social stability, career prospects and social significance of official duties.

The study of value orientations of professional development was conducted among 90 military students of the Pskov branch of the Academy of the FPS of Russia. There were applied the following methods: the method of unfinished sentences in the form of formal interviews and a technique of diagnostics of symptoms of emotional burnout of V. V. Boyko. As semantic elements of the content analysis there were used verbal symbols of emotional perception of the conditions, the prestige and social significance of chosen profession. The analysis of

the results showed that the higher levels of motivation in the choice of profession, awareness of the attractive aspects of profession and its conformity to the values, the less vivid are the symptoms of emotional tension caused by specific conditions professional oriented learning.

To raise the prestige of service and to reduce the number of layoffs of military students one should try to conduct systematic propaganda work among young people, as well as regular educational events. The conviction of the pedagogical mentors in values of professional self-realization to ensure the needs of citizens to live in a safe and law-abiding society will be helpful as well.

Key words: the choice of a profession, training, military students, prestige of service, value orientation, emotional tension, officers' turnover.

References

1. Bojko V. V. Psihojenergetika [The psychoenergy]. St. Peterburg, 2008. 416 p.
2. Bondarenko T. A. Prestizh professii i stereotip vosprijatija sotrudnika FSIN [The prestige of the profession and the stereotype perception of the employee of the Federal Penal Service of the Russian Federation]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement, 2007, no. 1, pp. 8–9.
3. Ivanova S. P., Minina I. N., Pochebut L. G. Sootnoshenie professional'nyh cennostej lichnosti i jemocional'nogo vygoranija u kursantov Sankt-Peterburgskogo universiteta GPS MChS Rossii [Ratio of person's professional values and emotional burnout of military students of the St. Petersburg University GPS of the Ministry of emergency measures of Russia]. Problemy upravlenija riskami v tehnosfere – Problems of risk management in the technosphere, 2011, no. 4, pp. 162–168.
4. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of management]. Under the editorship of L. I. Evenko Moscow, 1998. 799 p.
5. Najn A. Ja. Moj ternistyj put' v nauku: izbrannoe [My thorny way to a science]. Cheljabinsk, 2010. 319 p.
6. Rodionova N. A. Puti povyshenija prestizha voennoj sluzhby sredi studentov rossijskih vuzov [Ways of increase of prestige of military service among the students of Russian universities]. Trud i social'nye otnoshenija – Work and social relationships, 2009, no. 6, pp. 114–118.
7. Suchkova E. L., Shtefan E. F. Vlijanie subkul'tury osuzhdennyh na cennostno-motivacionnuju sferu sotrudnikov UIS [The influence of convicts' subculture on the value-motivational sphere of prison staff]. Vestnik instituta : prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the institute : crime, punishment, correction, 2012, no. 4, pp. 94–96.
8. Shatohin D. D. Ponjatie i sushhnost' organizacii upravlenija personalom podrazdelenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskij aspekt [The concept and essence of organization of the personnel management units of the penal system: theoretical aspect]. Ugolovno-ispolnitel'noye pravo – Penal law, 2015, no. 3, pp. 91–95.
9. Jadov V. A. Social'no-strukturnye obshhnosti kak sub''ekty zhizne-dejatel'nosti [Social-structural commonalities as subjects of life]. Sociologicheskie issledovanija – Sociological research, 1989, no. 4, pp. 60–63.

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА МИХАЛЕВА,

кандидат психологических наук, доцент,
заместитель начальника академии по учебной работе,
e-mail: mikhalewaiv@yandex.ru;

ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА КАЛАШНИКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС,
e-mail: tana-ka58@yandex.ru;

МАРИЯ МИХАЙЛОВНА КАЛАШНИКОВА,

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры общей психологии
(Академия ФСИН России),
e-mail: maria-ka@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕНИТЕНЦИАРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Реферат: в современной отечественной пенитенциарной психологии возможно выделить ряд авторских научных концепций, к числу которых относится концепция направленности личности осужденных доктора психологических наук, профессора В. Г. Деева. Он творчески обобщил, переосмыслил и сделал удачную попытку объединить идеи А. Ф. Лазурского, А. С. Макаренко, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна и других отечественных психологов. Концепция нашла отражение не только в фундаментальных учебниках по пенитенциарной психологии «Основы психологии исполнения уголовных наказаний» (2001), «Основы пенитенциарной психологии» (2001) и «Пенитенциарная психология» (2003), но и в конкретных психологических исследованиях. Следует отметить, что после В. Г. Деева никто не исследовал направленность личности осужденных как целостное, системное свойство в совокупности всех компонентов ее структуры. Как правило, изучаются отдельные компоненты направленности личности осужденных, что позволяет прогнозировать поведение осужденного в разнообразных ситуациях жизнедеятельности, как в условиях изоляции, так и после освобождения. Концепция направленности личности осужденных является теоретико-методологической основой не только психологического изучения личности осужденного, но и организации его психологического сопровождения в условиях исправительного учреждения, а также после выхода на свободу.

Ключевые слова: направленность личности, структура и компоненты направленности личности осужденных, типология осужденных.

Современная отечественная пенитенциарная психология опирается на ряд авторских научных концепций, представляющих собой определенный способ понимания, объяснения индивидуально-психологических, социально-психологических особенностей личности осужденных и среды пенитенциарного учреждения, а также стратегию практических действий пенитенциарного психолога. К их числу можно отнести концепции психодинамики личности осужденных доктора психологических наук, профессора Д. В. Сочивко, криминогенного общения в среде осужденных доктора психологических наук, профессора А. Н. Сухова, волевой активности несовершеннолетних осужденных доктора психологических наук, профессора А. И. Ушатикова, а

также концепцию направленности личности осужденных доктора психологических наук, профессора В. Г. Деева.

«Направленность личности» – это термин отечественных психологов, поэтому, разрабатывая проблему психологии направленности личности осужденного, В. Г. Деев представил историко-психологический анализ изучения данного свойства личности в отечественной науке в работе «Психология направленности личности осужденных молодежного возраста» (1978). Он творчески обобщил, переосмыслил и сделал удачную попытку объединить идеи А. Ф. Лазурского, А. С. Макаренко, А. Н. Леонтьева, В. Н. Мясищева, К. К. Платонова, С. Л. Рубинштейна и других отечественных психологов с целью разработки стройной концепции направленности личности осужденных.

Так, идеи А. Ф. Лазурского в работе «Классификация личностей» (1925) о психических уровнях личности, о концентрации личности, ее психического склада, выраженного в целенаправленном, захватывающем всего человека интересе к значимому для нее объекту деятельности, послужили отправной точкой для разработки проблемы направленности личности, хотя А. Ф. Лазурский и не ввел в психологию понятие «направленность». С. Л. Рубинштейном в работе «Основы общей психологии» (1946) дано обоснование направленности как центрального свойства психики человека, как сложного структурного образования, как совокупности потребностей, интересов, идеалов, выступающих в качестве мотивации деятельности человека. Направленность – это самовыражение личности в жизни, ее тенденция самореализации. Б. М. Теплов в работе «Психология» (1946) трактовал направленность как характеристику психологической стороны человека, выраженную в интересах и склонностях. Он выдвинул идею о качественной характеристике направленности личности по содержанию, широте, устойчивости, интенсивности, действенности по силе. Л. И. Божович в работе «Личность и ее формирование в детском возрасте» (1968) представила свою концепцию структуры личности, в которой в качестве системообразующего признака структуры личности выступает «внутренняя позиция личности», или ее направленность. Б. И. Додонов (1973) называет направленностью некоторые особенности переживаний человека в их взаимной связи, характер его эмоционального настроения, вводит понятие «эмоциональная направленность». А. Г. Ковалев (1973) включает в структуру направленности личности потребности, интересы, мировоззрение, идеалы и трактует направленность как систему отношений к действительности. Большой вклад в разработку проблемы направленности внесен психологом К. К. Платоновым. Он обосновал место направленности в динамической структуре личности, выделив четыре группы ее особенностей и черт, которые обусловлены социально и генетически, указав при этом, что доминирующее влияние всегда остается за социальной стороной личности – ее направленностью (мировоззрение, потребности, интересы, идеалы и эстетические качества). Исследования отечественных психологов были направлены на выделение различных видов направленности (М. З. Неймарк, 1968; Д. И. Фельдштейн, 1995 и др.).

В зарубежных исследованиях не используется понятие «направленность личности». Однако, зная психологическое содержание данного понятия, благодаря работам отечественных психологов возможно увидеть, что зарубежные психологи с пози-

ций принадлежности к определенной психологической школе так или иначе трактуют направленность личности. Еще Л. С. Рубинштейн указывал, что «проблема направленности – это, прежде всего, вопрос о динамических тенденциях, которые в качестве мотивов определяют человеческую деятельность, сами, в свою очередь, определяясь ее целями и задачами» [7].

О динамических тенденциях как бессознательных влечениях речь идет в психодинамической концепции З. Фрейда. К. Левин делает попытку объяснения психических процессов через динамические тенденции, при этом, по справедливому замечанию Л. М. Митиной, отрывая динамический аспект направленности личности от смыслового [6, с. 28–35].

В рамках аналитической психологии К. Г. Юнг при разработке типологии личности по критерию функций личности (мышление, ощущение, чувства, интуиция) исходил из того, что каждая функция проявляется в двух направлениях – интроверсия и экстраверсия. Направленность личности соотносится с понятиями интроверсии – экстраверсии.

В индивидуальной психологии А. Адлера направленность личности связана с понятиями «жизненные цели», «стиль жизни». Стиль жизни – направленность устремлений человека. Жизненные цели, стиль жизни не всегда осознанны, так как формируются в раннем детстве и в последующем мотивируют направление поведения и деятельности человека.

В гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс и др.) направленность личности рассматривается как стремление к самоактуализации.

Для зарубежных психологов характерно прикладное направление в изучении направленности личности: Ф. Кюнцель (1934) ввел понятия «личная направленность» и «деловая направленность»; Б. Басс опубликовал ориентационную анкету (1967) «Определение направленности личности»; чешские психологи В. Смекал и М. Кучер несколько изменили ориентировочную анкету Б. Басса и создали методику диагностики направленности личности; Э. Шостром разработал Опросник личностной ориентации (Personal Orientation Inventory, POI), основанный на концепции А. Маслоу и предназначенный для количественной оценки степени самоактуализации личности (1964, 1974).

При разработке концепции направленности личности осужденных профессор В. Г. Деев попытался творчески соединить теоретические отечественные психологические разработки и зарубежный прикладной аспект данной проблемы. Итогом явилась разработка авторской концепции направленности личности осужденных, в которой цен-

тральное место занимает структура направленности личности осужденного и детальное психологическое описание ее элементов. Структура направленности включает в себя три подструктуры: генерализованная подструктура (влечения, установки, желания, интересы, стремления, идеалы, мировоззрения и убеждения) – содержание направленности личности; подструктура отношений – индикатор содержательной стороны направленности личности; подструктура жизненных планов, перспектив и целей деятельности личности.

Содержание генерализованной подструктуры совпадает с содержанием мотивации, однако «направленность составляют те мотивационные линии, которые стали доминирующими в общей системе детерминации поведения» [8].

Направленность в структуре личности является высшим уровнем регуляции поведения и деятельности, ее формирование обусловлено осознанными мотивами, она связана с активностью личности. В работе «Психологическая классификация осужденных молодежного возраста» (1981) В. Г. Деев указывает, что на основе анализа поведения осужденных в возрасте от 18 до 25 лет установлено, что направленность их личности наиболее отчетливо проявляется через активность в трудовой, учебной и общественно полезной деятельности. Психологическому анализу подлежат влечения, желания, интересы, склонности, идеалы, мировоззрение, убеждения, система отношений, жизненные планы, перспективы, цели деятельности осужденных. Им была разработана, апробирована и адаптирована к условиям исправительных учреждений методика исследования самооценки направленности, которая позволила всесторонне изучать личность осужденных и выделить их следующие типы: условные коллективисты, активной отрицательной групповой направленности, отрицательные индивидуалисты, пассивной отрицательной направленности, неустойчивые, активисты-одиночки, приспособленцы. Данная типология имеет большое практическое значение. На ее основе возможно разрабатывать и применять к осужденным индивидуальные или групповые (в рамках типологии) программы психолого-педагогического воздействия, прогнозировать поведение осужденных как в исправительном учреждении, так и после освобождения.

Созданная В. Г. Деевым психологическая концепция направленности личности осужденных явилась заметным вкладом в отечественную пенитенциарную психологическую науку. Свои научные идеи В. Г. Деев воплотил в более чем 100 трудах. К основным из них относятся: «Наблюдение как метод изучения личности осужденного» (1976), «Психология направленности личности

осужденных молодежного возраста (1978), «Экспериментальные методы изучения направленности личности осужденных» (1979), «Психологическая характеристика осужденных молодежного возраста» (1981), «Криминальная психология» (в соавторстве, 1997), «Психодиагностика осужденных» (в соавторстве, 2000).

Концепция нашла отражение не только в фундаментальных учебниках по пенитенциарной психологии «Основы психологии исполнения уголовных наказаний» (2001), «Основы пенитенциарной психологии» (2001) и «Пенитенциарная психология» (2003), но и в конкретных психологических исследованиях. После В. Г. Деева никто не исследовал направленность личности иных категорий осужденных как целостное, системное свойство в совокупности всех компонентов ее структуры. Это достаточно сложное исследование, требующее больших временных и личностных затрат. Как правило, изучаются отдельные компоненты направленности личности осужденных.

Так, исследование установки как компонента генерализованной структуры направленности личности, как не осознаваемого личностью осужденного состояния готовности к определенной деятельности, с помощью которой может быть удовлетворена та или иная потребность, представлено в работах Т. В. Калашниковой (1990) – изучение установки на отбывание наказания, поведения в ВК несовершеннолетних осужденных женского пола; А. В. Комбаева (2009) – изучение политических установок осужденных; О. М. Писарева (2010) – изучение смысловых установок осужденных [4].

Исследование склонности как мотива, в котором ярко выражена потребность осужденного в определенной деятельности, проведено через изучение склонности к побегу М. Г. Дебольским и И. А. Матвеевой (2004). Определены индивидуально-психологические свойства и личностные особенности, отличающие осужденного, склонного к совершению побега, от остальных осужденных. Установлено, что склонность к побегу наиболее характерна для осужденных в возрасте от 16 до 25 лет, которые обладают повышенной активностью, сталкиваются с большими трудностями при адаптации к условиям исправительного учреждения [1].

Исследование склонности к членовредительству, проведенное Д. Н. Землиным (2009), показало, что ведущим мотивом самоповреждений является манипуляция, желание достичь собственных целей (выгоды), а причина подобных действий – фрустрация основных потребностей. Членовредительство направлено на стремление удовлетворить эти потребности [3].

В отечественной пенитенциарной психологии также проведены исследования склонности осужденных к агрессивности (И. Б. Бойко, Т. В. Калашникова, 1993; Е. Н. Казакова, 2000 и др.), суицидальному поведению (В. Ю. Глазов, 2007; М. Г. Дебольский, 2013, 2014 и др.). Исследование ценностных ориентаций осужденных представлено в работах А. А. Истомина (2007), М. М. Калашниковой (2012) [5].

Исследование личностных смыслов осужденных проведено В. В. Яковлевым (1999) в рамках изучения смысловой сферы осужденных мужского пола. Автором показано, что смысловая сфера представляет собой важнейший контур саморегуляции личности, ответственный за производство смысловых образований и их реализацию в поведении, определение общего смысла своей жизни, отношений к себе и другим людям. От того, насколько сформированной является смысловая сфера, зависит психическое здоровье человека и его духовное благополучие. Г. К. Корнеевой (2004) проведено изучение смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осужденных. Диагностированы критерии (показатели), оказывающие положительное и отрицательное влияние на ощущение осмысленности жизни. А. В. Серым (2004) исследованы система личностных смыслов и выбор стратегии поведения осужденных в условиях изоляции. В ходе исследования были выделены (при участии психологов, сотрудников ИУ) четыре группы осужденных: «сотрудничающие с властями», «честно работающие», «изгои», «криминальные авторитеты» [9, с. 122–136].

Исследование подструктуры отношений через отношение осужденного к другому осуж-

денному проведено Н. А. Поляниным (2005), что позволило дать характеристику гуманистической направленности личности осужденных молодежного возраста, установить критерии гуманистической направленности личности осужденных.

Исследование жизненных планов и перспектив осужденных проведено Н. А. Деевой (1981), А. В. Наприсом (1997). Представляет интерес изучение М. Г. Дебольским и М. П. Чернышковой (2015) влияния субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в исправительном учреждении, жизненные планы и перспективы после освобождения. Установлено, что отсутствие в сознании осужденных значимого психологического настоящего, планов и мечты о будущем приводит к бесперспективности, опустошенности личности. Это является препятствием к построению новых жизненных программ, полноценной и адекватной самореализации [2].

Изучение содержательной характеристики отдельных компонентов направленности личности осужденных, ее динамики в процессе отбывания ими наказания позволяет прогнозировать поведение осужденного в разнообразных ситуациях жизнедеятельности, как в условиях изоляции, так и после освобождения. При этом концепция направленности личности осужденных является теоретико-методологической основой не только психологического изучения личности осужденного, но и организации его психологического сопровождения в условиях исправительного учреждения, а также после выхода на свободу.

Список литературы

1. Дебольский М. Г., Матвеева И. А. Психологические причины и профилактика побегов осужденных. URL : <http://psychlib.ru/mgppu/Por-2004/Por-2004.htm> (дата обращения: 05.02.2016).
2. Дебольский М. Г., Чернышкова М. П. Влияние субъективной картины жизненного пути осужденных на их поведение в период отбывания наказания и риск совершения рецидива преступлений после освобождения. URL : <http://отрасли-права.рф/article/12235> (дата обращения: 17.02.2016).
3. Землин Д. Н. Психология демонстративно-шантажного поведения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3. URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-demonstrativno-shantazhnogo-povedeniya-osuzhdennyh> (дата обращения: 17.02.2016).
4. Калашникова Т. В. Психологические аспекты исправления и перевоспитания несовершеннолетних осужденных женского пола в условиях ВТК : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990. 24 с.
5. Калашникова Т. В., Калашникова М. М. Ценностные ориентации несовершеннолетних осужденных женского пола // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 63–70.
6. Митина Л. М. Психология профессионального развития учителя. М., 1998. С. 28–35.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : учеб. пособие. СПб., 2012. 685 с.
8. Сарсенбаева Л. О. Мотивация и направленность личности: категориальный анализ психологических концепций. URL : http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Psihologia/28190.doc.htm (дата обращения: 17.02.2016).
9. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово, 2004. 272 с.

IRINA VLADIMIROVNA MIHALEVA,

phd in psychology, associate professor,
deputy head of the academy for academic affairs,
e-mail: mikhalewaiv@yandex.ru;

TAT'JANA VITAL'EVNA KALASHNIKOVA,

phd in psychology, associate professor
associate professor, professional activity psychology in penal system department,
e-mail: tana-ka58@yandex.ru;

MARIJA MIHAJLOVNA KALASHNIKOVA,

phd in psychology,
senior lecturer, professional activity psychology in penal system department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: maria-ka@yandex.ru

THE CONCEPT OF PRISONER PERSONALITY ORIENTATION IN RUSSIAN PENOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Abstract: in the modern Russian corrective psychology it is possible to distinguish a number of author's scientific concepts, including the concept of prisoner personality orientation suggested by the Doctor of Psychology, Professor V. G. Deyev. In order to develop this concept he creatively synthesized, reinterpreted and made a successful attempt to combine the ideas of A. F. Lazursky, A. S. Makarenko, A. N. Leontiev, V. N. Myasishchev, K. K. Platonov, S. L. Rubinstein, and other Russian psychologists. The concept is reflected not only in the basic textbooks on corrective psychology such as «Foundations of Psychology in Enforcement of Criminal Sanctions» (2001), «Foundations of Corrective Psychology» (2001) and «Corrective Psychology» (2003), but also in particular psychological investigations. It should be noted that after V. G. Deyev, no one has ever studied prisoner personality orientation as an integral and consistent property in the aggregate of all components of the personality structure. The findings of the research of separate components of a prisoner personality orientation allow predicting the offender behavior in various situations of life, both in prison, and after release. The concept of a prisoner personality orientation is the theoretical and methodological basis for not just the psychological study of prisoner personality, but also for prisoner psychological management and support, both in a correctional institution and after release.

Key words: personality orientation, structure and components of prisoner personality orientation, the typology of prisoners.

References

1. Debolsky M. G., Matveyeva I. A. Psichologicheskie prichiny i profilaktika pobegov osuzhdyonykh [Psychological causes and prevention of prisoner escapes]. Available at : <http://psychlib.ru/mgppu/Por-2004/Por-2004.htm> (Accessed 5 February 2016).
2. Debolsky M. G., Chernyshkova, M. P. Vliyaniye subyektivnoy kartyny zhyznennogo puti osuzhdyonykh na ikh povedeniye v period otbyvaniya nakazaniya i risk soversheniya retsydiva prestupleniy posle osvobozhdeniya [Influence of the prisoner's subjective view of the life path on his behaviour in the period of serving the punishment and the risk of recidivism after release]. Available at : <http://отрасли-права.рф/article/12235> (Accessed 17 February 2016).
3. Zemlin D. N. Psikhologiya demonstrativno-shantazhnogo povedeniya osuzhdyonykh [Psychology of prisoners demonstrative-blackmailing behavior]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-demonstrativno-shantazhnogo-povedeniya-osuzhdennykh> (Accessed 17 February 2016).
4. Kalashnikova T. V. Psikhologicheskiye aspekty ispravleniya i perevospitaniya nesovershennoletnikh osuzhdyonykh zhenskogo pola v usloviyach VTK. Avtoref. dis. kand. psihol. nauk [Psychological aspects of rehabilitation and reeducation of juvenile female convicts in conditions of juvenile penal colonies. Cand. psychological sci. diss. abstract]. Moscow, 1990. 24 p.
5. Kalashnikova T. V., Kalashnikova M. M. Tsenostnye orientatsiyi nesovershennoletnikh osuzhdyonykh zhenskogo pola [Value orientations of juvenile female prisoners]. *Prikladnaya juridicheskaya psihologiya – Applied legal psychology*, 2012, no. 3, pp. 63–70.

6. Mitina L. M. Psikhologiya professionalnogo razvitiya uchitelya [Psychology of a teacher's professional development]. Moscow, 1998, pp. 28–35.
7. Rubinstein S. L. Osnovy obshyey psikhologii [Foundations of General psychology]. St. Petersburg, 2012. 685 p.
8. Sarsenbayeva L. O. Motivatsiya i napravlennost lichnosti: kategorialny analiz psikhologicheskikh kontseptsy [Motivation and orientation of personality: categorical analysis of psychological concepts]. Available at: http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Psihologia/28190.doc.htm (Accessed 17 February 2016).
9. Sery A. V. Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsiyi, dinamika [System of personal senses: structure, functions, dynamics]. Kemerovo, 2004. 272 p.

АНАСТАСИЯ ГЕОРГИЕВНА ЕМЕЛЬЯНОВА,
старший преподаватель кафедры режима и охраны
в уголовно-исполнительной системе
(Пермский институт ФСИН России),
e-mail: editor62@yandex.ru

УЧЕТ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОСУЖДЕННЫХ В РЕФОРМИРОВАНИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реферат: в статье приводится общая характеристика уголовно-исполнительного законодательства с точки зрения особенностей личности в условиях лишения свободы; подчеркивается, что современное законодательство предусматривает действенную дифференциацию условий и порядка отбывания наказания; акцентируется внимание на необходимости учета национальных традиций в построении системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы; определяются меры по дальнейшему стимулированию осужденных к правопослушному поведению, их исправлению. На основании учения А. С. Макаренко, экспертной оценки зарубежных специалистов констатируется, что совершенствование уголовно-исполнительной системы должно осуществляться в рамках исправительных учреждений открытого типа, которыми являются исправительные колонии и колонии-поселения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная политика, отбывание наказания, личностные особенности, режим содержания, тюрьма, колония, условия отбывания наказания.

Одной из отличительных черт действующего уголовно-исполнительного законодательства является то, что оно представляет собой реальное воплощение уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на социализацию осужденных, осуществление раздельного содержания осужденных с учетом их личностных особенностей: тяжести совершенного преступления, их криминологической характеристики, изменения идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе. Реализация этих задач способствует решению более частных, но не менее значимых вопросов, в числе которых предупреждение совершения осужденными преступлений во время отбывания наказания.

Категоризация исправительных колоний по видам режима нашла свое развитие в дифференциации условий отбывания наказания в самой исправительной колонии. В исправительных колониях осужденные отбывают наказание в обычных, облегченных и строгих условиях. Данные условия обуславливаются особенностями характеристики осужденного: соблюдение установленного порядка содержания под стражей; отношение к труду; наличие (отсутствие) взысканий (ст. 120 УИК РФ). Следует отметить, что указанные условия реализуются в пределах одного исправительного учреждения. Это позволяет наглядно демонстрировать

осужденным позитивные и негативные стороны соблюдения отбывания наказания.

Данная система заслуживает своего внимания в плане ее дальнейшего совершенствования. Немаловажным является и то, что это не требует каких-либо значительных финансовых вливаний, в отличие от иллюзорной идеи поголовного преобразования исправительных колоний в тюрьмы [1, с. 20]. Она является реализацией идеи А. С. Макаренко о перспективных путях: «Воспитать человека – значит воспитать у него перспективные пути. Методика этой работы заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных» [2, с. 75]. Известно выделение им перспектив: близкая, средняя и далекая.

Близкая перспектива – завтрашний день должен казаться обязательно лучше сегодняшнего. Она «представляет тот необходимый перспективный минимум, без которого вообще трудно представить себе правильную воспитательную работу. Средняя перспектива заключается в проекте... события, несколько отодвинутого во времени. Далекая перспектива может увлекать на большие работы и напряжение, может действительно составлять радостную перспективу. Это обстоятельство строится на естественном инстинкте каждого воспитанника...», – писал А. С. Макаренко применительно к детским учреждениям [2, с. 75–80].

Результаты теоретических дискуссий, поиска практических путей совершенствования системы

исполнения наказаний позволили создать в России в значительной степени свою национальную прогрессивную систему исполнения наказаний в виде лишения свободы. На практике начинает реализовываться идея А. С. Макаренко о перспективных направлениях в воспитательной работе. Применительно к осужденным ими являются: помещение в обычные, облегченные, строгие условия отбывания наказания. Во время отбывания наказания правовое положение осужденного может улучшаться или ухудшаться в зависимости от отбытого и неотбытого наказания, его поведения.

На основе анализа приведенной идеи А. С. Макаренко можно сделать вывод о том, что учет личностных особенностей осужденного при изменении условий отбывания наказания является фактором, стимулирующим его к позитивному правомерному поведению. «Изменение режимных ограничений (запретов) лежит в основе прогрессивной системы отбывания наказания... Ее суть заключается в последовательном улучшении (уменьшении режимных ограничений) условий содержания в зависимости от поведения осужденного... Исполнение лишения свободы в соответствии с правилами прогрессивной системы оказалось столь эффективным, что с определенными модификациями она применяется в большинстве развитых государств и в настоящее время. Кроме того, эта система нашла свое отражение и в международных стандартах обращения с осужденными, особенно в ГП» [3, с. 106]. Не является исключением и Россия. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предлагается «дифференциация условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, с целью обеспечения выполнения ими установленных правил режима содержания, создание системы изучения факторов, способствующих эксцессам со стороны осужденных, с целью выработки мер, стимулирующих правопослушное поведение, а также усиление ответственности злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания» (п. 4).

В деле дальнейшего совершенствования исполнения наказания в виде лишения свободы следует прежде всего исходить из необходимости совершенствования мер, стимулирующих осужденных к правомерному поведению, их исправлению. Важным в решении этих задач является учет национального положительного опыта в данной сфере. Речь идет о приведенном учении А. С. Макаренко, об устоявшейся практике отдачи приоритета местам лишения свободы открытого типа в виде исправительных колоний, колоний-поселений. В последнем случае имеет значение уяснение сущностной стороны тюремной системы исполнения наказания и исполнения наказания в условиях исправительной колонии.

«...Международные акты вполне допускают и даже предполагают полиструктурность и связанную с ней мультирежимность пенитенциарных учреждений. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что термин «тюрьма» в международно-правовой интерпретации имеет, как минимум, три не совпадающих по содержанию значения. Во-первых, оно обозначает всякое учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества...

Во-вторых, тюрьма означает способ пространственной организации внутреннего режима, обеспечивающий прежде всего надлежащий уровень цивилизованности отбывания лишения свободы и уважения личного достоинства заключенных. Это, по мысли авторов международных документов, может быть достигнуто именно камерным их содержанием» [4, с. 9].

В Европейских пенитенциарных правилах указывается, что «размещение заключенных... должно производиться с уважением человеческого достоинства и с обеспечением возможности уединения» (п. 1 ст. 18.1). При этом заключенных обычно следует размещать на ночь в отдельных камерах (п. 1 ст. 18.1). Там, где заключенные ночуют в камерах или комнатах, каждый из них должен располагать отдельной камерой или комнатой (п. 1 ст. 9 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными).

«...В-третьих, тюремное заключение понимается как использование в качестве наказания и элемент структуры пенитенциарных учреждений (тюрьма как средство наказания, устрашения и обеспечения безопасности)» [4, с. 9]. В. А. Уткин обращает внимание на п. 5 ст. 57 Европейских пенитенциарных правил: «Одинокое заключение должно использоваться в качестве наказания только в исключительных случаях и на конкретно установленный срок, который должен быть как можно короче».

«Очевидно, что в отечественной уголовно-исполнительной системе «вектор тюрьмы» как направление ее реформирования ныне понимается и реализуется преимущественно по третьему варианту. Таково традиционно сложившееся восприятие тюрьмы и в сознании большинства сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В итоге провозглашенная в Концепции всеобщая «тюрьминизация» была обречена на неудачу, помимо экономических причин, явным неприятием ее профессиональным обществом, ведь это противоречило активно внедряемым в деятельность сотрудников гуманистическим подходам и ценностям» [4, с. 9].

«При преобразовании в системе органов и учреждений, исполняющих наказания, важно сохранить то положительное, что в ней имеется, то, что российской уголовно-исполнительной систе-

мой накоплен свой национальный заслуживающий внимания опыт» [1, с. 21].

Косвенно данную позицию поддерживает и международное пенитенциарное сообщество. Речь идет о резолюции Конференции директоров тюремных ведомств (Эдинбург, Шотландия, 2009): «Следует пересмотреть концепцию современной тюрьмы. Сложилось представление о тюрьме, как о сооружении, окруженном высокими стенами, с запорами и засовами, где заключенные находятся под постоянным надзором и контролем. Россия подает другой пример организации лишения свободы: основной вид учреждения – исправительная колония, в которой осужденные имеют относительную свободу передвижения в рамках контролируемой и охраняемой территории. Одновременно во многих европейских государствах наметилась опасная тенденция строительства особо охраняемых тюрем с жестким режимом содержания. Совету Европы следует обсудить этот вопрос». При этом необходимо отметить совершенствование организации и условий отбывания наказания в условиях исправительных колоний.

Исправительные учреждения уходят от содержания осужденных в условиях общежития на 100 и более человек. Осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, пребывают в помещениях на 3–6 человек. В то же время они сохраняют привычный для них социум: они могут общаться с другими осужденными, администрацией исправительного учреждения в любое время. Такие условия отбывания наказания являются своего рода синтезом исправительных колоний советского образца и европейских тюрем. Современные исправительные учреждения являются учреждениями нового образца. Они уже не те исправительные колонии с массовым содержанием осужденных в одном помещении и в то же время не учреждения, ограничивающие возможность общения и тем самым позволяющие максимально снимать синдром одиночества, замкнутого пространства, психологического перенапряжения, стресса. В настоящее время мы имеем дело с исправительными учреждениями, характерными только для России.

В научной литературе имеют место предложения по дальнейшему стимулированию осужденного к правомерному поведению, его исправлению. Так, адаптируя перспективы, приводимые А. С. Макарен-

ко, к деятельности исправительных учреждений в современных условиях, Р. А. Филиппов предлагает наполнить их следующим содержанием.

1. Близкая перспектива: перевод осужденных с обычных условий отбывания наказания в облегченные условия; перевод со строгих условий в обычные условия; разрешение на получение дополнительной посылки или передачи; предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания; разрешение расходовать деньги в размере до пятисот рублей на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости; увеличение времени прогулки осужденным, содержащимся в строгих условиях отбывания наказания в исправительных колониях и тюрьмах, до двух часов в день до одного месяца; разрешение на проведение за пределами колонии-поселения выходных и праздничных дней.

2. Средняя перспектива: разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения; разрешение на выезды за пределы исправительных учреждений; освобождение из-под стражи за шесть месяцев до окончания срока наказания (исправительная колония общего режима) с разрешением проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения за пределами исправительной колонии; перевод из тюрьмы в исправительную колонию строгого режима, из исправительной колонии строгого режима в колонию-поселение.

3. Далекая перспектива: представление к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания; представление к условно-досрочному освобождению; поддержание ходатайства осужденного о помиловании [5, с. 149–150].

Применение мер поощрения, установление запретов, возможность отбывания наказания в различных условиях в зависимости от соблюдения установленного порядка отбывания наказания и отношения к труду занимают свое место в формировании у осужденных приведенных перспективных линий. Безусловно, это позволяет максимально учитывать личностные особенности осужденных, что, в свою очередь, оказывает позитивное влияние на соблюдение ими порядка и условий отбывания наказания, положительно сказывается на профилактике с их стороны преступлений и иных правонарушений.

Список литературы

1. Гришко А. Я. Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект. Рязань, 2009.
2. Макаренко А. С. Методика организации воспитательного процесса. М., 1960. Т. 5. 240 с.
3. Павленко А. А. К вопросу о возможности использования зарубежного опыта средств обеспечения режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 104–109.

4. Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 6–10.

5. Филиппов Р. А. Личность осужденного и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 172 с.

ANASTASIA GEORGIYEVNA EMEL'JANOVA,

senior lecturer of the department of regime and protection in the penal system

(The Perm institute of the FPS of Russia),

e-mail: editor62@yandex.ru

ACCOUNTING OF PERSONAL FEATURES OF CONVICTED PERSONS IN THE REFORMING OF THE PENAL SYSTEM

Abstract: the author gives the general characteristic of the penal legislation from the point of view of features of the personality in the conditions of imprisonment; it is emphasized that the modern legislation provides the effective differentiation of conditions and the order of serving sentence; the author draws attention to the need of the accounting of national traditions for creation of system of the penal institutions; the author determines measures for further stimulation of convicted persons to their right obedient behavior, their correction. On the basis of the doctrine of A.S. Makarenko, of the expert assessment of foreign experts, he notes that the improvement of a penal system has to be carried out within correctional institutions of the open type which are correctional colonies and penal colony settlement.

Key words: the penal system, the penal policy, serving sentence, personal features, custodial control, prison, colony, conditions of serving sentence.

References

1. Grishko A. Ja. Reformirovanie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskij proekt [Reforming of a penal correction system: theoretical project]. Ryazan, 2009.

2. Makarenko A. S. Metodika organizacii vospitatel'nogo processa [Technique of the organization of educational process]. Moscow, 1960. Vol. 5. 240 p.

3. Pavlenko A. A. K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovanija zarubezhnogo opyta sredstv obespechenija rezhima v uchrezhdenijah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [To a question of a possibility of use of foreign experience of means of ensuring of the mode in institutions of a penal correction system]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2015, no. 1, p. 106.

4. Utkin V. A. Gibridnye ispravitel'nye uchrezhdenija i mezhdunarodnye standarty [Hybrid correctional facilities and international standards]. Uголовно-исполнительное право – Penal law, 2014, no. 2, p. 9.

5. Filippov R. A. Lichnost' osuzhdenogo i individualizacija ispolnenija nakazaniya v vide lisheniya svobody. Dis. kand. jurid. nauk [The identity of the convict and individualization of execution of the punishment in the form of imprisonment]. Moscow, 2016. 172 p.

МАРИНА ВИКТОРОВНА ОВСЯННИКОВА,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
(Академия ФСИН России),
e-mail: malyva7@rambler.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

Реферат: на основе изучения научных публикаций, нормативных источников, ведомственных методических материалов в статье раскрыта актуальность изучения феномена «эмоциональный интеллект» у осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, с целью снижения конфликтности и оптимизации межличностного взаимодействия, формирования просоциального поведения, снижения агрессивных проявлений и т. д.; проведен краткий анализ зарубежных и отечественных теорий интеллекта и мышления; рассмотрены различные подходы к периодизации изучения феномена «эмоциональный интеллект», в том числе с раскрытием содержания основных моделей, детерминант, содержания и особенностей генезиса эмоционального интеллекта. С учетом исследований эмоционального интеллекта в юридической психологии обоснована программа по изучению эмоционального интеллекта осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, с применением анкетирования и комплекса психодиагностических методик.

Ключевые слова: женская преступность, исправительные учреждения, интеллект, осужденные женского пола, социальный интеллект, эмоциональное мышление, эмоционально-личностная зрелость, эмоциональный интеллект, юридическая психология.

Проблема женской преступности для постсоветской России является весьма актуальной. Среди осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы в последнее время имеется тенденция роста числа криминогенных личностей, что ведет к ухудшению дисциплинарных показателей среди спецконтингента [3, с. 266–269]. По мнению сотрудников колоний, женщины, отбывающие наказание в местах лишения свободы, считаются более тяжелым контингентом по сравнению с мужчинами. Для них характерны нарушения дисциплины из-за возникновения конфликтных ситуаций межличностного и личностно-группового характера, которые обусловлены необходимостью снятия эмоционального напряжения, вызванного фактом осуждения и нахождения в условиях колонии, высокой впечатлительностью и эмоциональной возбудимостью, низкой стрессоустойчивостью [8, с. 117]. Дополнительные проблемы в колониях возникают из-за роста среди данной категории числа женщин, осужденных за наркопреступления [4, с. 3].

Отечественные юристы к изучению личности преступниц-женщин активно обращались как в до-революционный (М. Н. Гернет, П. Н. Тарновская др.), так и в советский (В. А. Внукова, Ю. М. Антонян, В. А. Серебрякова и др.) и постсо-

ветский (Т. Н. Волкова, Е. В. Кунц, Е. В. Серeda, Е. Р. Чернышева и др.) периоды, обосновывая необходимость поиска эффективных путей воздействия на них в местах лишения свободы с целью исправления и предотвращения рецидива. Учитывая, что из-за роста численности и качественных изменений среди осужденных женщин со стороны руководства ФСИН России актуализирована потребность в использовании современных методов в психологическом сопровождении данной категории спецконтингента, рассмотрим подходы, предложенные психологами.

Пенитенциарными психологами, такими как Т. В. Калашникова, Е. Н. Казакова, О. А. Тоболевич, Н. А. Харина и др., у осужденных женщин выявлены специфические дефекты в мотивационной и волевой сферах личности. Исследования Л. В. Петрушиной (2007), П. С. Никитина и С. Н. Борисова (2012) свидетельствуют о том, что причиной деструктивного поведения осужденных женского пола в колонии (самоповреждение, агрессивность, конфликтность и т. д.) является неразвитость эмпатии, толерантности, коммуникативных навыков и ряда других характеристик личности, в том числе по причине затруднений просоциальной идентификации и управления собственным эмоциональным состоянием. Особые трудности в контроле осуж-

денными женщинами за проявлением эмоций (импульсивность) обнаружены среди таких их категорий, как лица с невротическими проявлениями и наркозависимостью (М. С. Басенко, 1992; Н. В. Кастерина, 2009), а также ВИЧ-инфицированные (Н. А. Польская). В исследовании И. Н. Андреевой (2011) выявлено, что просоциальное и иное позитивное поведение осужденных женщин связано с развитостью эмоционального интеллекта.

Термин «эмоциональный интеллект» только в XXI столетии стал весьма «популярным», прежде всего среди специалистов по ассесменту. Однако изучение отдельных аспектов данного феномена и ранее представляло, интерес для психологической науки. В частности, анализ публикаций свидетельствует о том, что попытки найти элемент, соединяющий когнитивные и эмоциональные процессы, неоднократно предпринимались как зарубежными, так и отечественными учеными.

Дж. Мейер предложил выделять пять этапов в изучении феномена «эмоциональный интеллект»: 1) 1900–1969 гг. – эмоциональная и интеллектуальная сферы активно исследовались, но отдельно друг от друга; 2) 1970–1989 гг. – взаимосвязь эмоциональных и когнитивных процессов стала приоритетным направлением; 3) 1990–1993 гг. – эмоциональный интеллект стал рассматриваться в качестве самостоятельного предмета психологического исследования; 4) 1994–1997 гг. – понятие «эмоциональный интеллект» популяризировано и широко используется общественностью и в науке; 5) 1998 г. – по настоящее время – происходит уточнение объема и многоплановое изучение данного феномена [1, с. 79].

Периодизация, предложенная Дж. Мейером, была уточнена отечественным психологом А. С. Петровской (2008). В соответствии с научными реалиями ей обоснована целесообразность выделения трех крупных исторических этапов:

1-й этап (конец XIX – первая половина XX в.) – исследования велись по направлениям: до 1920 г. – изучение взаимосвязи эмоционального и когнитивного компонента в рамках психологии мышления; с 1920-х гг. – преимущественно в сфере психологии интеллекта; с 1940-х гг. – исследование взаимодействия эмоционального и интеллектуального переходит в область метакогнитивной психологии;

2-й этап (1970–1980-е гг.) – изучение влияния эмоционального процесса на мыслительный;

3-й этап (с 1990-х гг. – по настоящее время) – активное изучение особенностей интеграции эмоциональной и когнитивной сфер психики [9, с. 8].

В зарубежной психологии предпосылкой становления научного понятия «эмоциональный интеллект» явились исследования социального ин-

теллекта (Р. Л. Торндайк, С. Штейн), а также учение о множественном интеллекте Х. Гарднера, в рамках которого автором выделены 9 видов интеллекта, условно представляющих собой особые способы взаимодействия с окружающей действительностью.

В отечественной психологии к числу идей, предопределявших постепенный выход на феномен «эмоциональный интеллект», относят прежде всего положение о единстве аффекта и интеллекта, которое обосновывалось в работах Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева. Так, согласно Л. С. Выготскому исследование аффективного компонента в отрыве от интеллектуального является одним из основных узких мест возникающей науки психологии. Автор доказывал важность изучения проявлений взаимосвязи аффекта и интеллекта на всех ступенях развития психики, причем считал важным учитывать специфику и динамичность отношений аффекта и интеллекта в зависимости от определенной степени развития личности, где конкретной стадии развития мышления соответствует своя степень в развитии аффекта [7, с. 25].

С. Л. Рубинштейн (1973) доказывал, что взаимосвязь эмоционального и интеллектуального компонентов прослеживается как в эмоциональных, так и в интеллектуальных процессах. При этом на адаптивность личности и адекватное отношение к действительности, по мнению ученого, основное влияние оказывает уровень осознанности эмоциональных переживаний.

А. Н. Леонтьев в рамках деятельностного подхода выдвинул идею о регулятивной функции аффекта в мыслительной деятельности. По его мнению, важным является выделение объективного (осознаваемого значения) и субъективного (личностного смысла). Эмоции призваны сообщать о личностном смысле событий, благодаря чему и происходит процесс регуляции деятельности [6, с. 35].

В исследованиях психолога О. К. Тихомирова было эмпирически выявлено, что мыслительная деятельность сопровождается эмоциональной регуляцией [11, с. 88]. Для обозначения данного явления автор ввел понятие «эмоциональное мышление», которое можно считать, на наш взгляд, отечественным аналогом термина «эмоциональный интеллект».

Анализ публикаций свидетельствует о том, что зарубежными и отечественными учеными обоснован ряд теорий эмоционального интеллекта.

Дж. Мейером, П. Сэловеем и Д. Карузо в 1990 г. была обоснована модель эмоционально-интеллектуальных способностей. В соответствии с ней под эмоциональным интеллектом понимается совокупность измеряемых навыков и способно-

стей, к которым относятся: точность оценки и выражения эмоций (определение эмоций по физическому состоянию, внешнему виду и поведению), использование эмоций в мыслительной деятельности (для улучшения мыслительного процесса с помощью эмоций), понимание эмоций (способность к определению источника эмоций, их классификации, интерпретации), управление эмоциями (умение использовать полученную информацию). При этом исследователи особо подчеркивали, что именно с помощью навыков «понимания эмоций» возможно развитие эмоций [5, с. 8].

Д. Гоулманом (1995) разработана модель эмоциональной компетенции. Она учитывает узловые идеи модели Дж. Мейера и П. Сэловея, но постулирует, что в основе эффективного социального взаимодействия и успешности человека в профессиональной деятельности лежат личностная и социальная компетентность, которые включают в себя элементы эмоционального интеллекта (самоконтроль, социальная чуткость, управление отношениями) [2, с. 337]. Ценность идей данного ученого, на наш взгляд, состоит в том, что в его модели показана важность одновременного развития у человека эмоциональных, когнитивных и личностных характеристик.

Р. Бар-Он (1988 г.) обосновал некогнитивную модель эмоционального интеллекта. Автор ввел понятие «эмоционально-социальный интеллект», в котором объединены личностные и межличностные способности, определяющие поведение человека. Согласно модели Р. Бар-Она эмоциональный интеллект представляет собой совокупность всех некогнитивных способностей, знаний и компетентностей, позволяющих эффективно справляться с затруднительными жизненными ситуациями [10, с. 88].

К. В. Петридис и Э. Фернхем (2000) разработали модель эмоциональной самооффективности, согласно которой эмоциональный интеллект необходимо рассматривать в двух аспектах: как способность и как черту личности.

В отечественной психологии в последнее десятилетие закономерности и механизмы феномена эмоционального интеллекта были предметом исследований таких ученых, как А. В. Карпов, А. С. Петровская, В. В. Овсянникова, Е. П. Ильин, Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков, И. В. Плужников, И. Н. Андреева, И. С. Степанов, М. А. Манойлова, О. В. Белоконов, С. П. Деревянко, Т. П. Березовская, Э. Л. Носенко, Ю. В. Давыдова и др. Д. В. Люсин (2000) первым обосновал двухкомпонентную структуру эмоционального интеллекта, а также разработал психодиагностическую методику оценки его уровня. Согласно его модели эмоциональный интеллект следует рассматривать как ряд способностей,

необходимых для понимания своих и чужих эмоций и управления ими.

В исследованиях И. Н. Андреевой (2003) выявлено, что уровень развития эмоционального интеллекта в юношеском возрасте взаимосвязан с индивидуальными проявлениями самоактуализации. В работах О. В. Белоконов (2008) эмоциональный интеллект рассматривается с точки зрения его влияния на лидерские качества. М. А. Манойлова (2004), изучая эмоциональный интеллект у педагогов, пришла к выводу о том, что эмоциональный интеллект является фактором, влияющим на продуктивность деятельности, развитость социального взаимодействия и личностное развитие.

Э. Л. Носенко и Н. В. Ковриги (2003) среди основных функций эмоционального интеллекта выделили следующие: адаптивная, стрессозащитная и формирование психологического благополучия. По результатам исследований авторами было доказано, что развитый эмоциональный интеллект характеризуется высоким уровнем самоконтроля, самооценки, интернальным локус-контролем, общей адекватностью поведения.

И. В. Плужниковым (2010) была разработана клинико-психологическая модель эмоционального интеллекта, в рамках которой изучаемый феномен понимается как иерархически организованные способности восприятия, понимания и регуляции эмоциональных состояний, способствующие успешности профессиональной, коммуникативной и эмоциональной сфер жизнедеятельности.

Анализ исследований ученых свидетельствует о том, что принципиальное значение имеет валидность инструментария измерения эмоционального интеллекта. Так, если говорить об эмоциональном интеллекте как о способности, то подразумевается анализ эмоциональной предрасположенности, для измерения которой необходимо применять тестовые методики. При измерении эмоционального интеллекта как черты (устойчивость поведения) будут использоваться опросники.

В юридической психологии исследования по проблематике эмоционального интеллекта стали проводиться лишь в последние годы, причем изучались в основном особенности эмоционального интеллекта у осужденных мужского пола (В. Г. Печерский, Н. В. Максименко, Д. Е. Иванов, 2010; Н. А. Польская, 2013; Л. Н. Панькова, 2015 и др.) и у сотрудников правоохранительных органов (А. М. Николокина, А. Н. Баламут, 2014; Е. В. Погадаева, 2014; А. С. Осипова, С. Н. Федотов, 2015 и др.). Проведенное М. В. Минстер изучение психофизиологических особенностей женщин, осужденных к лишению свободы, свидетельствует о специфике их эмоциональной саморегуляции при нахождении в исправительном учреждении [8, с. 117].

Учитывая, что на монографическом уровне изучение феномена эмоционального интеллекта у осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, до сих пор не проводилось, актуальным является расширение знаний о закономерностях его проявлений у данной категории, создание классификации осужденных женского пола по уровню эмоционально-личностной зрелости, обоснование и внедрение в практическую деятельность сотрудников исправительных колоний рекомендаций по оптимизации психологического сопровождения осужденных женского пола с учетом уровня их эмоционального интеллекта.

Нами обоснована комплексная программа исследования эмоционального интеллекта осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях, с применением экспертного опроса, анкетирования и комплекса психодиагностических методик: тесты эмоционального интеллекта Н. Холла (EIS) и «Эмоциональный интеллект» Д. В. Люсина (ЭМИН), опросники 16-PF Кэттелла, «Индекс жизненного стиля»

Р. Плутчика, Г. Киллермана, Г. Конте (LSI), «Методика изучения смысложизненных ориентаций» Дж. Крамбо, Л. Махолика (СЖО), «Опросник способов совладания» Р. Лазаруса (WCQ) и «Обзор нормативных ценностей» Ш. Шварца (VPP). В качестве экспертов планируется опросить сотрудников исправительных учреждений, непосредственно взаимодействующих с данной категорией осужденных.

На основе полученных результатов планируется проведение эксперимента по повышению эмоционально-личностной зрелости у осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях. Эксперимент будет проводиться в ряде исправительных учреждений, где содержатся осужденные женщины (УФСИН России по Московской и Орловской областям). Оценка эффективности эксперимента будет осуществляться на основе комплекса психодиагностических методик и самоотчетов осужденных, экспертной оценки и поведенческих изменений (дисциплина, межличностные конфликты и др.).

Список литературы

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. М., 2008. 478 с.
3. Касимова Э. Р. Криминологическая типология личности осужденных женщин, совершающих насильственные преступления в исправительных колониях // Юридическая наука и практика. 2015. № 1 (29). С. 266–269.
4. Киркина Н. В. Особенности личности женщины-наркопреступницы и воздействия на нее : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 29 с.
5. Лемберг Б. Эмоциональный интеллект: как разум общается с чувствами. СПб., 2013. 140 с.
6. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975. 304 с.
7. Люсин Д. В. Способность к пониманию эмоций: психометрический и когнитивный аспекты // Социальное познание в эпоху быстрых политических и экономических перемен : материалы Междунар. конф. / под ред. Г. А. Емельянова. М., 2000. С. 23–25.
8. Минстер М. В. Психологические особенности женщин, осужденных к лишению свободы // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 117–119.
9. Петровская А. С., Карпов А. В. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика. Ярославль, 2008. 349 с.
10. Практический интеллект / Р. Дж. Стенберг [и др.]. СПб., 2002. 272 с.
11. Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984. 272 с.

MARINA VICTOROVNA OVSJANNIKOVA,
adjunct, scientific and pedagogical staff training department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: malyva7@rambler.ru

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN FEMALE CONVICTS SERVING SENTENCES IN CORRECTIONAL COLONIES

Abstract: the article on the basis of studying of scientific publications, regulatory sources, departmental teaching materials reveals the relevance of studying the phenomenon of «emotional intelligence» female con-

victs serving sentences in correctional institutions, with the aim of reducing conflicts and optimizing the interpersonal relations, the formation of prosocial behavior, decrease aggression, etc.; there is done a brief analysis of the foreign and domestic theories of intelligence and thinking, which was the prerequisite for the development of approaches to the study of this phenomenon. The article considers various approaches to the periodization and study of the phenomenon of «emotional intelligence», including the disclosure of the content of the basic models, determinants, contents and peculiarities of the Genesis of emotional intelligence. Given the research of emotional intelligence in the legal psychology program is grounded on the study of emotional intelligence of female convicts serving sentences in correctional colonies, the use of questionnaires and complex psychodiagnostic methods.

Key words: female crime, correctional facilities, intelligence, female convicts, social intelligence, emotional thinking, emotional and personal maturity, emotional intelligence, legal psychology.

References

1. Andreeva I. N. Emocional'nyj intellekt: issledovaniya fenomena [Emotional intelligence: research of a phenomenon]. *Voprosy psihologii – Questions of psychology*, 2006, no. 3, pp. 78–86.
2. Goulman D. Emocional'nyj intellekt [Emotional intelligence]. Moscow, 2008. 478 p.
3. Kasimova Eh. R. Kriminologicheskaya tipologiya lichnosti osuzhdennyh zhenshchin, sovershayushchih nasil'stvennye prestupleniya v ispravitel'nyh koloniyah [Criminological typology of the personality of women offenders who commit violent crimes in penal colonies]. *YUridicheskaya nauka i praktika – Legal science and practice*, 2015, no. 1 (29), pp. 266–269.
4. Kirkina N. V. Osobennosti lichnosti zhenshchiny-narkoprestupnicy i vozdeystviya na nee. Avtoref dis. kand. jurid. nauk [Personality characteristics of women narcoplepsy and influence. Cand. legal sci. diss. abstract]. Saratov, 2016. 29 p.
5. Lemberg B. Emocional'nyj intellekt: kak razum obshchaetsya s chuvstvami [Emotional intelligence: how the mind communicates with feelings]. St. Petersburg, 2013. 140 p.
6. Leont'ev A. N. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality]. Moscow, 1975. 304 p.
7. Lyusin D. V. Sposobnost' k ponimaniyu ehmcij: psihometricheskij i kognitivnyj aspekty [The ability to understand emotion: psychometric and cognitive aspects]. *Social'noe poznanie v ehppohu bystryh politicheskikh i ehkonomicheskikh peremen [Social cognition in an era of rapid political and economic change]*. Under the editorship of G. A. Emel'yanova. Moscow, 2000, pp. 25–35.
8. Minster M. V. Psihofiziologicheskie osobennosti zhenshchin, osuzhdennyh k lisheniyu svobody [Psychophysiological characteristics of women sentenced to deprivation of liberty]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Tomsk state university*, 2009, no. 319, pp. 117–119.
9. Petrovskaya A. S., Karpov A. V. Psihologiya ehemocional'nogo intellekta: teoriya, diagnostika, praktika [The psychology of emotional intelligence: theory, diagnosis, practice]. Yaroslavl, 2008. 349 p.
10. Prakticheskij intellekt [Practical intelligence]. R. Dzh. Stenberg and others. St. Petersburg, 2002. 272 p.
11. Tihomirov O.K. Psihologiya myshleniya [Psychology of thinking]. Moscow, 1984. 272 p.

ЭДУАРД САИДОВИЧ РАХМАЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник научного центра
(Академия ФСИН России),
e-mail: academ-05@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ»

Реферат: за последние годы в рамках совершенствования уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации реализован ряд программ, преемственность между которыми позволила поэтапно решить ряд приоритетных вопросов и достичь определенных положительных результатов.

В настоящее время осуществляется активное внедрение в практику исполнения наказаний международных стандартов обращения с осужденными, совершенствуется использование средств, форм и методов их исправления. Однако практика исполнения наказания в виде лишения свободы показывает, что реальные возможности совершенствования законодательства и уголовно-исполнительной системы при приведении их в соответствие с требованиями международных стандартов в этой сфере еще не исчерпаны. Существует достаточное количество проблем, относящихся к вопросам правового регулирования исполнения уголовных наказаний.

Именно эти вопросы стали основным предметом обсуждения на прошедшей в ноябре 2016 г. в Академии ФСИН России Международной научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний».

Ключевые слова: международная научно-практическая конференция, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительная политика, наказание.

В рамках подготовки к проведению III Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление» в Академии ФСИН России (далее – академия) 24–25 ноября 2016 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний» (далее – конференция).

Организаторами конференции помимо академии выступили Федеральная служба исполнения наказаний, Ассоциация юристов России и Научно-исследовательский институт ФСИН России.

Это мероприятие было направлено на обеспечение конструктивного диалога представителей органов государственной власти Российской Федерации, ФСИН России, других правоохранительных органов с представителями зарубежных пенитенциарных служб, образовательных учреждений, научной общественности в целях выработки предложений по совершенствованию государственной политики в сфере исполнения уголовных наказаний.

Высокий статус конференции подтверждается широким кругом его участников, в числе которых руководители органов государственной власти

России, ведущие специалисты России, ближнего и дальнего зарубежья в области исполнения уголовных наказаний.

Общее количество участников Международной научно-практической конференции составило более 500 человек:

с российской стороны:

начальник Правового управления ФСИН России генерал-майор внутренней службы Л. Л. Климаков;

заместитель начальника управления кадров ФСИН России – начальник отдела профессиональной подготовки полковник внутренней службы Д. А. Пашуто;

главный федеральный инспектор по Рязанской области аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации В. И. Сарафанов;

заместитель председателя Правительства Рязанской области А. В. Тюменев;

более 50 докторов наук, профессоров, в числе которых широкоизвестные в России и за рубежом ученые: заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю. М. Антонян, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. А. Уткин, заслуженный юрист Российской Фе-

дерации, доктор юридических наук, профессор Л. И. Беляева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. И. Селиверстов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. В. Николук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А. В. Наумов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор И. Я. Козаченко, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор М. М. Бабаев, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор С. Я. Лебедев, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б. Я. Гаврилов и другие ученые;

представители 7 структурных подразделений ФСИН России: правового управления, финансово-экономического управления, управления кадров, управления режима и надзора, управления тылового обеспечения, управления воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными, управления обеспечения деятельности оперативных подразделений;

представители научных и образовательных организаций ФСИН России;

практические работники УИС из 5 федеральных округов Российской Федерации: Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Сибирского и Южного;

с зарубежной стороны:

21 иностранный специалист из 6 государств: Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Республики Беларусь, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Казахстан, Республики Корея, в их числе: руководство зарубежных пенитенциарных служб – председатель Государственной службы исполнения наказаний при Правительстве Кыргызской Республики полковник Т. Т. Жапаров, заместитель начальника Пенитенциарной службы Министерства юстиции Азербайджанской Республики генерал-майор юстиции Г. Э. Алиханов и иные зарубежные гости. Заочное участие в работе конференции приняли представители университета правоохранительной службы Монголии.

Конференция проходила в два этапа:

24 ноября 2016 г. – работа пленарного заседания;

25 ноября 2016 г. – работа 9 научно-практических конференций, семинаров и круглых столов по основным направлениям деятельности уголовно-исполнительной системы:

«Обеспечение правопорядка и законности в деятельности учреждений и органов УИС» –

организаторы: управление режима и надзора ФСИН России, кафедры уголовного процесса и криминалистики, организации режима и надзора, административного и финансового права;

«Уголовная и уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и практики» – организаторы: правовое управление ФСИН России, кафедры уголовного права, криминологии и организации профилактики преступлений;

«Развитие системы наказаний, альтернативных лишению свободы: проблемы теории и практики» – организаторы: управление организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, ФСИН России, кафедра уголовно-исполнительного права;

«Правовое регулирование общественных отношений в УИС: проблемы конвергенции частного и публичного права» – организаторы: правовое управление ФСИН России, кафедры гражданского права и процесса, теории государства и права, международного и европейского права;

«Противодействие этнической преступности в местах лишения свободы» – организаторы: главное оперативное управление ФСИН России, кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, философии и истории;

«Актуальные проблемы развития кадрового потенциала УИС» – организаторы: управление кадров ФСИН России, кафедра управления и организации деятельности УИС;

«Совершенствование воспитательной, социальной и психологической работы в УИС: интеграция теории и практики» – организаторы: управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, психологический факультет;

«Актуальные вопросы организации финансового, тылового и информационного обеспечения подразделений УИС на современном этапе» – организаторы: финансово-экономическое управление ФСИН России, управление тылового обеспечения ФСИН России, кафедры управления тыловым обеспечением УИС и коммерции, бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, математики и информационных технологий управления;

«Социально-экономические аспекты организации трудовой деятельности в пенитенциарных учреждениях: отечественная и мировая практика» – организаторы: управление организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных ФСИН России, кафедры экономики и менеджмента, экономической теории, географии и экологии.

Приветственный адрес от директора ФСИН России зачитал начальник Правового управления ФСИН России генерал-майор внутренней службы Л. Л. Климаков. В адрес участников конференции поступили также слова приветствия от Государственной Думы Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека, Ассоциации юристов России, Синодального отдела Русской Православной Церкви по тюремному служению и других органов власти страны и общественных организаций.

С приветственными словами к участникам конференции обратились от имени полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе – главный федеральный инспектор по Рязанской области аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации В. И. Сарафанов, от имени губернатора Рязанской области – заместитель председателя правительства Рязанской области А. В. Тюменев, представители органов власти и управления региона.

В ходе пленарного заседания конференции рассматривались основные направления политики государства в сфере исполнения уголовных наказаний.

Первый раздел пленарного заседания был посвящен вопросам современного состояния и совершенствования уголовно-исполнительной политики.

По этой проблематике выступили ведущие ученые России, в том числе профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Ю. М. Антонян; директор Юридического института Томского государственного университета, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии заслуженный юрист Российской Федерации доктор юридических наук, профессор В. А. Уткин; профессор кафедры уголовного права и криминологии, научный руководитель НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. И. Селиверстов и др.

Международным пенитенциарным опытом с участниками конференции поделились председатель Государственной службы исполнения наказаний при Правительстве Кыргызской Республики полковник Т. Т. Жапаров; заместитель начальника Народной полицейской академии Министерства общественной безопасно-

сти Социалистической Республики Вьетнам Хо Чонг Нгу.

Далее участники конференции рассмотрели вопросы исполнения наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества, и обеспечения международных стандартов обращения с заключенными.

В ходе дискуссии были раскрыты проблемы взаимодействия уголовно-исполнительной системы России с институтами гражданского общества, обсуждены отдельные аспекты применения норм Уголовного кодекса РФ в решении превентивных задач оперативно-розыскной деятельности и иные проблемы.

Третий раздел конференции затрагивал проблемы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, а также вопросы обеспечения постпенитенциарной адаптации.

Профессор кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Л. И. Беляева в своем выступлении провела анализ наказаний, альтернативных лишению свободы, по законодательству государств – участников СНГ. Накопленным опытом в данном направлении поделились и зарубежные партнеры академии. Так, начальник организационно-контрольного управления Пенитенциарной службы Министерства юстиции Азербайджанской Республики полковник юстиции М. Г. Гумбатов рассказал об исполнении наказания в виде штрафа в Азербайджанской Республике.

В рамках данного раздела в режиме видеоконференцсвязи начальник Управления тылового обеспечения ФСИН России полковник внутренней службы А. Л. Попето и главный специалист отдела анализа и прогнозирования деятельности тыловых служб учреждений и органов УИС ФСИН России В. А. Седых обозначили основные перспективы обеспечения продовольственной безопасности исправительных учреждений в условиях реформирования УИС.

Следующим направлением в рамках пленарного заседания стало обсуждение проблем социальной и психологической работы в уголовно-исполнительной системе, воспитания и образования осужденных, а также привлечения общественности к практике исполнения уголовных наказаний.

В заключение пленарного заседания участниками конференции были проанализированы вопросы подготовки персонала для учреждений УИС. В ходе обсуждения был выработан комплекс мер, направленных на совершенствование подготовки специалистов для УИС с учетом ведомственной

специализации, отечественного и зарубежного опыта кадрового обеспечения пенитенциарных учреждений.

Кроме того, 24 ноября в рамках конференции состоялось деловое чаепитие с участием ведущих ученых-пенитенциаристов, представителей научной общественности и практических работников.

В ходе мероприятия были затронуты актуальные для дальнейшего научного осмысления и теоретической проработки вопросы в сфере реализации современной уголовно-исполнительной политики, а именно: решения Конституционного Суда Российской Федерации как фактор, формирующий уголовно-исполнительную политику страны; перспективы применения в России наказания в виде принудительных работ с 2017 г., которые станут альтернативой лишению свободы; зарубежный опыт борьбы с преступностью и возможности согласования национального права с положениями европейских конвенций и др.

25 ноября в рамках второго дня конференции состоялась встреча заместителя начальника Пенитенциарной службы Министерства юстиции Азербайджанской Республики генерал-майора юстиции Г. Э. Алиханова с курсантами и адъюнктами академии.

В ходе встречи курсанты и адъюнкты получили ответы на вопросы, касающиеся подготовки кадров для пенитенциарной системы Азербайджанской Республики, а также познакомились с особенностями функционирования уголовно-исполнительной системы Азербайджана и спецификой исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы.

В этот же день конференция была продолжена в рамках работы круглых столов. На 9 дискуссионных площадках, организованных на кафедрах академии, участники конференции обсуждали вопросы основных направлений дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы России, обменивались передовыми научными идеями, результатами исследований, практическим опытом работы с осужденными.

Впервые оргкомитетом конференции был апробирован новый формат научного диалога в форме презентаций изданий и научных школ академии, мастер-классов и открытых лекций ведущих ученых-пенитенциаристов.

После завершения работы научно-практических мероприятий состоялось итоговое пленарное заседание, где были определены основные результаты работы конференции. Были заслушаны итоги второго дня конференции: руководители круглых сто-

лов и семинаров выступили с докладами о результатах проведенных мероприятий и рекомендациями, предложенными в ходе работы, а также состоялась презентация III Международного пенитенциарного форума «Преступление, наказание, исправление».

Начальник Академии ФСИН России генерал-майор внутренней службы А. А. Крымов подчеркнул, что за два дня конференции был охвачен весь комплекс проблем, стоящих перед органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания.

Заместитель начальника управления кадров ФСИН России полковник внутренней службы Д. А. Пашуто от лица руководства ведомства выразил слова благодарности всем участникам конференции. Кроме того, он отметил, что данное мероприятие рассматривается как один из этапов подготовки к III Международному пенитенциарному форуму, который пройдет в академии в следующем году.

Завершилось мероприятие концертом «Многоликая Россия», в ходе которого курсанты академии представили свои творческие номера.

В рамках работы конференции состоялись рабочие встречи руководства академии с представителями зарубежных пенитенциарных служб и образовательных учреждений: Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Социалистической Республики Вьетнам, Республики Казахстан, Кыргызской Республики.

Участники встреч обсудили современное состояние, а также перспективные направления взаимодействия. Руководство академии и иностранные гости поблагодарили друг друга за сложившиеся деловые и дружеские отношения и выразили надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

24–25 ноября 2016 г. для участников конференции работала выставка, подготовленная издательским домом «Перспектив», где были представлены опубликованные научные издания, а также организована их продажа.

Работа конференции носила конструктивный характер. Российские и зарубежные участники отметили высокий уровень проведенных мероприятий.

В результате обсуждения выработаны конкретные рекомендации, направленные на внедрение новых подходов к исполнению уголовных наказаний, совершенствование деятельности уголовно-исполнительной системы, а также усиление гарантий обеспечения прав и свобод осужденных, открытость и прозрачность пенитенциарной системы.

EDUARD SAIDOVICH RAKHMAEV,

phd in law, associate professor,
head of the science department
(Academy of the FPS of Russia),
e-mail: academ-05@mail.ru

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«PENAL POLICY AND ISSUES OF EXECUTION OF CRIMINAL PUNISHMENTS»**

Abstract: in recent years within the improvement of the Russian penal system several programmes have been realized. The continuity between these programmes allowed to solve a number of priority issues step by step and to have some positive results.

Currently there is an active use of international standards on the treatment of prisoners in the penal practice and improvement of use of correctional means, forms and methods applied to convicts. But the practice of execution of punishment in the form of imprisonment shows that the real possibilities of improvement of the legislation and penal system within bringing them into line with international standards are not exhausted yet. At present there are enough problems related to the issues of legal regulation of execution of criminal punishments.

These issues have been the main object of discussion at the International scientific and practical conference «Penal policy and issues of execution of criminal punishments» at the Academy of the Federal Penal Service of Russia in November 2016.

Key words: international scientific and practical conference, penal system, penal policy, punishment.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

1. Общие положения

1.1. Настоящие требования разработаны с учетом критериев Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России для включения научных изданий в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируемых систем цитирования Scopus, Российский индекс научного цитирования и являются обязательными к исполнению всеми авторами без исключения.

1.2. Каждый автор, подавший статью для опубликования в редакцию научного журнала «Человек: преступление и наказание» (далее – редакция, журнал соответственно), тем самым выражает свое согласие на указание в открытом свободном доступе на любых интернет-ресурсах, выбираемых по усмотрению редакции, на русском и английском языках его фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail), названия, реферата, ключевых слов статьи и ссылок на использованные источники. При этом он несет ответственность за точность и достоверность предоставленных персональных данных, корректность их перевода на английский язык.

1.3. Все поступающие в редакцию статьи проходят обязательное рецензирование (экспертизу), авторам не возвращаются. Авторское вознаграждение не выплачивается. В случае принятия решения о невозможности публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

1.4. Редакция поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редакция не несет ответственности за недостоверность предоставленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более чем 1 месяца на запросы редакции, его статья снимается с публикации.

1.5. Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

1.6. Статьи, представленные в редакцию с нарушением настоящих требований, к опубликованию не принимаются и возвращаются авторам на доработку.

2. Порядок представления статей

2.1. Статьи принимаются по адресу: 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1, редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России, тел.: (4912) 93-46-40 (факс), 93-82-42 – в распечатанном и электронном виде (по электронной почте (e-mail): editor62@yandex.ru).

2.2. Представляемый в редакцию электронный файл статьи должен быть назван по фамилии автора (авторов), например: «Петров.doc», «Петров, Иванов.doc»; графические файлы, прилагаемые к статье, – по фамилии автора (авторов) с указанием номера рисунка, например: «Петров. Рисунок 1.jpg», «Петров, Иванов. Рисунок 1.jpg».

2.3. Статьи адъюнктов, аспирантов, соискателей должны быть согласованы с научным руководителем автора. Такое согласование может быть выражено в виде положительной рецензии научного руководителя (представляется в распечатанном либо электронном виде) или его подписи в конце статьи с пометкой «Согласовано».

3. Требования к набору текста статьи

3.1. Текст статьи набирается в программе «Microsoft Word» в форматах «.doc», «.docx», на листе бумаги формата А4, шрифтом «Times New Roman (Сур)», 14-м кеглем, абзацный отступ – 1,25 см, через 1,5 интервала с полями: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см; правое – 1,5 см.

3.2. Объем статьи без учета фамилии, имени, отчества, ученых звания и степени, должности, места работы и контактной информации (e-mail) автора, названия, реферата, ключевых слов, ссылок на использованные источники, в том числе переведенных на английский язык, не должен превышать 10 страниц.

3.3. Графики, схемы, фотографии, рисунки, диаграммы, таблицы и другие графические материалы должны быть размещены по тексту статьи и представлены отдельными файлами в формате «.jpg» с разрешением не менее 300 dpi.

3.4. Текст статьи должен быть пронумерован. Колонцифры необходимо располагать по центру сверху. На первой странице статьи колонцифра не ставится.

3.5. В тексте статьи необходимо ставить пробел между фамилией и инициалами; использовать кавычки типа «елочка»; запрещается ставить принудительные (ручные) переносы.

3.6. Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Абзацный отступ следует устанавливать в меню «Формат → Абзац → Первая строка (Отступ – 1,25 мм)», выключку – «По ширине».

4. Требования к структуре статьи

4.1. Структура статьи должна состоять из следующих блоков:

4.1.1. Блок 1 на русском языке:

название статьи;

фамилия, имя, отчество автора (авторов);

ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;

должность автора (авторов);

место работы автора (авторов);

контактная информация (e-mail) автора (авторов);

реферат статьи;

ключевые слова к статье.

4.1.2. Блок 2 на русском языке – полный текст статьи.

4.1.3. Блок 3 на русском языке – ссылки на литературные источники.

4.1.4. Блок 4 на английском языке:

название статьи;

фамилия, инициалы автора (авторов);

ученые звание и степень автора (авторов), если имеются;

должность автора (авторов);

место работы автора (авторов);

контактная информация (e-mail) автора (авторов);

реферат статьи;

ключевые слова к статье.

4.1.5. Блок 5 на английском языке – ссылки на литературные источники.

5. Требования к блоку 1 структуры статьи

5.1. Информация блока 1 представляется на русском языке.

5.2. Название статьи должно быть информативным.

5.3. В названии статьи не допускается использование каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.4. Фамилия, имя, отчество, ученые звание и степень, должность автора указываются полностью, без использования каких-либо сокращений, в том числе общепринятых.

5.5. Должность автора указывается по месту его основной работы.

5.6. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Российский индекс научного цитирования. В случае отсутствия такого профиля по усмотрению автора приводится официальное полное либо сокращенное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где он работает.

5.7. Приводимая контактная информация (e-mail) должна обеспечивать связь любого желающего с автором.

5.8. При наличии у статьи нескольких авторов по их усмотрению указывается либо один e-mail для всех авторов, либо e-mail каждого автора.

5.9. При подготовке реферата к статье необходимо руководствоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

5.10. Реферат должен выполнять следующие функции:

информировать об основном содержании статьи и определять ее релевантность таким образом, чтобы читатель мог решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи;

устранять необходимость чтения полного текста статьи в случае, если она представляет для читателя второстепенный интерес.

5.11. Реферат должен представлять собой краткое и точное изложение содержания статьи, включающее основные фактические сведения и выводы описываемой работы.

5.12. Текст реферата должен быть лаконичным и емким, свободным от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок.

5.13. Объем реферата должен включать не меньше 250 слов. Объем реферата определяется содержанием статьи (объемом сведений, их научной ценностью и практическим значением).

5.14. Реферат включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

предмет, тему, цель работы (указываются в том случае, если они не ясны из названия статьи);

метод или методологию проведения работы (целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют интерес с точки зрения данной работы; в рефератах статей, описывающих экспериментальные работы, указывают источники данных и характер их обработки);

результаты работы (излагаются предельно точно и информативно; приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности; при этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение);

область применения результатов;

выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, раскрываемыми в статье).

5.15. В реферате допускается изменять последовательность изложения содержания статьи и начинать с изложения результатов работы и выводов.

5.16. Сведения, содержащиеся в названии статьи, не должны повторяться в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в реферате не приводятся.

5.17. В тексте реферата:

следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций (не применяемых в научном английском языке);

сокращения и условные обозначения, кроме общеупотребительных, применяют в исключительных случаях или дают их определения при первом употреблении;

единицы физических величин следует приводить в международной системе СИ; допускается приводить в круглых скобках рядом с величиной в системе СИ значение величины в системе единиц, использованной в статье;

таблицы, формулы, чертежи, рисунки, схемы, диаграммы включаются только в случае необходимости, если они раскрывают основное содержание статьи и позволяют сократить объем реферата;

формулы, приводимые неоднократно, могут иметь порядковую нумерацию, причем нумерация формул в реферате может не совпадать с нумерацией формул в оригинале.

не допускаются ссылки на номер публикации в списке ссылок на литературные источники к статье.

5.18. Количество ключевых слов к статье должно составлять не менее 10. При этом они должны быть информативными и обеспечивать эффективный поиск этой статьи в любой базе данных.

6. Требования к блоку 2 структуры статьи

6.1. Информация блока 2 представляется на русском языке.

6.2. Автор должен логически последовательно излагать текст статьи в соответствии с содержанием темы, учитывая достижения современной науки и практики, опираясь на результаты собственных исследований и привлекая данные из других источников с целью более глубокого анализа рассматриваемых вопросов.

6.3. Автор несет ответственность за достоверность используемых им материалов, точность цитат, правильность ссылок на них.

6.4. В журнале используется затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Рекомендуемое количество ссылок – не более 10.

6.5. Ссылки на литературные источники в тексте статьи приводятся в квадратных скобках с указанием номера источника из пристатейного списка, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (при необходимости) например: [1, с. 21]. Если источник является многотомным или состоит из нескольких частей, указывается том или часть, например: [4, т. 1, с. 5], [12, ч. 2, с. 75].

7. Требования к блоку 3 структуры статьи

7.1. Информация блока 3 (ссылки на литературные источники) представляется на русском языке.

7.2. Ссылки на литературные источники приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.3. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «Список литературы».

7.4. Примеры ссылок на литературные источники:

Книги одного, двух и трех авторов

Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. 349 с.

Волович Л. А., Тимофеев А. Н. Лекционная пропаганда: методика, опыт, мнения. Казань, 1984. 14 с.

Морозов Б. М., Фадеев В. Е., Шинкаренко В. В. Планирование идеологической, политико-воспитательной работы. М., 1984. 271 с.

2 книги одного автора

Лихачев Д. С. Образ города // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики : сб. науч. ст. Киев, 1991. С. 183–188; Его же. Окно в Европу – врата в Россию // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 22–23.

Книги четырех и более авторов

Проблемы развития материально-технической базы социализма / В. Г. Сыч [и др.] ; под ред. С. П. Павлова. М., 1977. 231 с.

Монографии, учебники, учебные пособия

Чичерова Л. Е. Ответственность в семейном праве: вопросы теории и практики : монография / под науч. ред. В. А. Рыбакова. Рязань, 2005. 196 с.

Переводные издания

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных : пер. с нем. М., 1980. 392 с.

Гроссе Э., Григер Х. Химия для любознательных / пер. с нем. В. И. Петрова. М., 1980. 392 с.

Диссертации

Тальшинский Р. Р. Документализм в публицистике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 203 с.

Авторефераты диссертаций

Стурова М. П. Воспитательная система исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 40 с.

Архивы

ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Д. 405. Л. 19 об., 20, 21. Д. 408. Л. 21 об. Д. 413. Л. 26.

Аналитические обзоры

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья : аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. академия наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М., 2007. 39 с.

Сборники научных трудов

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т ; под ред. С. Ф. Мартыновича. Саратов, 1999. 199 с.

Словари

Библиотечное дело : терминолог. слов. / сост. И. М. Сулова, Л. Н. Уланова. 2-е изд. М., 1986. 224 с.

Статья из собраний сочинений

Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 224.

Статья из книги

Ковтун В. П. Теоретические аспекты воспитательного воздействия // Влияние организационно-структурных изменений в системе ИТУ на состояние и эффективность воспитательной работы. Домодедово, 1991. 124 с.

Статья из журнала, газеты, информационных периодических изданий

Поникаров В. А. Классификационная характеристика гарантий законности в административной деятельности сотрудников ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 38–40.

Статья из трудов, ученых записок

Морозова Т. Г. Организация и методика информационной работы // Тр. ин-та / Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-т. 1978. Вып. 19. С. 56–69.

Статья из материалов конференций, семинаров

Пшуков А. Ю. О нормировании рабочего дня // Научно-технический прогресс : тез. докл. Всерос. науч. конф. (Владимир, 21–22 сент. 1987 г.). М., 2000. С. 282–283.

Издание в целом

Книга о книгах : библиогр. пособие : в 3 т. М., 1969.

Есенин С. А. Собрание сочинений : в 5 т. М., 1966–1968. Т. 1–5.

Отдельный том

Пивинский Ю. Е. Неформованные огнеупоры: в 2 т. М., 2003. Т. 1. Кн. 2 : Общие вопросы.

Стандарты

ГОСТ 7.9–77. Реферат и аннотация. М., 1981. 6 с.

Патентные документы

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент Рос. Федерации № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Депонированные научные работы

Размустова Т. О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940 гг.). М., 1987. 53 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87. № 31909.

Федеральные законы

О борьбе с терроризмом : федер. закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Сб. законов Рос. Федерации. М., 1999. С. 412.

Законы

Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316, 1317.

Указы

О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 28 июля 1998 г. № 904 // Рос. газ. 1998. 29 июля.

Постановления

Об утверждении Положения о Межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 января 1997 г. № 45 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4. Ст. 547.

Приказы

О совершенствовании организации деятельности отрядов специального назначения Главного управления исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел Рос. Федерации от 12 апреля 1994 г. № 114.

Положения

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 30. Ст. 3605. П. 9.

Интернет-документы

Официальные периодические издания : электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL : <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007). (Если в тексте данная публикация уже названа, возможна ссылка в виде его электронного адреса <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html>.)

Кашуба Ю. А. Уголовно-исполнительная политика России: новые вызовы [Электронный ресурс] // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1 (1). URL : <http://www.ipj.su/2015-1-articles/83-2015-1-03-kashuba> (дата обращения: 30.05.2015).

Российская книжная палата : [сайт] // URL : <http://www.bookchamber.ru>.

Содружество Независимых Государств // Википедия [2002–2016]. Дата обновления: 30.01.2016. URL : (дата обращения: 30.01.2016).

Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // КонсультантПлюс: справ.-прав. система [Электронный ресурс]. URL : <http://www.consultant.ru/popular/obob> (дата обращения: 10.09.2010).

8. Требования к блоку 4 структуры статьи

8.1. Информация блока 4 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 1 по правилам, установленным в пунктах 8.2–8.7 настоящих требований.

8.2. Фамилия и инициалы автора (авторов) приводятся согласно одной из принятых систем международной транслитерации. Наиболее распространенные системы транслитерации приведены в таблице:

Простая система		Система Библиотеки Конгресса США (LC)		Система Board of Geographic Names (BGN)		Система Госдепартамента США	
Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация	Буква	Транслитерация
А	A	А	A	А	A	А, а	A
Б	B	Б	B	Б	B	Б, б	B
В	V	В	V	В	V	В, в	V
Г	G	Г	G	Г	G	Г, г	G
Д	D	Д	D	Д	D	Д, д	D
Е	E	Е	E	Е	E, YE	Е, е	E, YE
Ё	E	Ё	E	Ё	E, YE	Ё, е	E, YE
Ж	ZH	Ж	ZH	Ж	ZH	Ж, ж	ZH
З	Z	З	Z	З	Z	З, з	Z
И	I	И	I	И	I	И, и	I
Й	Y	й	I	й	Y	Й, й	Y
К	K	К	K	К	K	К, к	K
Л	L	Л	L	Л	L	Л, л	L
М	M	М	M	М	M	М, м	M
Н	N	Н	N	Н	N	Н, н	N
О	O	О	O	О	O	О, о	O
П	P	П	P	П	P	П, п	P
Р	R	Р	R	Р	R	Р, р	R
С	S	С	S	С	S	С, с	S
Т	T	Т	T	Т	T	Т, т	T
У	U	У	U	У	U	У, у	U
Ф	F	Ф	F	Ф	F	Ф, ф	F
Х	KH	Х	KH	Х	KH	Х, х	KH
Ц	TS	Ц	TS	Ц	TS	Ц, ц	
Ч	CH	Ч	CH	Ч	CH	Ч, ч	CH
Ш	SH	Ш	SH	Ш	SH	Ш, ш	SH
Щ	SCH	Щ	SHCH	Щ	SHCH	Щ, щ	SHCH
Ъ	Опускается	Ъ	"	Ъ	"	Ъ	Опускается
Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y	Ы	Y
Ь	Опускается	Ь	'	Ь	'	ь	Опускается
Э	E	Э	E	Э	E	Э, э	E
Ю	YU	Ю	IU	Ю	YU	Ю, ю	YU
Я	YA	Я	IA	Я	YA	Я, я	YA

8.3. Допускается пользоваться различными программами транслитерации русского текста в латиницу, использующими описанные в пункте 8.2 настоящих требований системы, например на сайте <http://www.translit.ru/>.

8.4. Авторам следует придерживаться указания одного способа транслитерации своих фамилии, инициалов и одного места работы, поскольку данные о принадлежности организации (аффилировании) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора.

8.5. Место работы автора приводится в соответствии с тем профилем организации, который имеется в индексируемой системе цитирования Scopus. В случае отсутствия такого профиля указывается офици-

альное англоязычное наименование в соответствии с уставными документами той организации, где работает автор статьи.

8.6. При переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Необходимо избегать употребления сокращений, кроме общеупотребительных (в том числе в англоязычных специальных текстах), терминов, являющихся прямой калькой русскоязычных терминов, непереводаемого сленга, известного только русскоговорящим специалистам.

8.7. В переводе на английский язык ученого звания, степени, должности, названия, реферата, ключевых слов статьи не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и других объектов, имеющих собственные названия.

9. Требования к блоку 5 структуры статьи

9.1. Информация блока 5 представляет собой перевод на английский язык сведений блока 3 (ссылок на литературные источники) по правилам, установленным в пунктах 9.2–9.6 настоящих требований.

9.2. Название списка ссылок на литературные источники должно быть указано как «References».

9.3. Структуру библиографической ссылки следует оформлять следующим образом: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз], выходные данные с обозначениями на английском языке.

9.4. При переводе библиографических ссылок на английский язык предпочтение следует отдавать системе транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC).

9.5. При составлении библиографических ссылок на английском языке необходимо учитывать следующее:

представление в References только транслитерированного (без перевода) описания недопустимо;

при описании изданий, подготовленных коллективом авторов (сборников, монографий и пр.) допускается указывать одного, максимум двух авторов издания;

для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (Unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо «Unpublished Source» или «Unpublished Report», если авторство в документе отсутствует;

поскольку русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, рекомендуется в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников;

все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства, кроме собственного непереводаемого имени издательства – оно транслитерируется) должны быть представлены на английском языке;

в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не нужно указывать вид изданий. Эта информация в ссылках в данном случае является избыточной;

в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании – «pp.» перед страницами; количество страниц в полном издании – «р.» после указания количества страниц;

перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

если книга в списке ссылок на литературные источники (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в библиографическом описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы этого издания были процитированы в тексте. Исключение составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы с указанием страниц.

9.6. Примеры перевода на английский язык ссылок на литературные источники:

Статья из журнала

Абакумова И. В., Ермаков П. Н. О становлении толерантности личности в поликультурном образовании // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 72–82.

Abakumova I. V., Ermakov P. N. O stanovlenii tolerantnosti lichnosti v polikul'turnom obrazovanii [On the issue of the person's tolerance formation in polycultural education]. Voprosy Psichologii – Approaches to Psychology, 2003, no. 3, pp. 78–82.

Статья из электронного журнала

Яхьяев М. Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. URL : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (дата обращения: 16.03.2013).

Yakhyayev M. Ya. Religious and political extremism in the North Caucasus: prevention problems. Available at : <http://mirkavkazu.sfedu.ru> (Accessed 16 March 2013).

Материалы конференций

Горбатюк В. Ф. Хаос, эмерджентность и феномены самоорганизации-самообучения // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 12–13 сент. 2012 г.) / под ред. Г. А. Борулавы. Сочи, 2012. С. 156–160.

Gorbatyuk V. F. Haos, jemerdzhentnost' i fenomeny samoorganizacii-samoobuchenija [Chaos, emergence and the phenomena of self-organization and self-education]. Materialy dokladov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sostojanie i perspektivy razvitija vysshego obrazovanija v sovremennom mire» [Proc. the International Scientific Conference «The state and prospects of higher education in the modern world»]. Sochi, 12–13 September, 2012, pp. 156–160.

Книга (монография, сборник)

Михайлова О. Ю., Целиковский С. Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М., 2008. 200 с.

Mikhaylova O. Yu., Tselikovskiy S. B. Seksual'naija agressiia: norma i sotsial'naia patologiiia [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow, 2008. 200 p.

Абакумова И. В. Смыслодидактика : учебник. М., 2008. 386 с.

Abakumova I. V. Smyslodidaktika [Sense didactics]. Moscow, 2008. 386 p.

Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 4–7.

Asmolov A. G. Tolerantnost': ot utopii k real'nosti. Na puti k tolerantnomu soznaniyu [Tolerance: from utopia to reality. On a way to tolerant consciousness]. Moscow, 2000, pp. 4–7.

Мясищев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982. С. 35–38.

Myasishchev V. N. Struktura lichnosti i otnosheniye cheloveka k deystvitel'nosti [The personality structure and the person's attitude to reality]. Moscow, 1982, pp. 35–38.

Диссертация, автореферат диссертации

Абакумова И. В. Личностный смысл как педагогический фактор и его использование в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 1989. 250 с.

Abakumova I. V. Lichnostnyy smysl kak pedagogicheskiy faktor i yego ispol'zovaniye v uchebnom protsesse. Diss. dokt. ped. nauk [Personal sense as a pedagogical factor and its using in the educational process. Dr. ped. sci. diss]. Rostov-on-Don, 1989. 250 p.

Нормативные документы

Об уголовной ответственности за государственные преступления : закон СССР от 25 декабря 1958 г. URL : <http://bestpravo.ru/ussr> (дата обращения: 03.04.2013).

Zakon SSSR «Ob ugovolnoi otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniia» ot 25.12.1958 [The law of USSR «On criminal responsibility for state crimes» from 25 December, 1958]. Available at : <http://bestpravo.ru/ussr> (Accessed 3 April 2013).

О следственном комитете Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ // Закон и порядок. 2012. № 2. С. 5–7.

Federal'nyi zakon ot 28 dekabria 2010 g. № 403-F3 «O sledstvennom komitete Rossiiskoi federatsii» [The federal law from December, 28th, 2010, № 403-FL «On the committee of inquiry of the Russian Federation». Zakon i poriadok – Law and Order, 2012, no. 2, pp. 5–7.